І. Малиновскій.

РАДА

Великаго Княжества Литовскаго

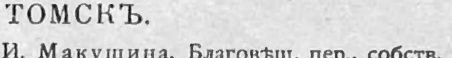
въ связи

съ Боярской Думой древней Россіи.

Часть I.-2

БОЯРСКАЯ ДУМА ДРЕВНЕЙ РОССІИ.

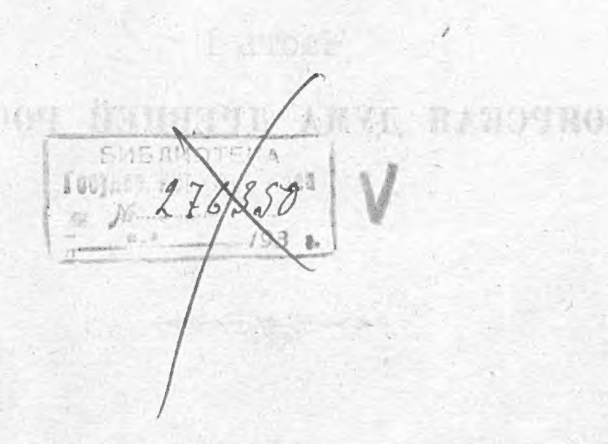
ТОМСКЪ.


Паровая типо-литографія П. И. Макушина, Благовѣщ. пер., собств. д.

1903

По постановленію Юридическаго Факультета Императорскаго Томскаго Университета печатать разрѣшается.

Деканъ *И. Базановъ.*



Посвящается

Профессору Университета Св. Владимира

Михаилу Флегонтовичу

Владимирскому-Буданову.

Оглавленіе.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Однимъ изъ интереснѣйшихъ вопросовъ исторіи литовско-русскаго права является вопросъ о роли аристократіи въ государственномъ строѣ великаго княжества Литовскаго. Исторія рады великаго княжества Литовскаго составляетъ часть этого вопроса.

Избравъ темой своего изслѣдованія исторію рады, авторъ сначала познакомился съ печатными матеріалами, а затѣмъ приступилъ къ архивнымъ розысканіямъ. Результатъ архивныхъ работъ—выпущенный въ прошломъ году «Сборникъ матеріаловъ, относящихся къ исторіи пановъ-рады великаго княжества Литовскаго». Изученіе печатныхъ и архивныхъ матеріаловъ лишній разъ убѣдило автора въ правильности давно уже высказанной въ историко-юридической литературѣ мысли о связи между исторіей литовско-русскаго права и исторіей русскаго права вообще. Въ частности, авторъ пришелъ къ убѣжденію о связи между радой великаго княжества Литовскаго и боярской думой древней Россіи.

Въ русской литературѣ уже имѣются спеціальныя изслѣдованія о боярской думѣ древней Россіи проф. Н. П. Загоскина, В. О. Ключевскаго и В. И. Сергѣевича. Новыя изданія изслѣдованій проф. В. О. Ключевскаго и В. И. Сергѣевича появились въ самое послѣднее время. Полагая однако, что вопросъ о боярской думѣ всетаки еще недостаточно выясненъ, авторъ позволяетъ себѣ предложить вниманію просвѣщенныхъ читателей и свой трудъ на ту же тему.

Тема предлагаемаго труда—«Боярская дума древней Россіи». Проф. В И. Сергѣевичъ и проф. В. О. Ключевскій древней Россіей называютъ Россію до-Петровскую. Авторъ раздѣляетъ мнѣніе проф. М. Ф. Владимирскаго-Буданова о томъ, что въ ис-

торіи права до-Петровской Россіи слѣдуетъ различать два періода. Древней Россіей авторъ называетъ Россію земскаго періода, т. е. Россію до-Московскую и до-Литовскую. Окончательное образованіе Московскаго и Литовско-русскаго государствъ относится къ началу XVI вѣка. Но процессъ установленія единодержавія начался раньше. XIV и XV вѣка—переходная эпоха; въ эту эпоху зародыши новыхъ явленій уживаются съ явленіями стараго порядка. Вслѣдствіе этого въ изложеніи исторіи боярской думы древней Россіи авторъ касается и этой переходной эпохи.

Въ ссылкахъ на источники авторомъ приняты слѣдующія сокращенія:

П. С. Р. Л.=Полное собраніе русскихъ лѣтописей, изданное по Высочайшему повелѣнію Археографическою коммиссіей, Спб., 1846—1889.

Воскр.=Лѣтопись по Воскресенскому списку (въ П. С. Р. Л., т. VII и VIII).

Густ.=Густинская лѣтопись (въ П. С. Р. Л., т. II).

Ипат.=Лѣтопись по Ипатскому списку. Изданіе Археографической Коммиссіи, Спб., 1871.

Лавр.=Лаврентіевская лѣтопись (въ П. С. Р. Л., т. I).

Нач.=Начальная лѣтопись (въ П. С. Р. Л., т. I, древній текстъ лѣтописи Нестора).

Ник.=Никоновская лѣтопись. (Русская лѣтопись по Никонову списку, изданная подъ смотрѣніемъ Императорской Академіи Наукъ, Спб., 1767—1791).

Новг.=Новгородская лѣтопись, первая—четвертая (въ П. С. Р. Л., т. III—IV).

Псков.=Псковская лѣтопись, первая—вторая (въ П. С. Р. Л., т. IV—V).

Соф.=Софійская лѣтопись, первая—вторая (въ П. С. Р. Л., т. V—VI).

Твер.=Тверская лѣтопись (въ П. С. Р. Л., т. XV).

Лѣт. Быховца=Pomniki do dziejow Litewskich. Zebrane przez Teodora Narbutta. Wilno, 1846.

Dlugossi, Hist. Pol.=Ioannis Dlugossi, Historiae Polonicae libri XII, Lipsiae, anno MDCCXI.

А. А. Э.=Акты, собранные въ библіотекахъ и архивахъ Россійской имперіи Археографическою Экспедиціею Императорской Академіи наукъ, т. I, Спб., 1836.

А. З. Р.=Акты, относящіеся къ исторіи Западной Россіи, собранные и изданные Археографическою Коммиссіей, т. I—II, Спб., 1846, 1848.

Akta grodzkie i ziemskie=Akta grodzkie i ziemskie z czasow Rzeczy Pospolitéj Polskiej Lwow, t. I, 1866.

А. И.=Акты историческіе, собранные и изданные Археографической Коммиссіей, т. I, Спб., 1841.

Дополненія къ А. И.=Дополненія къ Актамъ Историческимъ..., т. I, Спб., 1843.

А. Л. М =Акты Литовской Метрики. Собраны проф. Ѳ. И. Леонтовичемъ. Варшава, 1896—1897.

А. Ю.=Акты юридическіе, или собраніе формъ стариннаго дѣлопроизводства. Изданы Археографическою Коммиссіей, Спб., 1838.

А. ю. б.=Акты, относящіеся до юридическаго быта древней Россіи. Изданы Археографическою Коммиссіей подъ редакціей Н. Калачова, т. I, Спб., 1857.

А. Ю. и З. Р.=Акты, относящіеся къ исторіи Южной и Западной Россіи, собранные и изданные Археографическою Коммиссіей, т. I, Спб., 1863.

A. Sang.=Archiwum książat Sanguszkow w Slawucie, t. I, III, Lwow, 1887, 1890.

Арх. Сбор.=Археографическій сборникъ документовъ, относящихся къ исторіи сѣверозападной Россіи, издаваемыхъ при управленіи Виленскаго учебнаго округа. Вильно, т. I—XI, 1867—1890.

Bunge, U.-B.=Bunge, Liv-Esth-und Curländisches Urkundenbuch, I—VIII, Ревель 1850—1885.

Памятники диплом. снош.=Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранными, по Высочайшему повелѣнію изданные II отдѣленіемъ собственной Е. И. В. Канцеляріи, I—X, Спб., 1851—1871.

Ревизія пущъ.=Ревизія королевскихъ пущъ въ б. Великомъ княж. Литовскомъ. Вильно, 1867.

Рус. Истор. Биб.=Русская Историческая Библіотека, издаваемая Археографической Коммиссіей, I—XII, 1872—1890.

Р. Л. А.=Русско-Ливонскіе акты. Изданіе Археографической Коммиссіи. Спб., 1868.

Сборникъ матеріаловъ=I. Малиновскій, Сборникъ матеріаловъ, относящихся къ исторіи пановъ-рады великаго княжества Литовскаго, Томскъ, 1901.

Собр. Гос. Гр. и Дог.=Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, хранящихся въ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ, ч. I—IV, М., 1813—1828.

Христоматія по ист. рус. пр.=Христоматія по исторіи русскаго права. Составилъ М. Владимирскій-Будановъ. В. I, К., 1899. В. II, К. 1887.

Памятники, изд. Калайдовичемъ=Памятники Россійской словесности XII вѣка, изданные К. Калайдовичемъ, М., 1821.

Яковлевъ, Памятники=Памятники русской литературы XII и XIII вѣковъ, изданные Владимиромъ Яковлевымъ, Спб., 1872.

Ч. М. О. И. и Д. Р.=Чтеніе въ Императорскомъ обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ.

Томскъ,
25 февраля 1903 года.

I.

Литература вопроса о государственномъ строѣ древней Россіи.

Государственный строй древней Россіи выясняется постепенно въ нашей исторической литературѣ. Было время, когда, перенося знакомыя черты позднѣйшаго времени во времена древнѣйшія, полагали, что верховная власть въ древней Россіи носила характеръ исключительно монархическій. Этотъ взглядъ господствовалъ въ XVIII в. и въ началѣ XIX вѣка.

По мнѣнію *В. М. Татищева*, древняя Россія была наслѣдственной монархіей и управлялась „единовластными государями"; этотъ монархическій строй — единодержавный и самодержавный — нарушенъ былъ въ XII вѣкѣ (въ 1132 году) и возстановленъ въ XV: „Іоанъ Великій паки совершенную монархію возставилъ" *).

М. В. Ломоносовъ раздѣляетъ этотъ взглядъ Татищева. Во вступленіи къ „Древней россійской исторіи" Ломоносовъ говоритъ о „самодержавствѣ первыхъ самовластныхъ князей Россійскихъ". До призванія князей славяне „безъ монархіи почитали себя вольными". Рюрикъ съ Варягами Россами привели славянъ „подъ самодержавство". „Оскольдъ и Диръ въ Полянехъ самодержавство начали, которое потомъ Ольгомъ укрѣпилось". „Рюрикъ — самодержавства Россійскаго основатель" **).

По мнѣнію кн. *М. М. Щербатова*, въ Новгородѣ до призванія князей „правленіе было народное". Призвавъ князей, Новгородскіе славяне „не дали имъ неограниченной власти. Но послѣ Рюрикъ сію власть себѣ пріобрѣлъ" ***).

Авторъ „Исторіи Государства Россійскаго" *Н. М. Карамзинъ* тоже придерживается мнѣнія о самодержавной власти князей въ древ-

---

*) Исторія Россійская... I, стр. 540—545.
**) Сочиненія (изд. 1850). III, стр. 75, 141, 144.
***) Исторія Россійская... I, стр. 190, 192.

ней Россіи. „Слова Новгородцевъ, говоритъ онъ, и союзныхъ съ ними народовъ, переданныя намъ лѣтописцемъ: „хотимъ князя, да владѣетъ и правитъ нами по закону“ были основаніемъ перваго устава государственнаго въ Россіи, т. е. монархическаго“. Вольность—начало демократическое—господствовала, по мнѣнію Карамзина, до призванія князей Варяговъ. Пригласивъ князей, „Славяне добровольно уничтожили свое древнее народное правленіе“. Рюрикъ—первый самодержецъ Россійскій *).

Такого-же мнѣнія о неограниченности княжеской власти въ древней Россіи придерживается и авторъ „Исторіи русскаго народа“ *Н. А. Полевой*. По мнѣнію Полевого, Варяжскіе князья, какъ завоеватели, сразу пріобрѣли неограниченную власть надъ туземцами—славянами. „Туземцы, покорные варягамъ, были рабы. Право жизни и смерти принадлежало князьямъ, равно какъ имѣніе туземца, самъ онъ и семейство его“. Пришельцы варяги, наоборотъ, составляютъ привилегированный классъ; власть первыхъ князей по отношенію къ этой варяжской аристократіи весьма слаба. Постепенно различіе между пришельцами и туземцами падаетъ, западный феодализмъ смѣняется восточнымъ деспотизмомъ; все населеніе „передъ лицомъ князя сливается въ одно званіе рабовъ“ **).

Основатель теоріи родового быта *Г. Эверсъ* полагаетъ, что верховная власть въ древнерусскомъ государствѣ принадлежитъ исключительно князю. Князь же управляетъ своимъ государствомъ такъ, какъ родоначальникъ управляетъ своей семьей и своимъ домомъ, ибо первоначальное государство „есть не что иное, какъ соединеніе многихъ великихъ родовъ, и новый властитель не что иное, какъ верховный патріархъ“ ***).

Послѣдователь Эверса *Ф. Рейцъ* прямо указываетъ на неограниченный характеръ власти древнерусскаго князя. Онъ говоритъ: „нѣтъ никакого слѣда ограниченія княжеской власти... въ отношеніи къ подданнымъ образъ правленія былъ неограниченная монархія“ †).

---

*) Н. М. Карамзинъ, Исторія государства россійскаго, изд. Эйнерлинга, Спб., 1842, стр. 67, 74, 142.

**) Н. Полевой, Исторія русскаго народа, М., 1830, т. I, стр. 70—73, 155, 200—201, т. II, стр. 87, 278 и др.

***) Эверсъ, Древнѣйшее русское право, переводъ Платонова, Спб., 1835, введеніе.

†) Рейцъ, Опытъ исторіи россійскихъ государственныхъ и гражданскихъ законовъ, пер. Морошкина, М., 1836, стр. 28—29.

Мнѣніе объ исключительно монархическомъ характерѣ верховной власти въ древнерусскомъ государствѣ находится въ рѣзкомъ противорѣчіи съ прямыми свидѣтельствами памятниковъ. И сами приверженцы этого мнѣнія не могли не замѣтить въ свидѣтельствахъ памятниковъ прежде всего указаній на участіе народа, т. е. на демократическое начало, въ верховномъ управленіи государствомъ.

Уже *Татищевъ* подмѣтилъ демократическое начало въ государственномъ строѣ Новгорода, Пскова и Полоцка; демократическое начало утвердилось здѣсь въ періодъ раздробленія единой монархіи: въ это время „Новгородъ, Плесковъ и Полоцкъ, учиня собственныя демократическія правительства, власть великихъ князей уничтожили“ *).

По мнѣнію *А. Шлецера*, Новгородскіе славяне не искали „самодержца въ настоящемъ смыслѣ“, ибо „люди, мало понимавшіе, что значитъ король, не могли вдругъ и добровольно перемѣнить гражданское свое право на монархическое“ **).

И. Н. Болтинъ полагаетъ, что призваннымъ Варяжскимъ князьямъ „власти самодержавныя не дано“, что и послѣ призванія Варяговъ „важныя дѣла зависѣли отъ опредѣленій всего народа“ ***).

Карамзинъ, установивши то положеніе, что призваніемъ князей „славяне добровольно уничтожили свое древнее народное правленіе“, констатируетъ наличность демократическаго начала и послѣ призванія Варяговъ. „Народъ славянскій, говоритъ онъ о X вѣкѣ, хотя и покорился князьямъ, но сохранилъ нѣкоторыя обыкновенія вольности, и въ дѣлахъ важныхъ или въ опасностяхъ государственныхъ сходился на общій совѣтъ“. Въ XI—XIII вв. „граждане столицы, пользуясь свободой вѣча, нерѣдко останавливали Государя въ дѣлахъ важнѣйшихъ: предлагали ему совѣты, требованія: иногда рѣшали собственную судьбу его, какъ вышніе законодатели“. Такая вольность, очевидно, по мнѣнію Карамзина, явленіе неправомѣрное, ибо „древній уставъ Рюриковыхъ временъ не былъ отмѣненъ“ †).

По мнѣнію *Полевого*, вѣчевыя собранія не имѣли „никакой общественной власти“, они должны были „исполнять только пове-

*) Исторія Россійская... стр. 541—545.
**) Несторъ, стр. 305—309, 337.
***) Примѣчанія на Исторію Россійскую Щербатова, I, стр. 176.
†) Исторія гос. росс... т. I, стр. 143, т. III, стр. 121.

лѣнное имъ: это были нынѣшнія наши Городскія Думы". Признавая неограниченную власть князя, какъ общее правило, Полевой допускаетъ исключеніе для „вольнаго Новгорода", въ основѣ государственнаго строя котораго лежало начало демократическое: власть принадлежала вѣчу *).

Подобное же мнѣніе высказываетъ и *Рейцъ*, признающій демократическій государственный строй въ „вольныхъ городахъ" Новгородѣ и Псковѣ **).

Таково было общее направленіе нашей исторической литературы по вопросу о государственномъ строѣ древней Россіи до 40-хъ годовъ XIX столѣтія.

Наиболѣе видный представитель теоріи родового быта авторъ „Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ" *С. М. Соловьевъ* уже въ первомъ своемъ изслѣдованіи по русской исторіи „Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ", (напечатанномъ въ 1845 году), высказалъ мысль о томъ, что Новгородское государственное устройство не является исключеніемъ изъ общаго строя древнерусскихъ государствъ. Онъ говоритъ: „во все продолженіе такъ называемаго удѣльнаго періода въ старыхъ городахъ власть князя и власть вѣча находятся другъ подлѣ друга въ неопредѣленныхъ отношеніяхъ, и вѣче является у лѣтописца принадлежностью всѣхъ городовъ старыхъ, при чемъ Новгородъ причисляется къ послѣднимъ безо всякаго особаго отличія" ***).

Это мнѣніе раздѣляется и другимъ послѣдователемъ теоріи родового быта *К. Д. Кавелинымъ*. Въ критической статьѣ, написанной по поводу появленія въ свѣтъ указаннаго изслѣдованія Соловьева, К. Д Кавелинъ говоритъ: „Внутреннее устройство городовъ и общинъ въ юго-западной и сѣверо-восточной Россіи не представляетъ существеннаго различія. И тамъ, и здѣсь мы находимъ вѣче и князя—двѣ власти, которыя являются одна возлѣ другой во всей древней Россіи". Ту же мысль повторяетъ К. Д. Кавелинъ въ своей замѣчательной статьѣ „Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи", (напечатанной въ 1847 году). „Новгородъ, говоритъ здѣсь К. Д. Кавелинъ, остался для насъ образцомъ первоначальнаго русско-славянскаго общиннаго быта"...

*) Полевой, назв. соч., т. II, 54—94.
**) Рейцъ, назв. соч., стр. 155 и слѣд.
***) Чтенія въ Общ. Ист. и Др. Рос., 1846, № 1, стр. 16.

въ Новгородѣ „верховная власть находилась въ одно и то же время въ рукахъ князя и вѣча“ *).

Послѣдователи теоріи общиннаго быта съ своей стороны указываютъ, что вѣча—исконное учрежденіе всѣхъ русскихъ славянъ.

Старѣйшій представитель славянофильскаго ученія *А. С. Хомяковъ* въ статьѣ „О старомъ и новомъ“, (написанной въ 1839 году), говоритъ: „все, что можно разобрать въ первыхъ началахъ исторіи Русской, заключается въ немногихъ словахъ. Правительство изъ Варяговъ представляетъ внѣшнюю сторону; областныя вѣча—внутреннюю сторону государства. Во всей Россіи исполнительная власть, защита границъ, сношенія съ державами сосѣдними, находятся въ рукахъ одной Варяго-Русской семьи, начальствующей надъ наемною дружиною; судъ правды, сохраненіе обычаевъ, рѣшеніе всѣхъ вопросовъ правленія внутренняго, предоставлены народному совѣщанію“ **).

Другой представитель славянофильскаго ученія *Ю. Ѳ. Самаринъ* въ разборѣ статьи Кавелина „Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи“ проводитъ ту мысль, что „общинное начало составляетъ основу, грунтъ всей русской исторіи, прошедшей, настоящей и будущей...“ Это общинное начало „въ каждомъ моментѣ его развитія выражается въ двухъ явленіяхъ, идущихъ параллельно и необходимыхъ одно для другого. Вѣче родовое и родоначальникъ. Вѣче городовое и князь. Вѣче земское или дума и царь. Первое служитъ выраженіемъ общаго связующаго начала; второе—личности“ ***).

К. С. Аксаковъ находитъ „двѣ силы, два двигателя и условія во всей Русской Исторіи: Земля и Государство“. Земля древнѣе государства: „въ самыхъ первыхъ временахъ, въ славянскихъ народахъ мы встрѣчаемъ человѣческое общество, міръ, и необходимое проявленіе его существованія—совѣщаніе, носившее въ древности наименованіе вѣча. Народъ, живущій подъ такими условіями, имѣетъ на языкѣ русскомъ особое наименованіе—земли“. Русская исторія начинается призваніемъ князей; призваніе князей обозначаетъ „призваніе Государства къ землѣ“. И послѣ призванія кня-

---

*) Собраніе сочиненій, Спб., 1897, т. I, стр. 267, 34.
**) Сочиненія А. Д. Хомякова, изд. 2, т. I, стр. 368.
***) Москвитянинъ, 1847, № 2, стр. 159 и слѣд.

зей „народъ сохранялъ свое вѣче, свой свободный громкій голосъ. Земля русская въ ту пору являлась отдѣльными общинами, имѣвшими отдѣльныхъ князей... жизнь земская выражалась вѣчами, бывшими въ этихъ отдѣльныхъ общинахъ. Съ этими вѣчами совѣщался князь, и въ нихъ вообще выражалось тогда отношеніе и соприкосновеніе власти государственной къ мысли народной“ *).

Историкъ-юристъ славянофильскаго направленія *И. Д. Бѣляевъ* доказываетъ, что вѣча существовали у русскихъ славянъ до призванія Варяжскихъ князей, сохранились и послѣ призванія **). Управленіе первыхъ князей Варяжскихъ и ихъ посадниковъ „было далеко не самовластнымъ; рядомъ съ властью князя или посадника стояла власть земщины въ лицѣ наборныхъ старостъ, зависѣвшихъ не отъ князя, а отъ народнаго вѣча“. Послѣ принятія христіанства при Владимірѣ и Ярославѣ власть княжеская значительно усилилась; однако „ни Владиміръ, ни Ярославъ не были еще самовластцами въ Русской землѣ. Земщина по прежнему была еще сильна и самостоятельна, и при князьяхъ и при ихъ посадникахъ продолжала еще имѣть свое собственное управленіе, своихъ старостъ и другихъ выборныхъ начальниковъ, и свое вѣче, которое въ важныхъ случаяхъ даже приглашалось князьями и иногда дѣйствовало мимо князей“. При сыновьяхъ Ярослава княжеская власть ослабѣваетъ, князья удаляютъ отъ себя земцовъ, земщина охладѣваетъ къ князьямъ. При внукахъ и правнукахъ Ярослава происходитъ сближеніе князя и земщины, въ важныхъ случаяхъ князья созываютъ вѣча *).

Извѣстный историкъ *Н. И. Костомаровъ* рѣзко подчеркиваетъ значеніе вѣча въ государственномъ строѣ древней Руси. „Вѣчевое начало, говоритъ онъ въ своей статьѣ „Мысли о федеративномъ началѣ древней Руси“, (напечатанной въ 1859 году), было родное всѣмъ славянамъ русскимъ. Повсюду, какъ коренное учрежденіе народное, является вѣче, народное сборище. Самое выраженіе вѣче есть названіе общее всѣмъ славянамъ русскимъ, какъ въ Кіевѣ и на Волыни, такъ и въ Ростовѣ и Новгородѣ; во всѣхъ

---

*) Сочиненія К. С. Аксакова, 2 изд., т. I, стр. 14, 285, 289, 147.

**) См. статьи И. Д. Бѣляева во Временникѣ Москов. Общ. Ист. и Др. Росс. (№ 8, 14, 15): „Русская земля передъ прибытіемъ Рюрика“, „Князь Рюрикъ съ братьями и дружиною“ и „Русь въ первые сто лѣтъ отъ прибытія Рюрика въ Новгородъ“.

***) Разсказы изъ русской исторіи, кн. I, стр. 52, 102, 123 и слѣд., 201 и слѣд.

углахъ и краяхъ Руси употребляютъ одно и то же названіе самаго драгоцѣннаго и важнѣйшаго явленія народной самобытности“ *). Вслѣдствіе такого значенія вѣча Костомаровъ называетъ древній періодъ русской исторіи періодомъ удѣльно-вѣчевого уклада **). Рядомъ съ вѣчемъ необходимымъ элементомъ государственнаго строя въ періодъ удѣльно-вѣчевого уклада является князь. «Старыя славянскія понятія объ общественномъ строѣ признавали за источникъ общей народной правды волю народа, приговоръ вѣча... При этомъ давно возникла и укоренилась въ понятіяхъ идея князя правителя, третейскаго судьи, установителя порядка, охранителя отъ внѣшнихъ и внутреннихъ безпокойствъ... Князь былъ необходимъ“... ***).

Такимъ образомъ и послѣдователи теоріи родового быта и послѣдователи теоріи общиннаго быта признаютъ вѣче—исконнымъ явленіемъ русской жизни.

Въ сторонѣ отъ послѣдователей этихъ теорій стоитъ историкъ *М. П. Погодинъ*, противникъ вообще теорій, взглядовъ и системъ при изученіи русской исторіи. По мнѣнію М. Погодина, „никакая теорія, даже самая блистательная, никакая система даже самая остроумная, непрочны, прежде нежели соберутся, очистятся, провѣрятся, утвердятся быти, дѣи“. Въ „Изслѣдованіяхъ, замѣчаніяхъ и лекціяхъ о русской исторіи“ М. Погодинъ занимается собираніемъ, очисткой, провѣркой и утвержденіемъ „бытей и дѣй“, касающихся различныхъ сторонъ древнерусской жизни, въ томъ числѣ и вопроса о государственномъ строѣ. Въ VII томѣ „Изслѣдованій“ М. Погодинъ разсматриваетъ „всѣ извѣстія лѣтописей о вѣчахъ“ и приходитъ къ тому выводу, что „вѣча были искони въ обычаѣ вездѣ, во всѣхъ городахъ“ †*).

Въ 60-хъ годахъ появляются спеціально юридическія сочиненія, посвященныя выясненію вопроса о государственномъ строѣ древней Россіи.

Въ „Юридическомъ Журналѣ“ за 1861 годъ (№ 5) помѣщена была статья проф. *С. М. Шпилевскаго* „Объ участіи земщины въ

---

*) Монографіи, т. I, стр. 24. См. тамъ-же, 335—336.
**) О значеніи великаго Новгорода, тамъ же, стр. 323.
***) Двѣ русскія народности, тамъ же, стр. 67. См. также Сѣвернорусскія народоправства, Монографіи, т VII, стр. 145.
†) Изслѣдованія, замѣчанія, лекціи, т. VII, предисловіе.
†*) Стр. 153 и слѣд.

дѣлахъ правленія до Іоанна IV"; статья эта посвящена доказательству той мысли, что „вѣче было исконнымъ учрежденіемъ въ славянскихъ племенахъ, населявшихъ нынѣшнюю Россію" *).

Въ 1867 году вышло въ свѣтъ капитальное изслѣдованіе проф. *В. И. Сергѣевича*, посвященное вопросу о „русскомъ государственномъ устройствѣ и управленіи во времена князей Рюриковичей" и озаглавленное „Вѣче и князь". Въ этомъ изслѣдованіи, а равно въ другихъ своихъ работахъ проф. Сергѣевичъ доказываетъ, что въ государственнномъ строѣ древней Руси съ элементомъ монархическимъ конкурируетъ элементъ демократическій. Въ нашихъ древнихъ княжествахъ мы встрѣчаемся, говоритъ проф. Сергѣевичъ, «не съ простою, а съ смѣшанною формою правленія, въ которой участвуютъ два элемента, а именно монархическій, въ лицѣ князя, и народный демократическій элементъ, въ лицѣ вѣча" **). „Народъ и князь—суть два одинаково существенныхъ элемента древнерусскаго общественнаго быта", такими словами начинается изслѣдованіе проф. Сергѣевича „Вѣче князь".

Изслѣдованіе проф. Сергѣевича „Вѣче и князь" вызвало критическую статью проф. *Д. Я. Самоквасова*, озаглавленную „Замѣчанія по исторіи русскаго гусударственнаго устройства". Въ этой статьѣ проф. Самоквасовъ повторяетъ взгляды, высказанные раньше Рейцомъ и Полевымъ. По мнѣнію проф. Самоквасова, „уже съ IX вѣка развитіе государственнаго быта въ сѣверныхъ и южныхъ волостяхъ Россіи пошло противоположными путями, и очень скоро, уже въ X столѣтіи Кіевское княжество представляетъ чистую монархію, гдѣ народъ является въ политической сферѣ только въ чрезвычайныхъ, исключительныхъ случаяхъ, тогда какъ Новгородское народоправство было чистою демократіей, гдѣ участіе народа въ государственной сферѣ есть общее правило, гдѣ законный органъ народа, вѣче, соединяетъ всѣ функціи верховной государственной власти. А если такъ, то въ древней Руси верховнымъ элементомъ государства былъ только одинъ элементъ, но не вездѣ одинъ и тотъ-же: въ южныхъ волостяхъ—князь, въ сѣверныхъ—народъ" ***).

---

*) Юридическій Журналъ, изд. Салмановымъ, № 5, 1861, стр. 208.
**) Лекціи и изслѣдованія, 101.
***) Журн. Мин. Нар. Просв., 1869, XI, стр. 70.

Это мнѣніе проф. Самоквасова не нашло послѣдователей, кромѣ г. *Лимберта*, автора статьи „Предметы вѣдомства вѣча въ княжескій періодъ древней Россіи“ *).

По поводу того-же изслѣдованія проф. Сергѣевича написана была извѣстнымъ государствовѣдомъ проф. *А. Д. Градовскимъ* статья „Государственный строй древней Россіи“. Проф. Градовскій, дѣлая весьма цѣнныя замѣчанія о взаимныхъ отношеніяхъ между княземъ и вѣчемъ и о связи между древней Россіей и Московскимъ Государствомъ, присоединяется къ мнѣнію автора „Вѣча и князя“ о томъ, что князь и народъ являются существенными элементами древнерусскаго государственнаго быта **).

Къ этому мнѣнію присоединился и другой русскій государствовѣдъ проф. *А. В. Романовичъ-Славатинскій*. О государственныхъ учрежденіяхъ княжескаго періода русской исторіи проф. Романовичъ-Славатинскій говоритъ слѣдующее: „устройство управленія въ отдѣльныхъ княжествахъ заключаетъ въ себѣ большія или меньшія уклоненія и особенности... Но не смотря на эти уклоненія и особенности, управленіе въ княжествахъ имѣетъ и многія общія черты. Важнѣйшая изъ нихъ состоитъ въ томъ, что вездѣ мы замѣчаемъ двѣ политическія силы: князь и вѣче“ ***).

Наконецъ, къ этому мнѣнію присоединился и академикъ *К. Н. Бестужевъ-Рюминъ*, авторъ „Русской Исторіи“, задавшійся цѣлью въ этой книгѣ—„представить результаты, добытые русскою историческою наукою въ полтораста лѣтъ ея развитія“. Какъ послѣднее слово науки, академикъ Бестужевъ-Рюминъ проводитъ тотъ взглядъ, что въ періодъ удѣльный Русской землей управляли князья, а „подлѣ князей по исконному славянскому обычаю стояло вѣче“ †).

Такимъ образомъ выводы проф. Сергѣевича сдѣлались прочнымъ достояніемъ науки.

Рядомъ съ элементами—монархическимъ и демократическимъ нельзя не подмѣтить въ свидѣтельствахъ памятниковъ древней русской исторіи и указаній на элементъ аристократическій.

Уже *Болтинъ* подмѣтилъ существованіе всѣхъ трехъ элементовъ въ государственномъ строѣ древней Россіи. Монархическій

*) Варшав. унив. извѣстія, 1877, № 1—3.
**) Собраніе сочиненій А. Д. Градовскаго, т. I, Спб., 1899, стр. 339—381.
***) Пособіе для изученія рус. госуд. права.., вып. II, Кіевъ, 1872, стр. 135—136.
†) Т. I стр. 193, 205.

элементъ представленъ княземъ; но князь, по мнѣнію Болтина, не имѣлъ власти самодержавной: главная должность князя—„охранять границы и начальствовать войсками... все правленіе государственное находилось въ рукахъ посадника, тысяцкаго и бояръ, составлявшихъ верховный Совѣтъ, а важныя дѣла, яко объявить войну, заключить миръ, наложить подати... зависѣли отъ опредѣленій всего народа“ *).

Карамзинъ отмѣчаетъ наличность аристократическаго начала въ древней Россіи. Въ IX и X в., по его словамъ, прибывшіе съ князьями Варяги „были первыми чиновниками, знаменитѣйшими воинами и гражданами, составляли отборную дружину и верховный Совѣтъ, съ коимъ Государь дѣлился властію“. Относительно вѣчевыхъ собраній въ XI—XIII в.в. Карамзинъ высказываетъ предположеніе, что „не всѣ граждане могли судить на Вѣчахъ, а только старѣйшіе или нарочитые, бояре, воины, купцы. Знаменитое духовенство также участвовало въ дѣлахъ Правленія“. Въ слѣдующемъ періодѣ (отъ нашествія татаръ до Іоанна III) бояре „составляли у насъ нѣкоторую аристократію“; органъ этой аристократіи—„совѣтъ вельможъ“ **). При неограниченности княжеской власти аристократическое начало не могло, очевидно, имѣть самостоятельнаго значенія, по мнѣнію Карамзина.

Таково же мнѣніе *Эверса*: „Какъ патріархъ совѣтуется съ своими ближайшими родственниками, такъ и князь съ своею дружиною; но рѣшительную силу имѣетъ здѣсь только мнѣніе князя, подобно тому какъ тамъ мнѣніе патріарха“ ***).

Таково и мнѣніе *Рейца*: „князь считаетъ важнымъ совѣщаніе съ его боярами и старѣйшинами не потому, чтобы ихъ согласіе было нужно для исполненія княжеской воли, но обычай требовалъ, чтобъ князь (часто юный лѣтами) въ важныхъ дѣлахъ выслушивалъ совѣты своихъ приближенныхъ“. Указавъ на такое требованіе обычая, Рейцъ тѣмъ не менѣе заключаетъ, что „образъ правленія былъ неограниченная монархія“ †).

И. Снегиревъ, авторъ сочиненія „Русскіе въ своихъ пословицахъ“. (напечатаннаго въ 1832 году), указываетъ на то, что въ

*) Примѣчанія на Ист. Рос. Щербатова, I, стр 176. См. тамъ же I, 231, II, 305 и Примѣчанія на Ист. Рос. Леклерка, I, 58.

**) Исторія Гос. Рос., I, стр. 143, III, стр. 121—122, стр. 219—220.

***) Назв. соч., стр. 242.

†) Назв. соч., стр. 28—29.

древней Россіи „совѣтъ великаго князя составляла *дума* *) изъ бояръ и старцевъ градскихъ“ **).

К. А. Неволинъ, излагая исторію управленія въ Московскомъ государствѣ, касается между прочимъ вопроса объ участіи аристократическаго элемента въ управленіи въ эпоху, предшествовавшую установленію единодержавія. До установленія единодержавія, по мнѣнію Неволина, въ отдѣльныхъ княжествахъ „бояре были первые сановники князя. Съ ними онъ совѣтовался о важнѣйшихъ предметахъ управленія“. Послѣ установленія единодержавія, „высшее управленіе въ обыкновенномъ порядкѣ составляла Царская Дума... Царская Дума была постоянный Совѣтъ Государя по дѣламъ, подлежавшимъ его разсмотрѣнію и рѣшенію. По существу своему она принадлежитъ къ древнѣйшимъ правительственнымъ установленіямъ въ Россіи и ведетъ свое начало отъ обычая князей русскихъ въ важнѣйшихъ дѣлахъ совѣтоваться съ своими боярами и вообще съ важнѣйшими лицами въ княженіи“ ***).

Историкъ *С. М. Соловьевъ* въ своей диссертаціи „Исторія отношеній между князьями Рюрикова дома“ говоритъ слѣдующее объ аристократическомъ началѣ въ древней Россіи: „на Руси дружинники благодаря безпрерывному переходу князей изъ одной области въ другую, не могли нигдѣ основаться въ качествѣ постоянныхъ землевладѣльцевъ, нигдѣ не могли пріобрѣсть аристократическаго характера, съ особымъ сословнымъ интересомъ, и потому въ отношеніяхъ между князьями бояре не могли играть важной роли; если они появляются на сцену, то не какъ лица независимыя, дѣйствующія въ смыслѣ своего сословнаго интереса, но всегда только какъ побочные дѣятели при князѣ, такъ напр. бояре являются постоянными совѣтниками, неразлучными спутниками князя, но здѣсь они дѣйствуютъ постоянно въ интересѣ князя, и никогда въ интересѣ сословномъ“ †). Изъ этихъ словъ видно, что, по мнѣнію Соловьева, аристократическое начало не имѣло самостоятельнаго значенія наравнѣ съ началами монархическимъ и демократическимъ: бояре—лишь побочные дѣятели при князѣ.

*) Курсивъ подлинника.

**) Книжка III, стр. 14—15.

***) Образованіе управленія въ Россіи отъ Іоанна III до Петра Великаго, въ Полномъ собр. сочиненій, т. VI, стр. 106 и 137.

†) Стр. 242—243.

Но для насъ важна мысль извѣстнаго историка о томъ, что бояре являются „постоянными совѣтниками князя". Эта мысль повторяется и аргументируется въ „Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ"; здѣсь находимъ постоянныя указанія на то, что бояре были думцами, совѣтниками князя, что князь обыкновенно съ ними „думу думалъ" *).

Кромѣ того, въ „Исторіи Россіи" Соловьевъ дѣлаетъ предположеніе о существованіи особаго аристократическаго учрежденія въ Новгородѣ—вѣча малаго: „въ извѣстіяхъ о послѣднихъ минутахъ вѣчевого быта въ Новгородѣ, говоритъ онъ, мы встрѣчаемъ важное извѣстіе о большомъ вѣчѣ... Если было большое вѣче, то было и малое, совѣтъ, засѣданіе правительственныхъ лицъ, въ противоположность большому всенародному вѣчу" **).

К. Д. Кавелинъ считаетъ одной изъ отличительныхъ особенностей русской исторіи (по сравненію съ исторіей Западной Европы)—отсутствіе аристократіи ***). Въ то же время К. Д. Кавелинъ признаетъ, что въ древней Россіи боярство „вездѣ существовало" и „вездѣ играло большую роль" †).

Представитель славянофильскаго ученія *К. Аксаковъ*, подобно представителю теоріи родоваго быта К. Кавелину, считаетъ отсутствіе аристократіи характерной чертой русской исторіи. При этомъ К. Аксаковъ поясняетъ, что онъ разумѣетъ подъ аристократіей. Онъ говоритъ: „аристократіи не было и не могло быть, ибо боярство не было наслѣдственно... Раздѣленія на неподвижныя сословія не было... Аристократіи западной не было вовсе". Не было въ древней Россіи аристократіи, какъ привиллегированнаго наслѣдственнаго сословія. Все населеніе дѣлилось на два класса: людей земскихъ и людей служилыхъ. Въ средѣ земскихъ людей особымъ уваженіемъ пользуются старцы, старѣйшины; въ средѣ служилыхъ людей выдѣляются лица занимающія болѣе высокое служебное положеніе, бояре. Изъ людей земскихъ можно было перейти въ служилые; можно дослужиться до боярина. Слѣдовательно, были бояре, старцы, старѣйшины, но не было аристократіи, какъ наслѣдственнаго неподвижнаго сословія. Старцы и бояре сливаются въ одинъ классъ и

---

*) Книга I, стр. 217, 220, 221, 683 и др.
**) Тамъ же, стр. 1522.
***) Въ ст. „Взглядъ на юрид. бытъ др. Рос.", Собр. соч., I, стр. 6.
†) Собр. сочин., I, стр. 371.

обозначаются въ памятникахъ общимъ терминомъ „дружина“. „Значеніе дружины было важно; это былъ совѣтъ, общество князя; мнѣніемъ дружины онъ дорожилъ и совѣту ея слѣдовалъ; здѣсь не было никакого прямого ограниченія власти князя, но, единственно въ силу обычая, дружина имѣла постоянный вѣсъ въ его намѣреніяхъ и предпріятіяхъ... дружина, хотя только въ силу обычая, умѣряла самовластіе князя... Права дружины не были опредѣлены, но вслѣдствіе обычая, значеніе ея было велико... Совѣщательность входила въ отношенія князя съ его дружиною такъ сильно, что дружина была какъ-бы законнымъ и непремѣннымъ его совѣтомъ во всѣхъ дѣлахъ (кромѣ развѣ личныхъ). Значеніе совѣта дружины не подлежитъ сомнѣнію...“ *).

И. Д. Бѣляевъ тоже признаетъ, что въ древней Россіи не было аристократіи, какъ сословія. „При общинномъ бытѣ, говоритъ онъ въ своей статьѣ „Русская земля передъ прибытіемъ Рюрика“, всѣ члены общины равны, и нѣтъ привилегированыхъ лицъ или классовъ“ **). Но „привилегіи чисто общинныя“ существуютъ и при общинномъ бытѣ: это—„привилегіи уму и достоинствамъ“. Такими привилегіями обладаютъ „земскіе“, или „городовые бояре“. т. е. лучшіе люди общины. Земскіе бояре принимаютъ непосредственное участіе въ управленіи еще до призванія князей Варяжскихъ. Такъ, „у Древлянъ было правленіе, состоявшее изъ князя, народнаго вѣча и лучшихъ мужей, держащихъ землю“ ***). „Общины, составлявшія Новгородъ, каждая выбирала своего старѣйшину, которыя всѣ сообща управляли всѣмъ союзомъ общинъ или Новгородомъ. Для дѣлъ же выходившихъ изъ круга правъ, предоставленныхъ старѣйшинамъ, или можетъ быть въ случаѣ несогласія старѣйшинъ между собою, собиралось народное вѣче и рѣшало дѣло по общему разсмотрѣнію всего народа“ †). Въ землѣ Суздальской „городъ и вся страна управлялись боярами и народнымъ вѣчемъ“ †*). Вмѣстѣ съ князьями Варяжскими является дружина. Сначала пришлая дружина рѣзко отличалась отъ земщины. Постепенно различіе между дружиной и земщиной

*) Сочиненія, I, стр. 22, 104—105, 114, 142—143, 145, 203.
**) Временникъ Моск. Общ. Ист. и Др. Рос. № 8, стр. 48.
***) Тамъ же, стр. 13.
†) Тамъ же, стр. 74.
†*) Тамъ же, стр. 87.

уничтожается: выгоды княжеской службы привлекаютъ земцовъ въ дружину *). Дружина дѣлится на старшую и младшую. „Старшую дружину составляли бояре, мужи, занимавшіе важныя должности... Старшіе дружинники были преимущественно люди богатые и сильные... Старшіе дружинники имѣли большое значеніе у князей, они были княжими думцами, такъ что князь о каждомъ своемъ предпріятіи долженъ былъ объявлять имъ и совѣтоваться съ ними" **). Такое свое положеніе старшіе дружинники, или бояре, сохранили и въ Московскомъ государствѣ: „въ дѣлахъ собственно княжескихъ или государственныхъ бояре искони были постоянными совѣтниками и сотрудниками Государя" Московскаго ***).

Н. И. Костомаровъ тоже считаетъ характеристической чертой древнерусской исторіи „отсутствіе сословности, родовой аристократіи, привилегіи сословій" †). Но наличность въ древнерусскомъ обществѣ высшаго класса—бояръ—признаетъ и Костомаровъ. Боярами, по его мнѣнію, были „люди знатные и богатые", которые „теченіемъ обстоятельствъ, умѣніемъ ими пользоваться для своего возвышенія, пріобрѣтали силу и вліяніе" †*). Бояре представляли изъ себя крупную политическую силу. Въ X вѣкѣ „въ важныхъ дѣлахъ князь не начиналъ самъ собою ничего, а совѣтовался съ боярами, и дружиною, и старцами людскими". Въ удѣльное время „мужи,—бояре и дружина,—располагали судьбою края †**). Довольно подробно описываетъ Костомаровъ соціальный строй Новгородскаго общества,—указываетъ на вліятельное положеніе бояръ въ Новгородскомъ обществѣ и констатируетъ существованіе въ Новгородскомъ государственномъ строѣ особаго аристократическаго учрежденія „совѣта бояръ" †***).

М. Погодинъ въ своихъ „Изслѣдованіяхъ" касается роли аристократическаго начала въ древнерусскомъ обществѣ и въ древнерусскомъ государственномъ строѣ. Въ III томѣ выписаны изъ па-

---

*) Разсказы изъ русской исторіи, 1, стр. 54 и слѣд., 329 и слѣд. Жители Московскаго государства, статья I, Дружина и земщина, Временникъ Моск. Общ. Ист. и Др. Рос., № 1.

**) Разсказы изъ русской исторіи, I, стр. 213.

***) Жители Московскаго государства, статья 2, Служилые люди, Временникъ Моск. Общ. Ист. и Др. Рос., № 3, стр. 9.

†) Черты народной южно-русской исторіи, въ Монографіяхъ, I, стр. 191.

†*) Тамъ же, стр. 199, 242.

†**) Тамъ же, стр. 143, 190.

†***) Сѣвернорусскія народоправства, въ Монографіяхъ, т. VIII, стр. 17 и слѣд.

мятниковъ „всѣ мѣста о боярахъ, а также всѣ мѣста „о боярахъ самихъ по себѣ, отношеніи ихъ къ князю, къ землѣ, къ народу къ государству“ въ норманскомъ періодѣ. Роль бояръ въ древней Россіи была весьма незначительна, по мнѣнію М. Погодина: „они не составили у насъ особаго класса, многочисленнаго сословія, сильнаго элемента, а были только переднимъ рядомъ княжской свиты, гвардіей дружины....“ они „находились въ *полномъ* *) распоряженіи князя,—ближайшіе исполнители его приказаній,—его родственники, слуги, наемники, безъ которыхъ онъ могъ обойтись всегда“ **). Въ VII томѣ М. Погодинъ выписываетъ всѣ мѣста о дружинѣ и боярахъ въ удѣльномъ періодѣ, при чемъ приходитъ между прочимъ къ слѣдующимъ выводамъ: дружина раздѣлялась на старшую и младшую; старшую дружину составляли бояре; „дружиною назывались по преимуществу бояре, что явствуетъ очевидно изъ всѣхъ дѣйствій, ей приписываемыхъ, а именно: князья совѣтовались съ дружиною о всѣхъ важныхъ дѣлахъ, дружина принимала живое участіе во всѣхъ дѣлахъ“... ***). Свидѣтельства памятниковъ о боярахъ Московскихъ XIV—XV вв. сгруппированы М. Погодинымъ въ статьѣ „Древняя Русская аристократія“ †). Московскимъ боярамъ въ этой статьѣ приписывается весьма важная роль въ судьбахъ Московскаго государства: „они утвердили московскую политику, поставили цѣль, дали примѣры“ †*).

До появленія книги проф. Сергѣевича „Вѣче и князь“ въ русской исторической литературѣ указано было на отсутствіе въ древней Россіи аристократіи, какъ сословія, и на наличность въ то же время аристократическаго элемента, въ лицѣ бояръ, указано было также на существованіе обычая совѣщаній князя съ боярами, подмѣчено было, наконецъ, существованіе особаго аристократическаго учрежденія—„верховнаго совѣта“ †**), или великокняжеской „думы“ †***). Будущимъ изслѣдователямъ предстояло выяснить

---

*) Курсивъ подлинника.

**) Стр. 503.

***) Стр. 61 и слѣд.

†) Москвитянинъ, 1847, часть первая.

†*) Тамъ же, стр. 86.

†**) Терминъ Болтина и Карамзина.

†***) Въ нѣмецкомъ подлинникѣ названнаго выше сочиненія Эверса встрѣчаемъ терминъ „grossfürstliche Rath“. Платоновъ переводитъ: „Великокняжеская Дума“ (Ewers, Das Alteste Recht der Russen, 1826, стр. 205. Русскій переводъ, стр. 241).

происхожденіе и соціальное положеніе бояръ, выяснить юридическое значеніе обычая совѣщаній князя съ боярами и, наконецъ, выяснить составъ и предметы вѣдомства учрежденія, удачно названнаго нѣкоторыми изслѣдователями „думой“.

Проф. *Сергѣевичъ* въ „Вѣчѣ и князѣ“, касаясь вопроса о соціальномъ сторѣ древнерусскаго населенія, говоритъ: „Древняя Россія не знала сословій... въ княжескую эпоху все населеніе представляетъ единообразную массу, разные слои которой отличались одинъ отъ другого достоинствомъ, а не правами“. Затѣмъ описывается положеніе лучшихъ людей и другихъ разрядовъ населенія *). Послѣ „Вѣча и князя“ появился цѣлый рядъ изслѣдованій о боярахъ **). Въ этихъ изслѣдованіяхъ принимается обыкновенно, какъ безспорное положеніе, мнѣніе проф. Сергѣевича о томъ, что „древняя Россія не знала сословій“ и что различные слои ея населенія различались „достоинствомъ, а не правами“.

Профессоръ Сергѣевичъ въ „Вѣчѣ и князѣ“ касается также вопроса объ участіи аристократическаго начала въ государственномъ управленіи. Здѣсь это начало поставлено ниже началъ монархическаго и демократическаго: княжеская дума относится къ органамъ центральнаго управленія, а не къ органамъ верховной власти, подобно вѣчу и князю. Но что такое княжеская дума —учрежденіе, имѣющее свой составъ и свою компетенцію, или это случайное фактическое явленіе? Очевидно, учрежденіе, ибо случайное фактическое явленіе не можетъ быть названо органомъ управленія. Проф. Сергѣевичъ указываетъ и на составъ этого учрежденія: „обыкновенными совѣтниками князя были его мужи и бояре“. Въ то же время проф. Сергѣевичъ дѣлаетъ замѣчаніе, противорѣчащее представленію о княжеской думѣ, какъ объ учрежденіи: „особаго званія совѣтниковъ князя, въ которое возводились бы служилые люди, входившіе въ составъ Думы, не было. Дума составлялась всякій разъ вновь по особому приглашенію“ ***).

---

*) Стр. 31 и слѣд., 352 и слѣд.

**) Хлѣбникова, Яблочкова, Загоскина, Бѣлова, Градовскаго, Ключевскаго и др. Въ книгѣ Н. Павлова-Сильванскаго „Государевы служилые люди“ подведены итоги развитія исторической литературы по данному вопросу.

***) Вѣче и князь, стр. 359—361.

Въ послѣдующихъ своихъ трудахъ („Лекціяхъ и изслѣдованіяхъ по исторіи русскаго права“ и „Русскихъ Юридическихъ Древностяхъ“) проф. Сергѣевичъ указываетъ на составъ думы и предметы ея вѣдомства, касается и вопроса объ обязательности для князя совѣщаній съ боярами.

„Кто были обыкновенные „думцы“ князя?“ спрашиваетъ проф. Сергѣевичъ. „Обычай былъ таковъ, читаемъ въ „Лекціяхъ и изслѣдованіяхъ“, что въ составъ думы входили высшіе разряды дружины, лучшіе мужи“ *). На этотъ-же вопросъ о составѣ думы дается такой отвѣтъ въ „Русскихъ Юридическихъ Древностяхъ“: „Въ большинствѣ случаевъ лѣтопись называетъ ихъ (т. е. членовъ думы) мужами и боярами; послѣднее выраженіе мало по малу вытѣсняетъ первое... Княжіе мужи и бояре составляютъ высшій классъ служилыхъ людей, переднюю дружину князя. Эти лучшіе служилые люди и суть обыкновенные думцы князя. Понятно почему. Давать совѣты могутъ только опытные въ дѣлахъ люди, а такими и были „старшіе“ или „передніе мужи“. Согласно этому нормальному порядку вещей, сложилось и общественное мнѣніе относительно того, кто долженъ быть совѣтникомъ князя. Это должны быть пожилые, опытные люди, старые и вѣрные слуги князя“ **).

Что касается вопроса о предметахъ вѣдомства думы, то, по мнѣнію проф. Сергѣевича, „въ засѣданіяхъ княжеской думы подвергались обсужденію всѣ предметы тогдашняго управленія. Всего чаще должна была собираться дума для обсужденія вопросовъ войны и мира, уступки своихъ городовъ, захвата чужихъ и т. п. Рядомъ съ этимъ находимъ указанія на совѣщанія о дѣлахъ внутренняго управленія, о порядкѣ суда, размѣрѣ штрафовъ и т. под.“ ***). Такая компетенція думы, засвидѣтельствованная памятниками, очевидно, санкціонирована нормами обычнаго права.

По вопросу объ обязательности совѣщаній съ боярами проф. Сергѣевичъ замѣчаетъ: „Дружина составляла силу князя. Понятно послѣ этого, что князь долженъ былъ совѣтоваться съ дружинниками, чтобы заручиться ихъ содѣйствіемъ въ томъ или дру-

*) Изд. 1894 г., стр. 144.
**) Томъ II, стр. 344—346.
***) Лекціи и изслѣдованія, изд. 1894, стр. 145.

гомъ дѣлѣ; въ противномъ случаѣ они могли быть недовольны его рѣшеніемъ и отказать ему въ содѣйствіи. Такимъ образомъ совѣщаніе съ мужами было для князя необходимо, если только онъ хотѣлъ воспользоваться содѣйствіемъ членовъ старшей дружины" *). „Въ виду фактической необходимости въ содѣйствіи князю окружающихъ его лицъ", совѣщаніе съ думцами „было обыкновеннымъ явленіемъ нашей древней жизни.... **) памятники постоянно говорятъ о думѣ князей съ мужами, боярами, духовенствомъ, городскими старцами и т. д..." ***). Постоянное повтореніе единообразныхъ дѣйствій свидѣтельствуетъ, по справедливому мнѣнію проф. Сергѣевича †), о наличности нормы обычнаго права. Въ данномъ случаѣ постоянное повтореніе совѣщаній съ боярами свидѣтельствуетъ о наличности обычая, предписывающаго князю совѣщаться съ боярами. Слѣдовательно, для князя существовала юридическая обязательность совѣщаться съ боярами.

Если добавимъ къ этому, что обычай опредѣлялъ составъ думы и предметы ея вѣдомства, то необходимо сдѣлать выводъ, что княжеская дума есть „постоянное учрежденіе съ болѣе или менѣе опредѣленнымъ составомъ и компетенціей".

Однако проф. Сергѣевичъ въ особомъ выпускѣ „Русскихъ Юридическихъ Древностей", посвященномъ вопросу о думѣ (княжеской и царской) и озаглавленномъ „Совѣтники князя", рѣшительно высказывается противъ подобнаго вывода. Княжеская дума не была учрежденіемъ; это, говоритъ онъ, „актъ думанія, дѣйствіе совѣтыванія князя съ людьми, которымъ онъ довѣряетъ.... это было не постоянное учрежденіе, а собраніе довѣренныхъ и нужныхъ лицъ, съ которыми князь желалъ обсудить какое либо предпріятіе... мы имѣемъ передъ собой не учрежденіе, не думу, а думцевъ... думцевъ избираетъ самъ князь и, вслѣдствіе этого, составъ ихъ опредѣляется его доброю волею; воля-же князя опредѣляется его пониманіемъ окружающаго, которое въ свою очередь опредѣляется вкусами князя, его привычками, способностями и т. д... Былъ ли князь обязанъ имѣть совѣтниковъ? Конечно, нѣтъ... князь не былъ обязанъ дѣйствовать только съ согласія

*) Тамъ же, стр. 144.
**) Русскія Юрид. Древ., т. II, стр. 344.
***) Тамъ же, стр. 337.
†) Лекціи и изслѣдованія, изд. 1894, стр. 5.

думцевъ... князь могъ дѣйствовать и помимо воли своихъ вольныхъ слугъ“ *).

Такое-же мнѣніе высказано было въ 70-хъ годахъ *С. Петровскимъ*, авторомъ излѣдованія „о Сенатѣ въ царствованіе Петра Великаго“. „Князь воленъ, говоритъ С. Петровскій, совѣщаться съ ней (Думой), или нѣтъ; для совѣщаній призвать того, другого, всѣхъ по своей доброй волѣ; по тому предмету, по которому считаетъ нужнымъ, полезнымъ. Гдѣ Дума, что она? Укажите на нее опредѣленно, скажите: вотъ Дума, совѣтъ такого то князя! Нельзя. Можно только сказать, что это Дума по такому то вопросу, по такому то предложенію князя... Княжеская Дума, совѣщанія князей съ дружиной просто фактъ, и какъ бы часто намъ лѣтописи не упоминали о немъ, все же эти совѣты останутся безъ всякаго юридическаго значенія, только одними частными, личными совѣтами, наряду съ совѣщаніями всѣхъ частныхъ лицъ, чисто фактическими“ **).

Мнѣнія проф. Сергѣевича и г. С. Петровскаго противорѣчатъ общему направленію исторической литературы. Уже раньше въ литературѣ указывалось на важную политическую роль бояръ въ древней Россіи и на существованіе особаго аристократическаго учрежденія—„верховнаго совѣта“, или „думы“.

Послѣ выхода въ свѣтъ „Вѣча и Князя“ проф. Сергѣевича появилась статья *А. Никитскаго* о „правительственномъ совѣтѣ“ въ Новгородѣ ***). При господствѣ демократическаго начала въ государственномъ строѣ Новгорода Великаго А. Никитскій констатируетъ наличность особаго аристократическаго учрежденія, называемаго въ нѣмецкихъ извѣстіяхъ „совѣтомъ бояръ“. Поворотнымъ пунктомъ въ развитіи этого учрежденія является средина XIII вѣка, но начало его образованія относится къ болѣе раннему періоду. Зародышемъ Новгородскаго совѣта, какимъ онъ является въ XIII в. и позже, служитъ родовой совѣтъ эпохи родового быта; въ эпоху Рюрикова дома родовой совѣтъ замѣняется княжескимъ совѣтомъ: „какъ въ эпоху родового быта родоначальникъ, князь, совѣщался со старѣйшинами рода, такъ и въ чисто историческое время князь призывалъ на совѣтъ какъ членовъ

*) Назв. соч. т. II, стр. 337, 349, 344. Тѣ-же взгляды проводятся и во второмъ изданіи (1899) „Лекцій и изслѣдованій“ (см. стр. 196 и слѣд.).

**) Назв. соч. въ „Описаніи документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи“, книга III, 1876, стр. 13—14.

***) Журналъ Мин. Нар. Просв., 1869, октябрь, стр. 294—309.

своей дружины, бояръ, такъ и городскихъ старѣйшинъ". Совѣтъ при князѣ, по мнѣнію Никитскаго, не составляетъ исключительной принадлежности русской жизни, такіе совѣты встрѣчаются и въ древнѣйшей исторіи другихъ славянскихъ народовъ.

Въ своей книгѣ „Очеркъ внутренней исторіи Пскова", (напечатанной въ 1873 г.), А. Никитскій выясняетъ ту роль, какую игралъ „совѣтъ старѣйшинъ", или сенатъ, въ древнѣйшей исторіи славянскихъ народовъ *). „Сенатъ игралъ у славянъ двоякую роль: онъ былъ или высшимъ правительственнымъ органомъ, дальше котораго не было никакой нераздѣльной (личной) власти... или же сенатъ былъ совѣтомъ при князѣ". Факты изъ исторіи другихъ славянскихъ народовъ, по мнѣнію А. Никитскаго, могутъ восполнить „пробѣлъ въ свѣдѣніяхъ, относящихся до древне-русскаго совѣта". Въ той же книгѣ А. Никитскій говоритъ о совѣтѣ въ Новгородѣ и Псковѣ, какъ о самостоятельныхъ аристократическихъ учрежденіяхъ: „органомъ владычества бояръ въ Псковѣ, какъ и въ Новгородѣ, служилъ, кажется, совѣтъ" **).

Историкъ *Д. Иловайскій* признаетъ важную роль аристократическаго начала въ государственномъ строѣ древней Россіи. Во 2 части своей Исторіи Россіи, (вышедшей въ свѣтъ въ 1880 году), въ главѣ, посвященной, „строю и гражданственности древней Руси" г. Иловайскій различаетъ два аристократическихъ учрежденія: „думу", или „совѣтъ" бояръ и „малое вѣче".

О думѣ находимъ коротенькое замѣчаніе: „за исключеніемъ отправлявшихъ службу по городамъ и волостямъ, бояре обязаны были ежедневно рано по утру являться въ теремъ къ своему князю, чтобы составлять его совѣтъ или думу и вообще помогать ему въ дѣлахъ".

Подробнѣе говорится о маломъ вѣчѣ: „Живя по-дружески, по-братски съ дружиною, совѣтуясь съ нею о всѣхъ дѣлахъ, творя съ ея помощью судъ и расправу, князь въ важныхъ случаяхъ призывалъ на совѣтъ городскихъ мужей или старцевъ, т. е. собиралъ „вѣче". Русское вѣче, или обычай сходки, совѣщанія объ общемъ дѣлѣ есть такое-же древнее учрежденіе какъ и княжеская власть. Большое народное вѣче собиралось не часто, а только

*) Стр. 39 и слѣд.
**) Тамъ же, стр. 141 и слѣд.

въ важныхъ случаяхъ, преимущественно во времена смутъ и безначалія. Болѣе постояннымъ учрежденіемъ является повидимому малое вѣче, когда лучшіе люди, т. е. городскіе старцы или домовладыки, наиболѣе зажиточные и семейные, созывались на княжій дворъ для совѣщанія вмѣстѣ съ его боярами и дружиною подъ непосредственнымъ предсѣдательствомъ самого князя. Иногда приглашалось къ князю на вѣчевое совѣщаніе духовенство, а въ особенно важныхъ случаяхъ призывались дружинники и земскіе люди изъ пригородовъ и волостей“ *).

Историкъ *И. Е. Забѣлинъ* тоже признаетъ важную политическую роль аристократіи въ древней Россіи. „Господствующей силой, говоритъ онъ, древнерусской и собственно южнорусской политической жизни было боярство, называемое въ то время дружиною“ **).

Въ 1879 и 1880 г.г. появились два сочиненія, спеціально посвященныя вопросу объ участіи аристократическаго начала въ государственномъ строѣ древней Россіи.

Первое сочиненіе, принадлежащее проф. Казанскаго университета *Н. П. Загоскину*, озаглавлено: „Исторія права Московскаго Государства. Томъ второй. Центральное управленіе Московскаго Государства. Дума Боярская. Казань, 1879“. Главный предметъ сочиненія—боярская дума Московскаго Государства. Но такъ какъ боярская дума есть „учрежденіе, развившееся естественнымъ историческимъ путемъ изъ княжеской думы предшествовавшаго періода“ ***), то во введеніи рѣчь идетъ о „княжеской думѣ удѣльно-вѣчевой Руси“.

„Совѣщанія русскихъ князей съ дружиниками ихъ, говоритъ проф. Загоскинъ, давшія начало учрежденію, извѣстному подъ названіемъ княжеской думы,—восходитъ до самаго корня русской государственной жизни... подобнаго рода совѣщанія, указанія на которыя находимъ мы съ первыхъ страницъ древней русской лѣтописи—непрерывною цѣпью продолжаются во все теченіе удѣльно-вѣчевого періода. Трудно найти страницу лѣтописи, на которой не было бы извѣстія о совѣщаніи князей съ дружинниками“ †).

---

*) Стр. 298—301.

**) Взглядъ на развитіе Московскаго единодержанія, Историческій Вѣстникъ, 1881, апрѣль, стр. 763.

***) Стр. 14.

†) Стр. 4.

Совѣщаніе князя съ дружинниками—явленіе постоянно повторяющееся. Мало того: это явленіе долженствующее быть. „Современное общество считало думу князя съ дружиною необходимымъ условіемъ мудраго управленія областью; вслѣдствіе этого лѣтописцы вмѣняютъ князьямъ въ высокое нравственное качество частое совѣщаніе съ мужами своими“ *). Сами князья вполнѣ раздѣляли таковое воззрѣніе общества: „князь удѣльно-вѣчевой Руси считалъ себя обязаннымъ въ силу самого порядка вещей объ всемъ думать съ своими дружинниками, фактическая необходимость думы съ ними сводилась для него почти къ юридической обязанности“ **).

Совѣщанія князей съ дружинниками, постоянно повторяющіяся и долженствующія быть, по воззрѣніямъ общества и князей, очевидно, должны быть отнесены къ области права, а отнюдь не къ области случайныхъ фактовъ; очевидно, это явленія правомѣрныя, санкціонированныя нормами обычнаго права.

Если такъ, если совѣщанія князей съ дружинниками санкціонированы нормами обычнаго права, то мы можемъ говоритъ не объ отдѣльныхъ случаяхъ совѣщаній, а объ учрежденіи. По вѣрному замѣчанію проф. Загоскина, „совѣщанія русскихъ князей съ дружинниками дали начало учрежденію, извѣстному подъ названіемъ княжеской Думы“. Княжеская Дума—учрежденіе.

Какъ учрежденіе, Дума имѣетъ свой личный составъ: „преобладающимъ элементомъ являются здѣсь лучшіе представители княжеской дружины“; кромѣ того, въ „составъ княжеской думы нерѣдко входили какъ лучшіе земскіе люди, такъ и представители высшаго духовенства“ ***). Указанный составъ Думы отнюдь не является случайнымъ и не зависятъ отъ произвола князя, ибо „сознавались извѣстныя принципіальныя требованія относительно качества лицъ, долженствующихъ засѣдать въ княжеской думѣ“ †). Въ частности, „дружинники—какъ это вполнѣ ясно усматривается изъ лѣтописей—смотрятъ на совѣщанія, на думу съ ними князей, какъ на свое неотъемлемое право“ †*).

---

*) Стр. 7.
**) Стр. 21.
***) Стр. 9.
†) Стр. 12.
†*) Стр. 7.

Княжеская дума, какъ учрежденіе, имѣетъ и свою компетенцію: „княжеская дума собиралась для обсужденія всѣхъ вообще дѣлъ, касающихся междукняжескихъ отношеній, законодательства и текущаго управленія—тѣхъ дѣлъ, причастными которымъ не представлялось необходимости дѣлать все населеніе“ *). Въ другомъ мѣстѣ проф. Загоскинъ говоритъ объ „исконномъ обычаѣ князей русскихъ совѣщаться съ дружинниками своими относительно всѣхъ важнѣйшихъ дѣлъ междукняжеской политики и внутренняго управленія“ **).

Памятники сохранили нѣкоторыя указанія и на порядокъ дѣлопроизводства въ думѣ: „дума княжеская собиралась не только въ мирное время, но и въ походахъ, принимая въ послѣднемъ случаѣ характеръ военныхъ совѣтовъ... Что касается княжеской думы, собиравшейся въ мирное время, то мы имѣемъ основаніе полагать, что она носила характеръ совѣщаній постоянныхъ, обыденныхъ“. Поученіе Владиміра Мономаха „указываетъ намъ и на время засѣданій княжеской думы—раннее утро... самое выраженіе поученія „сѣдше думати“ указываетъ на извѣстную правильность, на извѣстную регулярность княжеской думы... Весьма мало свидѣтельствъ сохранила намъ лѣтопись относительно самого порядка совѣщаній въ княжеской думѣ. Нельзя впрочемъ не отмѣтить широкой свободы мысли и личнаго убѣжденія, господствовавшей здѣсь... При рѣшеніи въ думѣ извѣстнаго вопроса голоса раздѣлялись обыкновенно за и противъ, при чемъ князь, выслушавъ доводы обѣихъ сторонъ, склонялся къ тому или другому мнѣнію, если только думавшіе не приходили къ одиначеству“... ***)

Полагаемъ, что на основаніи приведенныхъ мнѣній проф. Загоскина о княжеской думѣ, можно сдѣлать тотъ выводъ, что княжеская дума—есть учрежденіе, организація, составъ и дѣятельность котораго опредѣляется нормами обычнаго права.

Проф. Загоскинъ дѣлаетъ выводъ совершенно иной. Онъ говоритъ: „Въ княжеской думѣ удѣльно-вѣчевого періода не слѣдуетъ видѣть правительственнаго установленія съ извѣстною правильною организаціею, съ опредѣленными предметами компетентности, съ твердо регулированными отношеніями къ князю съ

---

*) Стр. 8.
**) Стр. 19.
***) Стр. 8, 9, 12.

одной стороны и къ мѣстному управленію съ другой. Княжеская дума этого періода не представляла установленія юридически опредѣленнаго. Она была явленіемъ чисто фактическимъ... личный составъ ея не носилъ твердо опредѣленнаго характера... онъ былъ чисто случайнымъ, завися отъ усмотрѣнія князя и степени значенія и вліянія тѣхъ или другихъ лицъ въ дружинѣ княжеской" *). Въ частности, относительно состава думы мы выше приводили мнѣніе проф. Загоскина о томъ, что „дружинники смотрятъ на совѣщанія на думу съ ними князей, какъ на свое неотъемлемое право". Полагаемъ, что „праву" дружинниковъ должна соотвѣтствовать „юридическая обязанность" князей. Проф. Загоскинъ приходитъ къ другому выводу: „дума князя съ дружинниками представлялась для перваго—требованіемъ фактической необходимости, для послѣднихъ—существеннымъ правомъ" **).

Таковы взгляды проф. Загоскина на княжескую думу удѣльно-вѣчевой Руси.

Начиная съ конца XIII в. и до средины XVI в., происходитъ реорганизація всего русскаго государственнаго строя; реорганизація коснулась и думы. „Въ XIII в. видимъ мы еще княжескую думу на основахъ удѣльно-вѣчеваго государственнаго строя,—къ концу XVI вѣка встрѣчаемъ мы уже боярскую думу, реорганизованную по началамъ Московскаго государственнаго строя" ***). Реорганизація думы объясняется измѣненіемъ отношеній между князьями и дружинниками. Прежній дружинникъ, связанный съ княземъ свободнымъ договоромъ, „замѣняется служилымъ человѣкомъ, связаннымъ съ великимъ княземъ вѣрноподданическою присягою, землевладѣніемъ и соединенною съ послѣднимъ обязательною службою". Эти перемѣны повели „къ паденію для служилыхъ людей права на совѣщаніе съ ними великихъ князей, съ другой стороны—къ ограниченію круга лицъ, призываемыхъ въ думу" †).

Паденіе для служилыхъ людей права на совѣщаніе съ ними великихъ князей случилось въ концѣ XV вѣка. Въ теченіе XIV и XV вѣковъ „совѣщанія великихъ князей съ лучшими предста-

---

*) Стр. 4, 12.
**) Стр. 20.
***) Тамъ же.
†) Стр. 21

вителями служилыхъ людей безпрерывно продолжались“ *). Въ это время „великіе князья Московскіе еще всецѣло признаютъ, по крайней мѣрѣ за вліятельнѣйшими представителями служилыхъ людей своихъ, право на подачу голоса въ думѣ своей по важнѣйшимъ предметамъ управленія, продолжаютъ смотрѣть на признаніе этого права какъ на нравственную, если и не юридическую обязанность свою“ **).

Такимъ образомъ въ удѣльно-вѣчевомъ періодѣ совѣщаніе съ дружинниками было для князя, „почти юридической обязанностью“, въ XIV—XV в. совѣщаніе со служилыми людьми становится „нравственной обязанностью“. Но вѣдь характеръ совѣщаній въ обоихъ случаяхъ доказывается одними и тѣми же способами (повторяемость совѣщаній и необходимость съ точки зрѣнія общественнаго мнѣнія). Почему же эти способы въ одномъ случаѣ свидѣтельствуютъ о „почти юридической обязанности“, а въ другомъ случаѣ объ „обязанности нравственной“?

Другая особенность думы XIV—XV в. касается ея состава. Кругъ лицъ, допускаемыхъ въ думу ограничивается: „вырабатывается сознаніе о соединенности права засѣданія въ думѣ съ обладаніемъ однимъ изъ двухъ высшихъ придворныхъ чиновъ“— боярина или окольничаго ***). Когда же случилось такое ограниченіе состава думы? Проф. Загоскинъ говоритъ: „предоставленіе званія членовъ думы исключительно боярамъ и окольничимъ имѣло уже мѣсто во второй половинѣ XIV вѣка“. Какъ доказательство этой мысли, приводится перечень членовъ думы въ жалованной грамотѣ великаго князя Рязанскаго. Но этотъ перечень не даетъ основаній думать, что членами думы были только лица, имѣющія чинъ боярина или окольничаго; всѣ члены думы названы общимъ именемъ—боярами, затѣмъ поименованы: дядько, окольничій, чашникъ и 6 бояръ безъ обозначенія чина.

Вообще исторія думы удѣльно-вѣчеваго періода и исторія Московской думы XIV—XV в. изложена кратко у проф. Загоскина; главное вниманіе обращено на организацію и дѣятельность Московской думы послѣ окончательнаго установленія единодержавія.

*) Стр. 22.
**) Стр. 21.
***) Стр. 22—23.

Второе специальное сочиненіе о боярской думѣ принадлежитъ проф. Московскаго университета *В. О. Ключевскому* *).

Книга проф. В. О. Ключевскаго, озаглавленная „Боярская дума древней Руси“ представляетъ изъ себя весьма полную и тщательную разработку вопроса о боярской думѣ. Многіе выводы проф. Ключевскаго безспорны; но рядомъ съ положеніями безспорными и вполнѣ доказанными встрѣчаются другія положенія, противорѣчащія первымъ. Эти противорѣчія объясняются, по нашему мнѣнію, особенностями пріемовъ изслѣдованія проф. Ключевскаго, а также своеобразными взглядами на „право“ и его отличіе отъ „простаго факта“.

Исторія боярской думы излагается по періодамъ. До установленія Московскаго единодержавія проф. Ключевскій различаетъ: боярскій совѣтъ Кіевскаго князя X в., правительственный совѣтъ при князѣ Кіевской Руси XI—XIII в. и боярскую думу при князѣ удѣльнаго времени; въ связи съ исторіей Кіевской боярской думы излагается исторія боярской думы въ Галицкомъ княжествѣ; отдѣльно излагается исторія боярской думы въ Новгородѣ и Псковѣ XIII—XV в.

Боярскую думу проф. Ключевскій называетъ учрежденіемъ и при томъ учрежденіемъ постояннымъ. Уже древнѣйшіе памятники нашей исторіи знакомятъ насъ съ этимъ „учрежденіемъ, стоящимъ во главѣ тогдашней княжеской администраціи“ **). Въ X в. при князѣ Владимірѣ и до Владиміра боярская дума была „постояннымъ правительственнымъ учрежденіемъ“ ***). „Боярскую думу въ Кіевской Руси XI—XШ в. надобно отличать отъ двухъ другихъ правительственныхъ формъ, въ которыхъ проявлялась тогда политическая дѣятельность разныхъ классовъ общества, отъ совѣшанія князя со всей дружиной и отъ городского вѣча, на которомъ также появлялся князь съ своей дружиной. Боярская

*) Начало этого сочьненія, напечатанное въ журналѣ „Русская Мысль“ за 1880 г., вызвало серьезныя возраженія со стороны проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова. Въ 1882 году появилось первое изланіе сочиненія, а въ слѣдующемъ 1883 году второе изданіе, представляющее изъ себя простую перепечатку перваго съ незначительными измѣненіями. Весьма обстоятельный разборъ этого сочиненія сдѣлалъ проф. Сергѣевичъ въ „Русскихъ Юридическихъ Древностяхъ“. Послѣ этого разбора въ прошломъ 1902 году появилось третье изданіе, заключаюшее въ себѣ весьма небольшія измѣненія по сравненію со вторымъ изданіемъ; въ частности, спорные пункты, указанные проф. Сергѣевичемъ, остались безъ измѣненія въ новомъ изданіи. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы будемъ ссылаться на страницы этого 3 изданія.

**) Стр. 15

***) Стр. 17.

дума была третьей формой, отличавшейся отъ двухъ другихъ тѣмъ, что она была учрежденіемъ постояннымъ, дѣйствовавшимъ ежедневно“ *). Постояннымъ учрежденіемъ остается дума и въ удѣльное время: по актамъ этого времени засѣданія боярской думы происходятъ ежедневно **).

При изученіи исторіи этого учрежденія необходимо, по мнѣнію автора, обратить вниманіе на „политическую, административную и соціальную исторію“ его. Но „политическая и административная исторія боярской думы темна и бѣдна событіями, лишена драматическаго движенія... Благодарнѣе и любопытнѣе соціальная исторія думы“ ***). Проф. Ключевскій главное вниманіе обращаетъ именно на соціальнуую исторію думы.

Соціальной исторіей думы, или иначе исторіей соціальнаго состава думы, называется исторія общественныхъ классовъ, представители которыхъ находили въ ней мѣсто. „Составомъ своимъ дума касалась только верхнихъ слоевъ древнерусскаго общества“. Слѣдовательно, соціальной исторіей думы называется исторія высшаго класса древнерусскаго общества.

Связь между исторіей учрежденій, съ одной стороны, и исторіей общественныхъ классовъ, съ другой стороны, несомнѣнна; въ частности, несомнѣнна тѣсная связь между исторіей думы и исторіей высшаго класса древнерусскаго общества. Приступая къ изученію исторіи думы, необходимо имѣть опредѣленное представленіе объ исторіи высшаго класса общества, и, излагая исторію думы, нельзя совершенно не касаться исторіи высшаго класса общества. Тѣмъ не менѣе каждый изъ этихъ вопросовъ заслуживаетъ спеціальнаго изслѣдованія. Въ историко-юридической литературѣ эти два вопроса обыкновенно и разсматриваются отдѣльно. Такъ, авторъ „Боярской думы“ проф. Загоскинъ посвящаетъ спеціальное изслѣдованіе исторіи высшаго класса древнерусскаго общества („Очерки организаціи и происхожденія служилаго сословія въ до-петровской Руси“). Проф. Владимірскій-Будановъ вопросъ о высшемъ классѣ общества разсматриваетъ въ исторіи населенія и вопросъ о боярской думѣ—въ исторіи госу-

*) Стр. 70.
**) Стр. 136, 149.
***) Стр 5.

дарственной власти. Проф. Сергѣевичъ вторую книгу перваго тома своихъ „Юридическихъ Древностей“ посвятилъ исторіи населенія, второй томъ—исторіи власти; исторія высшаго класса общества изложена во второй книгѣ перваго тома, исторія думы („совѣтники князя“) во второмъ выпускѣ второго тома.

У проф. Ключевскаго исторія учрежденія и исторія общественныхъ классовъ сливаются. Мало того: исторія учрежденія и исторія общественныхъ классовъ соприкасаются со многими другими вопросами, и проф. Ключевскій, поставивъ темой своего изслѣдованія исторію Боярской думы, т. е исторію учрежденія, приступаетъ къ спеціальному изслѣдованію этихъ соприкасающихся съ исторіей даннаго учрежденія вопросовъ. Такъ, въ книгѣ проф. Ключевскаго находитъ мѣсто изслѣдованіе вопросовъ о „первоначальной исторіи городовъ на Руси“ и о происхожденіи Кіевскаго княжества, о характерѣ княжескаго удѣльнаго владѣнія, о ходѣ русской колонизаціи по Окѣ, верхней Волгѣ и сѣверному Заволжью, объ управленіи удѣльнаго княжества *) и т. п. Это обиліе постороннихъ вопросовъ ведетъ къ неудобствамъ и для изслѣдователя и для читателя. Читатель, вынужденый искать отвѣтовъ на интересующіе его и относящіеся непосредственно къ темѣ изслѣдованія вопросы среди массы посторонняго матеріала, рискуетъ не уловить истинныхъ мыслей автора; авторъ не имѣетъ возможности сосредоточиться на темѣ своего изслѣдованія, а потому не всегда даетъ отвѣты вполнѣ опредѣленные, иногда повторяется, иногда впадаетъ въ противорѣчія.

Съ указанными неудобствами мы встрѣчаемся прежде всего при выясненіи взглядовъ проф. Ключевскаго по вопросу, на который обращено особенное вниманіе въ его книгѣ, т. е. по вопросу о соціальномъ составѣ думы.

Въ составъ боярскаго совѣта Кіевскаго князя X вѣка входятъ: бояре, епископы и старцы градскіе. Бояре—постоянные члены совѣта, они составляютъ „обычный совѣтъ князя“. Епископы, если не постоянно, то весьма часто засѣдали въ совѣтѣ Кіевскаго

---

*) Стр. 20, 34, 76, 83, 100 и др.

**) Эта особенность изслѣдованія проф. Ключевскаго отмѣчена ученой критикой. См. отзывы проф Владимірскаго—Буданова (Сборникъ Госуд. знаній, т. VШ, стр. 108), проф. Сергѣевича (Рус. Юрид. Др., т. II, вып. 2, стр. 427) и А. И. Левицкаго (Жур. М. Н. П., 1884, сентябрь, стр. 86).

князя: „совѣщанія князя съ духовными совѣтниками не ограничивались установленіемъ церковнаго закона въ новопросвѣщенномъ обществѣ, но касались и очень важныхъ вопросовъ государственнаго законодательства“ *). Старцы градскіе, повидимому, лишь въ исключительныхъ случаяхъ призывались въ думу: „Когда возникалъ вопросъ, выходившій изъ ряда обычныхъ дѣлъ княжескаго управленія, совѣтниками князя вмѣстѣ съ боярами являлись еще старцы градскіе“ **). Но въ другомъ мѣстѣ (на стр. 20) сказано, что старцы градскіе являются такими же „обычными совѣтниками“ князя, какъ и бояре. Эта же мысль, повидимому, проводится и на стр. 38: дружинники и городская знать „вмѣстѣ воюютъ и торгуютъ, вмѣстѣ обсуждаютъ въ думѣ важнѣйшіе вопросы законодательства“. Но ниже, на стр. 42 читаемъ: „Владиміръ св. правилъ Русской землей съ совѣтомъ своихъ бояръ, въ который иногда призывалъ и городскихъ старѣйшинъ“.

Во вступленіи находимъ слѣдующую характеристику „соціальнаго состава“ думы X в.: „русскій бояринъ X в., не то купецъ, не то воинъ, хорошо помнившій, что онъ—варягъ, морской наѣздникъ—викингъ, на славянскомъ Днѣпрѣ переименованный въ витязя и не успѣвшій еще пересѣсть съ лодки на коня, чтобы стать наѣздникомъ, „удалой поленицей“ ***). Эта характеристика, конечно, не относится къ епископамъ и старцамъ градскимъ; но авторъ никакой оговорки не дѣлаетъ.

Въ составъ кіевской думы съ XI вѣка входитъ одинъ только элементъ—бояре: „съ XI в. правительственный совѣтъ при князѣ Кіевской Руси является односословномъ, боярскимъ“,—такъ озаглавлена 2 глава. Но въ той же главѣ на 64 стр. встрѣчаемъ слѣдующее замѣчаніе: „въ особо важныхъ случаяхъ присутствовалъ въ боярскомъ совѣтѣ мѣстный епископъ или его намѣстникъ“ †); дальше на стр. 70 встрѣчаемъ другое замѣчаніе: „въ особыхъ случаяхъ въ нее (т. е. въ думу) приглашались представители духовенства, мѣстный владыка и даже священники“.

Соціальное положеніе боярина, члена Кіевской думы, характеризуется слѣдующими словами: „Кіевскій бояринъ XI—XII в. воль-

---

*) Стр. 16.
**) Тамъ же
***) Стр. 5—6.
†) Стр. 6.

ный товарищъ своего князя и подобно ему политическій бродяга, нигдѣ не пускавшій глубокихъ корней, не завязывавшій прочныхъ связей ни съ какимъ мѣстнымъ обществомъ" *). Въ другихъ мѣстахъ встрѣчаемъ иную характеристику того же боярина: бояринъ—землевладѣлецъ, рабовладѣлецъ и высшій сановникъ въ городскомъ управленіи.

Кромѣ „соціальнаго состава", проф. Ключевскій останавливается на „правительственномъ составѣ думы князя XII—XIII в.". Съ точки зрѣнія правительственнаго состава „въ думѣ князя XII—XIII в. имѣли мѣсто важнѣйшіе изъ должностныхъ лицъ, служившихъ органами княжескаго центральнаго и дворцоваго управленія... Почти всѣхъ этихъ сановниковъ центральной и дворцовой администраціи встрѣчаемъ позднѣе и въ совѣтѣ князей сѣверо-восточной удѣльной Руси. Но въ боярской думѣ на юго-западѣ XII—XIV в. была особенность, которая сближала ее съ польской и литовской радой: это—присутствіе въ ней представителей областной администраціи" **). На стр. 106 эту особенность („нѣчто подобное") встрѣчаемъ „въ Московскомъ и другихъ княжествахъ XIV—XV в.".

Соціальный составъ боярской думы удѣльнаго времени характеризуется такъ: „сѣверный великорусскій бояринъ XIV в., служилый кочевникъ подобно своимъ южнымъ предкамъ, но очутившійся среди множества князей хозяевъ, столь непохожихъ на своихъ южныхъ предковъ, не знавшій, что дѣлать, какъ стать между княземъ, плотно усѣвшимся въ своей вотчинѣ, и между подвижнымъ текучимъ населеніемъ, и наконецъ подобно князю принявшійся за землевладѣльческое хозяйство" ***). Въ этой характеристикѣ указаны два различные признака: „служилый кочевникъ" и землевладѣлецъ-хозяинъ. Когда же великорусскій бояринъ изъ служилаго кочевника превратился въ землевладѣльца-хозяина? Приведенная характеристика рисуетъ передъ нами такую картину колонизаціи: піонеромъ осѣдлости является князь, „плотно усѣвшійся въ своей вотчинѣ"; остальное населеніе—„подвижное текучее"; бояре—кочевники позже, по примѣру князя, дѣлаются осѣдлыми землевладѣльцами-хозяевами. Но на 79 стр. рисуется иная картина:

*) Стр. 39 и слѣд., 66, 97, 116—117, 177.
**) Стр. 58.
***) Стр. 6.

„въ каждомъ значительномъ удѣлѣ бывало такъ, что первый князь, на немъ садившійся, уже заставалъ въ немъ частныхъ землевладѣльцевъ, свѣтскихъ или церковныхъ, которые водворились здѣсь прежде, чѣмъ край сталъ особымъ княжествомъ". Такимъ образомъ первыми піонерами осѣдлости были частные землевладѣльцы, т. е. бояре. Эти землевладѣльцы—„бояре и вольные слуги уже въ XIV в. составляли уѣздные міры или землевладѣльческія общества" *). Значитъ, въ XIV в. они уже не были кочевниками. Характеристику великорусскаго боярина удѣльнаго времени, какъ „служилаго кочевника", встрѣчаемъ и въ другихъ мѣстахъ книги. Такъ на стр. 137—138 читаемъ: „Бояринъ былъ такою же случайностью въ княжествѣ, гдѣ служилъ, какъ и всякій другой свободный обыватель. Онъ свободно переходилъ отъ князя къ князю, могъ имѣть и не имѣть земельной собственности тамъ, гдѣ служилъ, и часто имѣлъ землю не тамъ, гдѣ служилъ". Но внизу на той же 138 стр. читаемъ: „бояринъ введенный обыкновенно былъ крупный землевладѣлецъ въ княжествѣ". На 146 стр. встрѣчаемъ выраженіе: „бояринъ, обыкновенно самъ землевладѣлецъ". На 93 стр. бояре удѣльнаго времени называются „вольными слугами-землевладѣльцами", а на 80 стр. дѣлается слѣдующее замѣчаніе: „очень понятныя побужденія заставляли вольного слугу держаться на службѣ у того князя, въ удѣлѣ котораго онъ „жилъ", т. е. имѣлъ земельную собственность" **).

Таковъ соціальный составъ думы удѣльнаго княжества. Что касается „правительственнаго состава", то „боярская дума при князѣ удѣльнаго времени является совѣтомъ главныхъ дворцовыхъ прикащиковъ, бояръ введенныхъ, по особо важнымъ дѣламъ". Это мнѣніе, формулированное въ заглавіи VI главы, повторяется и въ другихъ мѣстахъ—на стр. 127, 165. Но рядомъ съ этимъ мнѣніемъ встрѣчаемъ и иныя мнѣнія по тому же вопросу. Такъ, на стр. 137 читаемъ: „всѣ бояре, занимавшіе должности по военному, дворцовому и областному управленію, считались совѣтниками князя"...; на стр. 152: „въ кругу думныхъ людей при дворѣ князя, располагавшаго значительнымъ боярствомъ, должны были обозначиться два элемента: должностныя лица и бояре, не зани-

---

*) Стр. 93.
**) См. также стр. 94, 96, 113 и др.

мавшіе постоянныхъ придворныхъ должностей. Эти послѣдніе, кажется, преимущественно получали назначенія по областной администраціи... наконецъ и представители мѣстнаго духовенства, епископъ, даже архимандритъ, являлись въ числѣ совѣтниковъ князя, приглашались принять участіе въ дѣлѣ, которое касалось церкви или признавалось особенно важнымъ".

„Правительственная дѣятельность", (т. е. предметы вѣдомства) составляетъ содержаніе административной исторіи боярской думы. „Уловить правительственную дѣятельность думы"—затруднительно, „многое въ дѣятельности боярской думы остается необъяснимымъ", „предѣлы вѣдомства думы не были точно обозначены", поэтому административная исторія думы „темна и бѣдна событіями".

Въ началѣ книги указывается общая черта административной исторіи думы: „Съ X и до XVIII в. боярская дума стояла во главѣ древнерусской администраціи, была маховымъ колесомъ, приводившимъ въ движеніе весь правительственный механизмъ: она же большею частью и создавала этотъ механизмъ, законодательствовала, регулировала всѣ отношенія, давала отвѣты на вопросы, обращенные къ правительству" *). Изъ этихъ словъ можно во всякомъ случаѣ сдѣлать то заключеніе, что дѣятельность боярской думы не ограничивалась законодательствомъ. Но на слѣдующей страницѣ авторъ прямо утверждаетъ, что „по существу своему она (т. е. боярская дума) была законодательнымъ учрежденіемъ, устанавливая общія правила, постоянныя нормы".

Въ дальнѣйшемъ изложеніи исторіи думы по отдѣльнымъ періодамъ мы встрѣчаемъ разнообразныя, не всегда согласныя одно съ другимъ, указанія на функціи боярской думы.

На стр. 38 сказано, что бояре и старцы градскіе въ X вѣкѣ „вмѣстѣ обсуждаютъ въ думѣ князя важнѣйшіе вопросы законодательства"; значитъ, дума—законодательное учрежденіе. Такой выводъ, повидимому, подтверждается и слѣдующими словами на стр. 16: „совѣщанія князя съ духовными совѣтниками не ограничивались установленіемъ церковнаго закона въ новопросвѣщенномъ обществѣ, но касались и очень важныхъ вопросовъ государственнаго законодательства". Но въ другихъ мѣстахъ указы-

*) Стр. 3.

вается на то, что боярская дума X в. есть „учрежденіе, стоявшее во главѣ тогдашней княжеской администраціи", что „боярская или дружинная дума была обычнымъ постояннымъ совѣтомъ князя по дѣламъ военнаго и земскаго управленія" и что въ думу призывались старцы градскіе, „когда возникалъ вопросъ, выходившій изъ ряда обычныхъ дѣлъ княжескаго управленія" *).

Предметы вѣдомства Кіевской думы XI—XIII в. опредѣляются слѣдующимъ образомъ: „предметомъ совѣщаній, о которыхъ разсказываетъ лѣтопись, чаще всего служили военныя дѣла и отношенія князя къ братіи, къ другимъ князьямъ... въ присутствіи бояръ князь творилъ судъ и расправу, по совѣту съ ними заключалъ договоры съ иноземцами, издавалъ новые законы, дѣлалъ предсмертныя распоряженія о своемъ княжествѣ, измѣнялъ порядокъ княжескаго преемства" **). На 71 стр. дѣятельность той же Кіевской думы XI—XIII в. ограничивается законодательствомъ и судомъ: „въ ней обсуждались дѣла законодательнаго свойства; она была также высшимъ судебнымъ мѣстомъ". На 171 стр., повидимому, рѣчь идетъ тоже о Кіевской думѣ XI—XIII в.; здѣсь говорится, что „она устрояла преимущественно внѣшнія дѣла князя, его отношенія къ другимъ князьямъ, къ волостнымъ городамъ, къ внѣшнимъ врагамъ или союзникамъ" Наконецъ, на стр. 65 дѣлается общая оцѣнка дѣятельности „боярскаго совѣта, какъ изображаетъ ее лѣтопись XII вѣка": „эта шумная и говорливая дѣятельность была довольно поверхностна, шла за текущими дѣлами, не направляя ихъ, обращалась къ случайнымъ вопросамъ и интересамъ, всплывавшимъ на поверхность жизни, не касалась существовавшаго порядка, съ трудомъ его поддерживая".

Боярская дума въ удѣльныхъ княжествахъ является „совѣтомъ дворцовыхъ приказчиковъ по особо важнымъ дѣламъ". Особо важными дѣлами, обсуждаемыми совмѣстно съ „дворцовыми приказчиками", очевидно, были дѣла дворцоваго хозяйства. И, дѣйствительно, на стр. 172 говорится, что дума удѣльныхъ княжествъ „преимущественно устрояла домашнія хозяйственныя дѣла князя, управленіе вотчиной, отношеніе къ обывателямъ". Но на стр. 130 эта дума является законодательнымъ учрежденіемъ: отъ князя

*) Стр. 15—16.
**) Стр. 63.

съ его боярскимъ совѣтомъ исходятъ „акты въ большинствѣ частнаго характера: это все жалованныя, докладныя и тому подобныя грамоты. Но въ такихъ именно актахъ и выражалось княжеское законодательство того времени“. Наконецъ, на 154 стр. боярская дума удѣльныхъ княжествъ является съ весьма широкими функціями: „она была высшимъ правительственнымъ мѣстомъ по дѣламъ дворцоваго хозяйства, высшимъ судебнымъ учрежденіемъ, совѣтомъ князя по всѣмъ дѣламъ, которыя не могли быть рѣшены низшими учрежденіями и восходили къ князю“.

„Политическая исторія“ боярской думы должна выяснить развитіе ея „политическаго значенія“. Но „политическое значеніе боярской думы неуловимо“, а потому и „политическая исторія ея темна и бѣдна событіями“. Основная причина неуловимости политическаго значенія боярской думы заключается въ отсутствіи „конституціонной хартіи“. Конституціонную хартію замѣняли— „политическій глазомѣръ и обычай“. Если подъ „политическимъ глазомѣромъ“ разумѣть фактическія условія отдѣльныхъ конкретныхъ случаевъ и если „обычай“ понимать въ смыслѣ юридическаго обычая, какъ форму права, то возможно уловить „политическое значеніе“ боярской думы и безъ конституціонной хартіи, ибо юридическій обычай равносиленъ конституціонному закону. Въ разныхъ мѣстахъ книги проф. Ключевскаго разсѣяны весьма важныя и любопытныя указанія на существованіе юридическаго обычая, опредѣляющаго „политическое значеніе“ боярской думы; здѣсь же приводятся весьма интересныя соображенія о тѣхъ фактическихъ условіяхъ, которыми опредѣлялись роль и значеніе боярской думы въ отдѣльныхъ конкретныхъ случаяхъ. Но проф. Ключевскій, очевидно, не считаетъ обычая формой права, въ указаніяхъ на обычай, видитъ указаніе на простой фактъ, котораго нельзя смѣшивать съ правомъ, вслѣдствіе этого и приходитъ къ общему выводу о неуловимости „политическаго значенія“ думы и впадаетъ въ противорѣчія при изслѣдованіи отдѣльныхъ сторонъ этого вопроса.

Политическое значеніе думы опредѣляется взаимными отношеніями между князьями-государями и ихъ совѣтниками, съ одной стороны, и, съ другой стороны, отношеніями этого совѣта къ низшимъ подчиненнымъ ему органамъ управленія *). На выясненіи

*) Стр. 4—5.

отношеній боярской думы къ подчиненнымъ органамъ управленія въ интересующую насъ эпоху проф. Ключевскій почти не останавливается *). Напротивъ, вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ между княземъ и боярской думой обращаетъ на себя серьезное вниманіе въ книгѣ проф. Ключевскаго.

Общій вопросъ объ отношеніи князя къ боярской думѣ возможно расчленить на части. Прежде всего возможенъ частный вопросъ объ отношеніи князя къ составу думы: имѣла ли дума опредѣленный составъ? или составъ думы былъ случайный и зависѣлъ отъ усмотрѣнія князя? При случайномъ составѣ можно говорить, по примѣру проф. Сергѣевича, о совѣтникахъ князя, а не о боярской думѣ, какъ постоянномъ учрежденіи. Но такъ какъ, по мнѣнію проф. Ключевскаго, боярская дума—постоянное учрежденіе, то очевидно, она имѣетъ и опредѣленный, независящій отъ усмотрѣнія князя, составъ.

Совершенно ясныя указанія на опредѣленный составъ боярской думы находимъ въ книгѣ проф. Ключевскаго: въ X в. обычными и постоянными членами думы были бояре; такими же обычными и постоянными членами думы (если не по всѣмъ, то по нѣкоторымъ дѣламъ) были епископы и старцы градскіе **); обычными и постоянными членами кіевской думы XI—XIII в. являются бояре: „повидимому бояринъ уже тогда получалъ спеціальное значеніе совѣтника, постояннаго княжаго „думца“ или „думника“ ***); обычными и постоянными членами боярской думы удѣльнаго времени являются бояре введенные: „совѣтниками князя были всѣ его бояре введенные“ †).

Вмѣстѣ съ этимъ встрѣчаются указанія противоположныя: въ XI—XIII в. „князю принадлежалъ выборъ совѣтниковъ; онъ могъ измѣнять составъ своего совѣта“ †*); „боярскій совѣтъ при князѣ удѣльнаго времени не имѣлъ постояннаго состава“, составъ совѣта зависѣлъ отъ усмотрѣнія князя, „княжескій совѣтъ былъ случайнымъ и измѣнчивымъ по составу“ †**).

---

*) См. стр. 133—134, 154.

**) См. выше—о составѣ думы.

***) Стр. 55—56.

†) Стр. 129, см. также стр. 137.

†*) Стр. 53.

†**) Стр. 129, 134 и др.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ указанія на „случайный, измѣнчивый составъ“ относятся, повидимому, къ отдѣльнымъ засѣданіямъ думы *) и не противорѣчатъ мнѣнію о „постоянныхъ и обычныхъ“ членахъ совѣта. По справедливому замѣчанію проф. Ключевскаго, „боярская дума, смотря по важности дѣлъ, собиралась въ болѣе полномъ или менѣе полномъ составѣ“ **). На стр. 158 приводятся и примѣры засѣданій думы въ болѣе полномъ и менѣе полномъ составѣ въ зависимости отъ важности дѣла: „Въ ежедневномъ правительственномъ обиходѣ боярскій совѣтъ составлялся изъ бояръ, которыхъ наиболѣе касалось то или другое экстренное дѣло. Но въ исключительныхъ случаяхъ, касавшихся всѣхъ одинаково, въ вопросахъ стоявшихъ выше каждаго отдѣльнаго вѣдомства, князь долженъ былъ призывать къ себѣ на совѣтъ всѣхъ наличныхъ совѣтниковъ“. Кромѣ важности дѣла, было и другое обстоятельство, отъ котораго зависѣлъ „болѣе полный или менѣе полный составъ“ думы въ ея отдѣльныхъ засѣданіяхъ: „чѣмъ сложнѣе становилось управленіе, тѣмъ болѣе должно было увеличиваться количество бояръ, которые по дѣламъ службы не присутствовали въ княжескомъ совѣтѣ“ ***). Но членами думы всякій разъ были только „постоянные и обычные“ совѣтники князя и въ томъ случаѣ когда дума собиралась въ болѣе полномъ составѣ, и въ томъ случаѣ, когда она собиралась въ менѣе полномъ составѣ. Мнѣніе о томъ, что „князю принадлежалъ выборъ совѣтниковъ“ и что „составъ совѣта зависѣлъ отъ усмотрѣнія князя“, не доказано въ книгѣ проф. Ключевскаго.

Второй частный вопросъ объ отношеніяхъ между княземъ и боярской думою заключается въ слѣдующемъ: предметы вѣдомства боярской думы зависѣли всецѣло отъ усмотрѣнія князя или нѣтъ? Замѣтимъ прежде всего, что, если этотъ вопросъ рѣшить въ первомъ смыслѣ, то о боярской думѣ, какъ о постоянномъ учрежденіи и говорить нельзя, въ этомъ случаѣ можно вести рѣчь лишь о случайныхъ порученіяхъ, осуществляемыхъ отдѣльными лицами („совѣтниками князя“) порознь или совмѣстно. Въ книгѣ проф. Ключевскаго поставленный вопросъ разрѣшается и въ первомъ и во второмъ смыслѣ.

---

*) Стр. 128, 130.
**) Стр. 136.
***) Стр. 137.

Съ одной стороны, оказывается, что „князь многое дѣлалъ безъ совѣта бояръ“ *), что „обычай совѣщанья съ боярами не могъ считаться правомъ послѣднихъ“ или „обязанностью князя“ **), что, „когда возникаетъ дѣло новое, разрѣшеніе котораго станетъ прецедентомъ для многихъ другихъ“, то „князь властенъ и одинъ разрѣшить его, но онъ призываетъ для этого двухъ-трехъ бояръ“, очевидно, по собственному усмотрѣнію и т. д. ***).

Съ другой стороны, оказывается, что усмотрѣніе князя едва ли имѣло мѣсто: „На княжескихъ съѣздахъ дружина, бояре были необходимыми участниками совѣщаній, вступали въ пренія съ князьями: не считалось возможнымъ рѣшить дѣло соглашеніемъ однихъ князей. безъ согласія ихъ бояръ“ †); очевидно, совѣщаніе съ боярами на княжескихъ съѣздахъ, не зависѣло отъ усмотрѣнія князя. Княжескіе съѣзды не представляются исключеніями. Во всѣхъ важныхъ случаяхъ „князь долженъ былъ являть ему (т. е. боярину) свою думу; въ каждомъ важномъ дѣлѣ предварительное соглашеніе князя съ боярами предполагалось само собой“; „князь не могъ обойтись“ безъ боярской думы; „князь не считалъ возможнымъ обойтись безъ совѣтниковъ“ †*). И общество того времени считало, что князь не можетъ обойтись безъ совѣщаній съ боярской думой: „общественное мнѣніе тогдашней Руси давало большую политическую цѣну боярскому совѣту и считало его необходимымъ условіемъ хорошаго княжескаго управленія“ †**). Въ удѣльное время „въ исключительныхъ случаяхъ князь долженъ былъ призывать на совѣтъ всѣхъ наличныхъ совѣтниковъ“ †***); вообще же въ удѣльное время нормальный порядокъ состоитъ въ томъ, что князь „слушаетъ его (т. е. боярина) и думаетъ съ нимъ добрую думу“ ††).

Наконецъ, послѣдній вопросъ объ отношеніяхъ между княземъ и боярской думой: какое значеніе для князя имѣли мнѣнія боярской думы: „Имѣла ли она (т. е. боярская дума) обязательный для князя и рѣшающій голосъ, или была только совѣщательнымъ

*) Стр. 70.
**) Стр. 71, 72.
***) Стр. 148.
†) Стр. 51.
†*) Стр. 53.
†**) Стр. 52.
†***) Стр. 158.
††) Стр. 150.

собраніемъ, къ которому князь обращался за справкой, когда хотѣлъ, оставляя за собой рѣшающее слово?" По мнѣнію проф. Ключевскаго, „отвѣтъ на этотъ вопросъ легче почувствовать, чѣмъ формулировать" *).

Однако въ нѣкоторыхъ мѣстахъ книги проф. Ключевскаго отвѣтъ на этотъ вопросъ формулированъ. Такъ, на стр. 52 сказано: „иногда князья должны были принимать мнѣніе дружины, отказываясь отъ своего, съ которымъ она не соглашалась"; на стр. 70 и 72: „князь не всегда принималъ мнѣніе своихъ совѣтниковъ", „князь или принималъ мнѣніе совѣтниковъ, или отвергалъ и объявлялъ свое". Въ первомъ случаѣ, очевидно, боярская дума обладаетъ рѣшающимъ голосомъ; во второмъ—совѣщательнымъ.

Какъ же примирить указанныя противорѣчія въ отношеніяхъ между княземъ и боярской думой? На стр. 53 проф. Ключевскій говоритъ: „Политическое значеніе боярской думы для князя, можетъ быть, никогда въ тѣ вѣка не выражалось въ видѣ непремѣннаго условія, точно формулированнаго боярскаго права... Совѣтоваться съ боярами было для князя не столько формальной обязанностью, сколько практической необходимостью". Въ этихъ словахъ звучитъ нѣкоторая неувѣренность; проф. Ключевскій не рѣшается признать полное отсутствіе юридическаго элемента въ отношеніяхъ между княземъ и боярской думой. Но на стр. 72 проф. Ключевскій заявляетъ прямо и рѣшительно: „совѣщаніе съ боярами было не *политическимъ правомъ* бояръ или обязанностью князя, а *практическимъ удобствомъ* для обѣихъ сторонъ... Въ случаѣ столкновенія мнѣній обѣ стороны соображали, стоитъ ли дѣло того, чтобы изъ за него разрывать взаимныя связи и расходиться. Такъ разногласіе разрѣшалось не *обязательностью* мнѣній одной стороны для другой, а *возможностью* навязать свое мнѣніе противной сторонѣ. Изъ совокупности этихъ условій вытекала для князя и практическая *необходимость* совѣщаться съ боярами, и *возможность* **) не принять ихъ мнѣніе въ иномъ случаѣ. Смѣшивать политическую обязательность съ практической необходимостью значитъ рисковать утратить самое понятіе о

*) Стр. 71.
**) Вездѣ курсивъ подлинника.

правѣ... Обязательность—понятіе изъ области права, а необходимость—простой фактъ".

Высказанный здѣсь взглядъ совпадаетъ со взглядами другихъ изслѣдователей. Проф. Сергѣевичъ тоже признаетъ фактическую необходимость для князя совѣщаться съ боярами, но отрицаетъ юридическую обязательность для князя этихъ совѣщаній. Таково же и мнѣніе г. С. Петровскаго. Проф. Загоскинъ, признавая, вопреки мнѣнію проф. Ключевского, „существеннымъ и неотъемлемымъ правомъ" дружинниковъ совѣщанія съ ними князя, въ то же время раздѣляетъ мнѣніе проф. Ключевскаго о томъ, что для князя эти совѣщанія были лишь „требованіемъ фактической необходимости".

Мы уже видѣли, что всѣ названные изслѣдователи не считаютъ боярской думы постояннымъ учрежденіемъ. Проф. Ключевскій, напротивъ, считаетъ боярскую думу постояннымъ учрежденіемъ. Но возможно ли существованіе въ теченіе многихъ вѣковъ постояннаго учрежденія, организація, составъ и функціи котораго совершенно не опредѣлены нормами права? Позволительно думать, что нѣтъ. Въ то же время разсмотрѣнныя нами изслѣдованія проф. Ключевскаго, Сергѣевича и Загоскина убѣждаютъ въ томъ, что боярская дума была постояннымъ учрежденіемъ; эти же изслѣдованія вполнѣ доказываютъ существованіе необходимости для князя совѣщаться съ боярами.

Въ такомъ случаѣ нѣтъ ли какихъ нибудь точекъ соприкосновенія между „фактической" или „практической необходимостью" и юридической обязательностью? Нельзя ли найти связи между правомъ и фактомъ, не рискуя „утратить самое понятіе о правѣ"?

Найти такую связь возможно. Въ самомъ дѣлѣ: есть факты, безразличные для права, есть факты, противорѣчащіе праву, и есть факты, санкціонированные правомъ. Къ какой же категоріи этихъ фактовъ отнести совѣщаніе князей съ боярами? Едва ли возможно предположить, что совѣщаніе князей съ боярами есть фактъ безразличный для права. Совѣщанія князей съ боярами играли весьма важную роль въ государственной жизни древней Россіи: и если „вся жизнь древнихъ княженій опредѣлялась обычнымъ правомъ", если „частныя и государственныя права под-

чинялись его дѣйствію" *), то, конечно, обычное право касалось этого явленія государственной жизни. Совершенно невозможно предполагать, что совѣщанія князей съ боярами, постоянно повторяющіяся и признанныя необходимыми въ общественномъ мнѣніи того времени, противорѣчили праву. Остается признать, что совѣщанія князя съ боярами—фактъ, санкціонированный правомъ.

Проф. Загоскинъ, повидимому, склоняется къ признанію такой мысли: въ одномъ мѣстѣ своего изслѣдованія онъ говоритъ, что „фактическая необходимость думы съ дружинниками" для князя сводилась „почти къ юридической обязанности"; но въ другихъ мѣстахъ проф. Загоскинъ приходитъ къ выводамъ противоположнымъ.

Вполнѣ послѣдовательно такую точку зрѣнія проводитъ проф. *М. Ф. Владимірскій-Будановъ* въ критической статьѣ, написанной по поводу изслѣдованій о боярской думѣ проф. Загоскина и проф. Ключевскаго. Проф. Владимірскій-Будановъ сближаетъ понятія нужды, или необходимости, и понятіе юридической обязательности въ отношеніяхъ государственныхъ. Если князю необходимо обращаться къ боярамъ подъ опасеніемъ полнаго неуспѣха, „то значитъ князь *обязанъ* къ этому. Въ государствахъ, гдѣ нѣтъ этой *нужды*, нѣтъ и *обязательности* **) такихъ соображеній. Изъ „нужды" интересовъ зарождается все государство и тотъ или другой видъ его управленія. Изъ повторенія явленій, вызванныхъ „нуждою", является обычное право" ***).

Въ названной статьѣ проф. Владимірскій-Будановъ установилъ слѣдующія положенія:

„Составъ княжеской Думы весьма опредѣленный: въ ней участвуютъ лица, имѣющія званіе боярина" †).

„Совѣщанія князя съ думою были обязанностью для него и правомъ для бояръ" †*).

Княжеская дума есть особое учрежденіе †**).

Княжеская дума „составляетъ самостоятельную силу на ряду съ княземъ и вѣчемъ" †***).

*) Сергѣевичъ, Лекціи и изслѣдованія, 17.
**) Курсивъ подлинника.
***) Сборникъ Государственныхъ знаній, VIII, стр. 120.
†) Тамъ же, стр. 112.
†*) Тамъ же, стр. 118.
†**) Стр. 109 и слѣд.
†***) Стр. 121.

Княжеская Дума и Рада, или Сенатъ, великаго княжества Литовскаго, съ одной стороны, и Московская Дума, съ другой, „суть различныя проявленія того общаго типа учрежденій, который во всѣхъ государствахъ классической и новой Европы носитъ названіе сената или совѣта. Такія учрежденія существуютъ повсюду, не смотря на разницу въ основаніяхъ государственнаго устройства“ *).

Эти положенія лежатъ въ основѣ взглядовъ, высказанныхъ проф. Владимірскимъ-Будановымъ позже въ его капитальномъ трудѣ—„Обзорѣ исторіи русскаго права“. Та часть этого труда, которая посвящена исторіи государственнаго права древняго періода и которая насъ въ данномъ случаѣ интересуетъ, представляется образцомъ научной разработки памятниковъ обычнаго права. Въ фактахъ и дѣйствіяхъ, засвидѣтельствованныхъ памятниками, авторъ „Обзора“ подмѣчаетъ нормы обычнаго права и совершенно ясно и точно ихъ формулируетъ.

Вотъ основные взгляды проф. Владимірскаго-Буданова по вопросу о роли аристократическаго начала въ государственномъ строѣ древней Россіи, изложенные въ „Обзорѣ исторіи русскаго права“:

„Формы верховной власти тройственны; въ составъ власти входятъ: князь, боярская дума и народное собраніе (вѣче) **).

Боярскою думою называется постоянный совѣтъ лучшихъ людей (бояръ) каждой земли, рѣшающій (вмѣстѣ съ княземъ) высшіе земскіе вопросы.

Боярская дума есть учрежденіе въ смыслѣ обычнаго права, съ компетенціей и составомъ не вполнѣ опредѣленными (какъ и всѣ древнія учрежденія).

Первоначальный составъ думы (X вѣка)—двойственный; въ нее входятъ: бояре—высшіе служилые люди и старцы, или старѣйшины (земскіе бояре). Въ XI в., по сліяніи служилыхъ бояръ съ земскими, въ составѣ думы находятся только бояре. Кромѣ этого постояннаго состава думы, въ ней участвовали (не всегда) высшіе духовные сановники: епископы и игумены главнѣйшихъ монастырей.

---

*) Стр. 124.
**) Стр. 40.

Число имѣющихъ право участвовать въ думѣ равняется числу бояръ извѣстной земли; число же обыкновеннаго состава думы равняется числу бояръ, находящихся въ данную минуту въ мѣстѣ совѣщанія и нарочно вызванныхъ изъ пригородовъ.

Засѣданія совѣта происходили постоянно (каждодневно).

Боярская дума составляетъ необходимый элементъ власти въ каждой землѣ. Факты указываютъ на обязательность для князя совѣщаній съ боярами,—обязательность, утвердившуюся обычаемъ (который тогда замѣнялъ законъ).

Права думы уясняются фактами участія думы въ рѣшеніи государственныхъ дѣлъ. А именно: дума участвуетъ въ рѣшеніи религіозныхъ вопросовъ... Она участвуетъ въ рѣшеніи законодательныхъ вопросовъ... Дума участвуетъ въ рѣшеніи вопросовъ внутренняго государственнаго устройства... Боярской думѣ принадлежитъ (вмѣстѣ съ вѣчемъ) право приглашать князя и рядиться съ нимъ... Дума по преимуществу участвуетъ въ рѣшеніи вопросовъ внѣшней политики, войны и мира... Думѣ (иногда вмѣстѣ съ вѣчемъ) предоставляется высшій судъ надъ князьями и членами ихъ семействъ" *).

„Три формы власти (князь, дума, вѣче), не смотря на свое стремленіе къ полному единенію, легко могли придти и въ противорѣчіе другъ другу, при чемъ одна изъ нихъ могла, не устраняя вполнѣ другихъ, возвыситься на счетъ двухъ остальныхъ. Это и случилось съ конца XII в. во всѣхъ русскихъ земляхъ".

Въ землѣ Галицкой и Волынской „беретъ преобладаніе боярская дума надъ княземъ и вѣчемъ. Особенности Галицко Волынскаго государственнаго устройства отразились на судьбѣ Юго-Западной Руси въ слѣдующемъ періодѣ (польско-литовскомъ)".

Въ Сѣверо Западной Руси беретъ перевѣсъ вѣчевая форма власти; въ Новгородѣ болѣе опредѣленно сформированъ составъ боярской думы.

Въ землѣ Суздальской (и отчасти Рязанской и Черниговской) беретъ перевѣсъ княжеская власть; значеніе боярской думы понижается **).

---

*) Стр. 48—56.
**) Стр 66—74.

Въ Московскомъ государствѣ въ XIV—XV в.в. замѣчается бытовое совпаденіе дѣятельности думы съ дѣйствіями княжеской власти, основанное на единствѣ интересовъ *).

Изложенныя нами мнѣнія проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова раздѣляются представителемъ каѳедры исторіи русскаго права въ Юрьевскомъ Университетѣ проф. *М. А. Дьяконовымъ*: „Государственная власть, говоритъ проф. Дьяконовъ о княжескомъ или вѣчевомъ періодѣ, по своей организаціи является смѣшанною изъ 3 элементовъ: монархическаго, въ лицѣ князя, демократическаго, въ лицѣ вѣча, и аристократическаго, въ лицѣ княжеской думы... Соотношеніе между элементами не остается постояннымъ: въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ выдвигается на первый планъ то одинъ, то другой элементъ, хотя всѣ они являются повсемѣстными и необходимыми .. Дума княжеская—постоянный совѣтъ при князѣ... Въ обычномъ порядкѣ князь не предпринималъ никакого серьезнаго дѣла, „не повѣдавъ мужемъ лѣпшимъ думы своея“, „не сгадавъ съ мужми своими“. Соотвѣтственно этому нормальному порядку сложилось и общественное мнѣніе о томъ, что ближайшими совѣтниками князя должны быть старѣйшіе дружинники—„бояре думающіе“. На почвѣ этой-же практики вырабатывается обычная для князя обязательность совѣщаній съ думцами и право послѣднихъ на участіе въ совѣтахъ. Отъ этой нормы, какъ и отъ всякой другой, возможны были отступленія, но они не колебали общаго порядка. Нерѣдко въ совѣтахъ князей являются и представители духовенства, но ихъ участіе не было столь постояннымъ и обычнымъ“ **).

Мнѣнія о тройственномъ составѣ верховной власти въ древней Россіи придерживается, очевидно, и проф. государственнаго права въ Московскомъ университетѣ *А. С. Алексѣевъ*. Въ напечатанномъ имъ конспектѣ лекцій по „Русскому государственному праву“ читаемъ слѣдующее о верховной власти въ первый (удѣльный) періодъ: „Дружинникъ былъ такимъ-же важнымъ факторомъ въ государственной жизни древней Руси, такой-же вѣской общественной силой, какъ и земскіе люди. И какъ князь дѣлился съ земскими людьми въ дѣлѣ управленія страной, такъ онъ долженъ

---

*) Стр 173.

**) Энциклопедическій словарь, изд. Брокгауза и Ефрона, 55 полутомъ, стр. 517—518.

былъ дѣлиться со своей дружиной. И если формою участія земскихъ людей въ управленіи было вѣче, то формою участія дружинниковъ въ активной политической жизни была княжеская дума. Съ этой думой князь совѣщался по всѣмъ важнѣйшимъ дѣламъ, для которыхъ нуждался въ содѣйствіи служилыхъ людей. И хотя это совмѣстное дѣйствіе князя съ думою не было выговорено никакимъ закономъ или формальнымъ договоромъ, но тѣмъ не менѣе было такой-же фактической необходимостью, освященной обычаемъ, какъ и единеніе его съ вѣчемъ. Княжеская власть была ограничена по отношенію къ вѣчу и княжеской думѣ“ *).

Мнѣніе о тройственномъ составѣ верховной власти въ древней Россіи, совершенно ясно формулированное и вполнѣ достаточно аргументированное проф. М. Ф. Владимирскимъ-Будановымъ, не является однако общепринятымъ. Господствующимъ въ научной литературѣ скорѣе можно считать мнѣніе, формулированное проф. В. И. Сергѣевичемъ, о томъ, что въ основѣ древнерусскаго государственнаго строя лежатъ два начала—монархическое и демократическое, князь и вѣче. По вопросу же о боярской думѣ господствующимъ можно назвать мнѣніе о томъ, что боярская дума есть „простой фактъ“, повторяющійся вслѣдствіе практической необходимости.

Такія мнѣнія, повидимому, раздѣляются авторами курсовъ по русскому государственному праву: проф. В. В. Сокольскимъ, проф. Н. О. Куплеваскимъ и проф. В. В. Ивановскимъ.

Проф. *В. В. Сокольскій* различаетъ двѣ составныя части общеземской власти; князь и вѣче. Что касается княжеской думы, то она имѣла лишь „фактическое вліяніе на рѣшеніе государственныхъ дѣлъ“; князь кіевскаго періода „отнюдь не былъ ограниченъ своей думой; то, что князь свершалъ безъ совѣта бояръ, было столь же дѣйствительно, какъ и то, что дѣлалось по соглашенію съ ними“ **).

Проф. *Н. О. Куплеваскій* въ первомъ томѣ „Русскаго государственнаго права“, вышедшемъ въ свѣтъ въ 1894 году, характеризуетъ слѣдующими словами государственный строй древнерусскихъ земель: „въ началѣ это были патріархальныя монархіи, въ

*) Второе изданіе, стр. 161.
**) Краткій учебникъ Русскаго государственнаго права, 1890, стр. 43, 44.

которыхъ верховная власть принадлежала князю и боярской думѣ, состоявшей изъ бояръ (высшаго ранга служилыхъ людей) и градскихъ старѣйшинъ. Въ исключительныхъ случаяхъ принимаетъ участіе въ дѣлахъ и весь народъ. Это участіе народа было скорѣе явленіемъ случайнымъ, имѣвшимъ революціонный характеръ. Только съ XII вѣка демократическая форма получила преобладаніе". Существенными чертами удѣльно-вѣчеваго періода „относительно государственнаго устройства" проф. Н. Куплеваскій считаетъ—„отсутствіе неограниченной монархіи и участіе во власти бояръ, старостъ, затѣмъ и всего вѣча". Прибавимъ къ этому, что проф. Н. Куплеваскій, указавъ на участіе боярской думы въ верховной власти, дѣлаетъ такую выноску: „о Боярской Думѣ въ княжескую эпоху см. обстоятельное изложеніе у г. Владимирскаго-Буданова, Обзоръ в. I стр. 23—28" *).

Въ 1896 году взгляды проф. Н. Куплеваскаго измѣнились. Въ напечатанномъ въ указанномъ году 1 выпускѣ 2 тома „Русскаго государственнаго права" почти буквально повторяется мнѣніе, высказанное въ 1872 году проф. А. В. Романовичемъ-Славатинскимъ: „не смотря на особенности въ устройствѣ управленія въ отдѣльныхъ княжествахъ, управленіе имѣетъ и многія общія черты. Важнѣйшая изъ нихъ состоитъ въ томъ, что вездѣ мы замѣчаемъ двѣ политическія силы: князь и вѣче" **). На боярскую думу проводится новый взглядъ: „существовала княжеская Дума, т. е. совѣщаніе князя съ членами своей дружины, но она не имѣла ни постояннаго состава, ни постояннаго круга дѣйствій: сегодня князь совѣтовался съ одними лицами, завтра съ другими. Она не была высшей инстанціей управленія или суда, имѣющей подъ собою низшія инстанціи. Въ царскомъ періодѣ изъ этой думы образовалась Боярская Дума—болѣе или менѣе опредѣлившееся и постоянное центральное учрежденіе, завѣдывавшее важнѣйшими государственными дѣлами; но такого значенія Княжеская Дума не имѣла; это было неопредѣленное по формѣ совѣщаніе князя съ своею дружиною" ***).

Профессоръ Казанскаго университета *В. Ивановскій* не совсѣмъ ясно излагаетъ свои взгляды по интересующему насъ вопросу въ

*) Стр 141, 115

**) Стр. 5 См. цитированное выше на стр. 9 мнѣніе проф. А. В. Романовича—Славатинскаго.

***) Стр. 5—6.

своемъ курсѣ „Русскаго Государственнаго права“. Въ одномъ мѣстѣ курса читаемъ: „княжеская власть до Московскаго періода не была неограниченной; существовало два государственныхъ фактора, ограничивавшихъ эту власть: вѣче и дружина. Вѣче рѣшало важнѣйшіе общественные вопросы и дѣятельность князя должна была соотвѣтствовать желаніямъ активной части народа, что требовалось или народными обычаями или непосредственными договорами, „рядами“, заключенными между княземъ и вѣчемъ..... Дружина была другимъ элементомъ, фактически ограничивавшимъ власть князя. Князь былъ силенъ, главнымъ образомъ, своею дружиною, поэтому онъ долженъ былъ съ нею совѣщаться прежде чѣмъ предпринять какія либо важныя мѣры“. Отношенія между княземъ и вѣчемъ, по мнѣнію проф. В. Ивановскаго, опредѣлялись юридическими нормами (обычай, „рядъ“); отношенія же между княземъ и дружиной—простой фактъ. Но дружина стоитъ на ряду съ вѣчемъ, какъ политическая сила: „несомнѣннымъ слѣдуетъ признать, во всякомъ случаѣ, то, что вѣче и дружина, въ той или другой мѣрѣ и въ томъ или другомъ видѣ ограничивали власть князей“. Въ другомъ мѣстѣ о дружинѣ уже совершенно не упоминается: въ древнерусскихъ государствахъ „субъектомъ верховной власти были—или вѣче или князь, или оба вмѣстѣ, смотря по тому, преобладало ли вѣче, или князь, или установлялось равновѣсіе между этими факторами власти“ *).

Авторы новѣйшихъ изслѣдованій, посвященныхъ исторіи отдѣльныхъ древнерусскихъ земель, тоже, повидимому, раздѣляютъ мнѣніе проф. Сергѣевича о томъ, что въ основѣ древнерусскаго государственнаго устройства лежали два начала—монархическое, въ лицѣ князя, и демократическое, въ лицѣ вѣча; о боярской думѣ находимъ въ этихъ изслѣдованіяхъ лишь бѣглыя замѣчанія, отношенія между думой и княземъ обыкновенно не выясняются.

М. С. Грушевскій, авторъ „Очерка исторіи Кіевской земли отъ смерти Ярослава до конца XIV столѣтія“ говоритъ слѣдующее: „Исторія застаетъ его (т. е. племя Полянъ) уже на довольно поздней ступени политическаго развитія: общественный строй въ это время слагается изъ двухъ элементовъ—общиннаго и княжеско-дружиннаго, при чемъ первый въ значительной степени

*) Казань, 1895, т. I, вып. I, стр. 42—45.

подавленъ и закрытъ послѣднимъ..... политическое и земское управленіе складывалось изъ двухъ элементовъ—общественнаго и княжеско-дружиннаго; частнѣе мы находимъ: земское вѣче, какъ верховный органъ земли, князя и думу при немъ, систему княжескихъ чиновниковъ и мѣстныя вѣча, какъ органы низшаго, мѣстнаго самоуправленія". Благодаря историческимъ условіямъ... „князь оттѣснилъ общенародное вѣче на степень контролирующаго института и захватилъ центральное текущее управленіе въ свои руки" *). „Центральный органъ управленія волости составлялъ князь... При немъ находился совѣтъ, или, какъ его называютъ теперь, „дума"..... Проф. Будановъ даже считаетъ думу первостепеннымъ элементомъ политическаго устройства земли, наравнѣ съ вѣчемъ и княземъ. Позволяю себѣ не согласиться съ мнѣніемъ уважаемаго профессора, по крайней мѣрѣ относительно Кіевской земли. Дума здѣсь тѣсно связана съ княземъ, не отдѣлима отъ него и не имѣетъ самостоятельнаго значенія" **).

Въ Волынской землѣ, по мнѣнію г. *П. А. Иванова*, автора книги „Историческія судьбы Волынской земли съ древнѣйшихъ временъ до конца XIV вѣка", „представителемъ княжества въ его внѣшнихъ сношеніяхъ какъ съ другими княжествами, такъ и съ иностранными государствами является князь... Каковы были функціи князя, въ точности неизвѣстно... Рядомъ съ княземъ стоитъ вѣче. Каковы были функціи послѣдняго—мы доподлинно не знаемъ. Кажется, князю принадлежало завѣдываніе внутренними и внѣшними дѣлами, а власть вѣча являлась контролирующею... Въ началѣ XIII в., какъ то видно изъ нѣкоторыхъ лѣтописныхъ извѣстій, вѣче во Владимірѣ и въ другихъ волынскихъ городахъ имѣло большое значеніе, а затѣмъ съ середины того-же вѣка, со времени порабощенія волынянъ татарами, оно, какъ органъ высшей власти въ княжествѣ, мало по мало теряетъ почти всякое значеніе". „Были и другія причины, способствовавшія низведенію значенія вѣча до нуля. И въ ряду ихъ на первомъ мѣстѣ нужно поставить возвышеніе княжеской дружины, которая была тѣсно связана съ княземъ... Дружина составляла постоянный совѣтъ князя... Дружина постепенно пріобрѣтаетъ первенствующее по-

---

*) Стр. 289 и 338.
**) Стр. 330, 333.

ложеніе въ княжествѣ и къ XIII—XIV в. оттѣсняетъ на задній планъ вѣче“ *).

По мнѣнію проф. *И. А. Линниченка,* „какъ и въ остальной Руси, боярство составляло въ Галицкой Руси думу при князѣ; юридическаго значенія такая дума, конечно, не имѣла, но фактическое ея значеніе было громадно“ **).

Авторъ „Исторіи Сѣверской земли до половины XIV ст.“ проф. *Д. И. Багалѣй* въ третьей главѣ своей монографіи говоритъ: „представляла ли изъ себя область сѣверянъ княжество до времени Олега, сказать трудно. Прямого отвѣта на этотъ вопросъ источники не даютъ“. Въ VI главѣ, посвященной „очерку внутренней исторіи Сѣверской земли съ пол. XI до пол. XIII в.“ рѣчь идетъ сначала о князѣ, потомъ о вѣчѣ; очевидно, по мнѣнію автора, въ этомъ періодѣ власть принадлежала князю и вѣчу. Вопросъ о боярахъ и боярской думѣ совершенно не затрогивается. Но въ послѣдней главѣ читаемъ слѣдующее: „Послѣ Батыева нашествія Русь представляла такую картину. Въ однихъ княжествахъ какой нибудь изъ трехъ общественныхъ элементовъ (князь, вѣче, дружина) одерживаетъ рѣшительную побѣду надъ двумя остальными, въ другихъ всѣ эти три элемента находятся почти въ равновѣсіи“... Въ Сѣверской землѣ „ни одинъ изъ указанныхъ элементовъ не получилъ преобладающаго значенія“ ***).

Историкъ Переяславльской земли г. *В. Ляскоронскій* полагаетъ, что „основой общественной жизни южныхъ сѣверянъ въ древнѣйшее время была семейная община, родъ. Общинно-родовая организація русскихъ славянъ въ X—XI ст. достигла уже той стадіи развитія, когда разрозненныя, разсѣянныя общины стали сознавать свое племенное единство и проявлять цѣлый рядъ попытокъ къ регулированію помощью общественной власти своихъ частныхъ, основанныхъ на личномъ произволѣ отношеній... Объединительнымъ элементомъ, регулировавшимъ отношенія земскихъ общинъ, было такъ называемое вѣче, начало котораго относится ко временамъ глубокой древности... Однимъ изъ существенныхъ элементовъ общественнаго строя Переяславльской земли былъ

---

*) Стр. 263 и слѣд.

**) Черты изъ исторіи сословій въ юго-западной (Галицкой) Руси XIV—XV в., стр. 12.

***) Стр. 118—119, 268—280, 301—302.

князь... Находясь подъ нѣкоторымъ контролемъ общины, князь во многихъ случаяхъ дѣйствовалъ независимо, самостоятельно". „Бояре-дружинники составляли ближайшую свиту князя, были сподручниками его; они участвовали въ его совѣтѣ или думѣ... Князья чутко прислушивались къ голосу земскихъ бояръ, выступающихъ иногда подъ именемъ лучшихъ людей" *).

По мнѣнію проф. *П. В. Голубовскаго*, „до послѣднихъ дней самостоятельнаго существованія Смоленска вѣче является главою земли наравнѣ съ княземъ... бояре—дружина являлись ближайшими совѣтниками князя во всѣхъ вопросахъ внутренней и внѣшней политики" **).

Въ „Очеркѣ исторіи Полоцкой земли до конца XIV столѣтія" *В. Е. Данилевича* читаемъ: „Полоцкая земля, какъ извѣстно, принадлежала къ числу тѣхъ русскихъ земель, въ которыхъ общинное начало достигло очень высокой степени развитія, поглотивъ почти совершенно княжескую власть... общинное начало, такъ сказать, слилось съ самой природой Полочанъ и составляло наиболѣе существенную часть ихъ политическаго быта... народъ въ Полоцкой землѣ не только принималъ участіе во внутреннемъ управленіи и во внѣшней политикѣ, но являлся также контролирующимъ органомъ. Полоцкое вѣче проявляло свою дѣятельность не только во внутреннемъ управленіи, но и во внѣшней политикѣ, при чемъ оно очень часто дѣйствовало отъ своего имени, совершенно независимо отъ воли князя. Въ обоихъ случахъ вѣче проявляло власть, равносильную княжеской въ другихъ русскихъ земляхъ, и являлось въ роли верховнаго правительства... Не смотря на то, что княжеская власть въ Полоцкой землѣ была въ сильной степени ограничена общиной, тѣмъ не менѣе князья являлись необходимымъ элементомъ общественнаго строя земли... не смотря на значительное участіе вѣча въ управленіи, функціи князя въ Полоцкой землѣ были весьма разнообразны.... Высшій разрядъ приближенныхъ князя составляли бояре, они составляли думу князя, сопровождали его во всѣхъ поѣздкахъ и вообще пользовались большимъ довѣріемъ" ***).

*) В. Ляскоронскій, Исторія Переяславльской земли съ древнѣйшихъ временъ до половины XIII столѣтія, стр. 450, 461, 463, 458, 459.

**) П. В. Голубовскій. Исторія Смоленской земли до конца XV в., стр. 222, 226—227.

***) Стр. 177, 191, 192, 197, 199, 208.

Таковы мнѣнія о государственномъ строѣ древней Россіи. Мы вполнѣ присоединяемся къ мнѣнію, формулированному и аргументированному проф. М. Ф. Владимирскимъ-Будановымъ. Въ пользу правильности этого мнѣнія говорятъ: 1) непосредственныя свидѣтельства памятниковъ древнѣйшаго русскаго права, 2) факты изъ древнѣйшей исторіи права другихъ народовъ и 3) послѣдующая исторія русскаго государственнаго строя, въ особенности въ юго-западныхъ земляхъ и затѣмъ въ Литовско-русскомъ государствѣ.

II.

Роль аристократическаго начала въ государственномъ строѣ древней Россіи.

По свидѣтельству Византійскаго писателя VI в. Прокопія, Славяне „не имѣютъ единодержавія, но съ древнѣйшихъ временъ живутъ въ народоправствѣ; счастливые или несчастные случаи созываютъ ихъ въ общее собраніе". На первыхъ страницахъ нашей начальной лѣтописи записанъ такой случай, имѣвшій мѣсто въ доисторическое время. Казаре напали на Славянское племя Полянъ и сказали: „платите намъ дань". „Здумавше Поляне, продолжаетъ дальше лѣтописецъ, и вдаша отъ дыма мечъ" *). Выраженіе „здумавше Поляне" указываетъ на общее собраніе всѣхъ Полянъ, на которомъ рѣшались такія первостепенной важности дѣла, какъ, напримѣръ, уплата дани для обезпеченія мира.

Кто входилъ въ составъ общихъ народныхъ собраній? Очевидно, весь народъ, все населеніе даннаго общественнаго союза; въ приведенномъ случаѣ—всѣ Поляне. Но населеніе и первобытныхъ общественныхъ союзовъ отнюдь не представляетъ изъ себя однообразной массы: населеніе дѣлится на группы, и это дѣленіе замѣчается на составѣ общихъ народныхъ собраній. Составъ древнѣйшихъ народныхъ собраній у Русскихъ Славянъ выясняется изъ разсказа начальной лѣтописи объ общественномъ строѣ Древлянской земли. Лѣтописецъ слѣдующимъ образомъ выражается о томъ народномъ собраніи, на которомъ рѣшено было убить Игоря:

> Слышавъ же Деревляне, яко опять идеть, сдумавше со княземъ своимъ Маломъ... (Нач., 945, стр. 23).

Въ составъ народнаго собранія входятъ: князь и народъ—Древляне. Изъ послѣдующаго разсказа лѣтописца видно, что, изъ

*) Нач., стр. 7.

массы народа выдѣлялась группа лицъ, которыя обозначаются терминами: „лучшіе мужи“, „старѣйшины града“. Очевидно, въ составѣ народнаго собранія въ Древлянской землѣ необходимо различать три части: князя, лучшихъ Древлянскихъ мужей, или старѣйшинъ града, и остальныхъ Древлянъ.

Древлянская земля не составляетъ исключенія: нормальный составъ народнаго собранія (вѣча) въ древнерусскихъ земляхъ тройственный: князь, лучшіе люди и простой народъ. Подъ 983 годомъ лѣтопись разсказываетъ:

> Иде Володимиръ на Ятвяги, и побѣди Ятвяги, и взя землю ихъ. И иде Кіеву, и творяше потребу кумиромъ съ людми своими; и рѣша старци и боляре: „мечемъ жребій на отрока и дѣвицю; на него же падеть, того зарѣжемъ богомъ“ (Нач., 983, стр. 35).

Изъ этого разсказа видно, что въ составъ собранія, на которомъ рѣшено было принести жертву языческимъ богамъ, присутствовали: князь, „бояре и старцы“ (т. е. лучшіе люди) и „люди“. На такомъ же собраніи, состоящемъ изъ князя, „бояръ и старцевъ“ и „людей“ рѣшено было въ 987 году отправить пословъ для испытанія вѣры. Созвалъ князь Владиміръ, по словамъ лѣтописца, „боляре своя и старцы градскіе“, разсказалъ имъ о томъ, что самъ слыхалъ отъ приходившихъ къ нему представителей различныхъ религій, и спросилъ:

> „да что ума придасте? что отвѣщаете“? И рѣша бояре и старци: „вѣси, княже, яко своего никтс же не хулить, но хвалитъ; аще хощеши испытати гораздо, то имаши у собе мужи: пославъ испытай когождо ихъ службу и како служить Богу“. И бысть люба рѣчь князю и всѣмъ людямъ. (Нач., 987, стр. 45—46).

Подъ 1097 годомъ лѣтописецъ слѣдующими словами описываетъ составъ Кіевскаго вѣча: „Святополкъ созва болярь и Кыянъ“ *). Въ 1147 году на Кіевскомъ вѣчѣ обсуждался вопросъ о войнѣ съ княземъ Суздальскимъ Юріемъ Долгорукимъ; на вѣчѣ участвовали: князь, бояре и простые Кіевляне („Изяславъ же созва бояры своя и всю дружину свою, Кыяне и рече имъ“ **).

Наибольше свѣдѣній сохранилось о Новгородскихъ вѣчевыхъ собраніяхъ. На этихъ собраніяхъ присутствовали: князь (не всегда) и весь Новгородъ, то есть: духовенство, степенные—посадникъ

*) Нач., 1097, стр. 110

**) Ипат., 1147, стр. 243.

и тысяцкій, старые—посадники и тысяцкіе, бояре, житые люди, купцы и черные люди.

Лѣтописные разсказы свидѣтельствуютъ также о томъ отношеніи, какое обыкновенно существовало между составными частями народныхъ собраній – лучшими людьми и простыми людьми. Руководящая роль принадлежитъ лучшимъ людямъ, простые люди только присутствуютъ и соглашаются.

Въ первомъ приведенномъ выше случаѣ бояре и старцы подаютъ голосъ за то, чтобы бросить жребій и такимъ способомъ рѣшить, кого принести въ жертву богамъ; народъ, присутствовавшій при этомъ, только молча согласился; а когда Варягъ-христіанинъ отказался выдать своего сына, на котораго палъ жребій, то посланные „шедше повѣдаша людемъ, они же вземше оружье и поидоша нань“. Во второмъ случаѣ на вопросъ, предложенный княземъ, высказываютъ свое мнѣніе бояре и старцы; народъ соглашается съ этимъ мнѣніемъ.

Въ разсказѣ лѣтописца о послѣдовавшемъ затѣмъ крещеніи Кіевлянъ читаемъ:

> Посемъ же Володимеръ посла по всему граду, глаголя: „аще не обращеться кто рѣцѣ, богатъ ли, ли убогъ, или нищь, ли работникъ, противенъ мнѣ да будеть“. Се слышавше людье, съ радостью идяху, радующеся и глаголюще: „аще бы се не добро было, не бы сего князь и боляре пріяли. (Нач., 6496, стр. 50).

Этотъ разсказъ, быть можетъ, не вполнѣ соотвѣтствуетъ исторической дѣйствительности *), но безспорно свидѣтельствуетъ объ общественномъ мнѣніи того времени: указываетъ, какимъ авторитетомъ въ обществѣ пользовался высшій классъ—лучшіе люди, бояре.

Разсказъ позднѣйшаго лѣтописца объ осадѣ Москвы Тохтамышемъ точно также свидѣтельствуетъ объ авторитетѣ лучшихъ людей съ точки зрѣнія общественнаго мнѣнія.

> И сотвориша вѣче, позвониша во вся колоколы, и въсташа вечемъ народи мятежници, недобріи человѣци, людіи крамолницы: хотящихъ изыти изъ града не токмо не пущаху вонъ изъ града, но и грабляху, ни самого митрополита постыдѣшася, ни боляръ нарочитыхъ не устрашишася, ни усрамишася сѣдины старецъ многолѣтныхъ. (Новг. IV, 6890, стр. 85).

---

*) См. Голубинскаго, Исторію русской церкви, т. I, стр. 168 и слѣд.

Такую же точку зрѣнія общественнаго мнѣнія можно уловить и въ разсказѣ позднѣйшаго лѣтописца о вѣчевомъ собраніи Новгородскомъ въ 1471 году. Великому Новгороду предстояло рѣшить вопросъ о томъ, остаться ли подъ властью великаго князя Московскаго или перейти на сторону Литвы. Одни хотѣли „за великаго князя по старинѣ къ Москвѣ", другіе „за короля къ Литвѣ". Приверженцы Литвы (вдова и дѣти посадника Исаака Борецкаго и другіе), „измѣнники", какъ ихъ называетъ лѣтописецъ,

> начаша наймовати худыхъ мужиковъ вѣчниковъ, иже на то за все готови суть, по обычаю ихъ, и приходяще на вѣче ихъ звоняху за все въ колоколы, и кричаше глаголаху: „за короля хотимъ"; иніи же противу имъ глаголаху: „за великаго князя хотимъ по старинѣ, какъ было прежде сего", и тѣ наймиты тѣхъ измѣнниковъ каменіемъ на тѣхъ метаху, которіи за великаго князя хотятъ. И велико неустроеніе бяше въ нихъ и межъ себе ратяхуся, сами на ся встающе; мнози же отъ нихъ старіи посадници, и тысячскіе лутчіи люди тако глаголаху къ нимъ: „нелзѣ, братіе, тому такъ быти, якоже вы глаголете за короля намъ датися..."

Услыхавъ о томъ, что въ „Новгородѣ възмятеніе велико", Московскій великій князь отправилъ туда своихъ пословъ. Послы говорили рѣчи. Слушая эти рѣчи,

> Новгородскіи людіе, боаре ихъ, и посадници, и тысячскіе и житіи людіе, которіи не хотяще перваго своего обычая и крестнаго цѣлованія преступити, ради быша вси тому и правитися хотяще вси къ великому князю по старинѣ; а предиреченіи они Исаковы дѣти съ прочими съ ихъ поборники и съ наймиты своими, яко възбѣшнѣша, или яко звѣри дивіи, безчеловѣченъ разумъ имуще, князя великаго пословъ рѣчей, такоже и митрополита Филиппа, слышати не хотяху но и еще наймоваху злыхъ тѣхъ смердовъ, убійцъ, шилниковъ и прочихъ безъименитыхъ мужиковъ, иже скотомъ подобни суть, ничто же разума имущихъ, но точію единое кричаніе, иже безсловесная животная не тако рычаху, яко же они Новгородскіи людіе невѣгласи государемъ зовяху себѣ Великій Новъгородъ, и ти приходяху на вѣче, біаху въ колоколы, и кричаху, и лаяху яко пси, нелѣпая глаголюще: „за короля хотимъ". (Воскр., 1471, стр. 159—161).

На основаніи этого мѣста лѣтописнаго разсказа проф. Сергѣевичъ дѣлаетъ такой выводъ: „самые послѣдніе люди, безъименитые мужики не только могли говорить, что и когда хотѣли, но даже могли звонить въ колоколы и такимъ образомъ увеличивать число собравшихся на вѣчѣ, ни укого не испрашивая разрѣ-

шенія“ *). Выводъ безспорный. Но полагаемъ, что приведенное мѣсто лѣтописнаго разсказа можетъ служить основаніемъ и для другого вывода: осуществленіе права иногда переходитъ въ злоупотребленіе имъ; данный случай—злоупотребленіе правомъ голоса на вѣчевой сходкѣ, порицаемое общественнымъ мнѣніемъ того времени; нормальный порядокъ, санкціонированный общественнымъ мнѣніемъ, заключается въ томъ, что „боярамъ, людямъ состоятельнымъ, и умудреннымъ опытомъ старцамъ принадлежало на всякихъ сходкахъ первое мѣсто“ **).

Эта же точка зрѣнія общественнаго мнѣнія на роль лучшихъ людей проводится и въ произведеніяхъ народной словесности. Въ былинѣ о Васильѣ Буслаевичѣ сказано:

Взволновались мужики Новогородскіе,
Собирались въ терема тайницкіе,
Сходились во большой совѣтъ,
Стали думать думу крѣпкую.
Какъ возстанетъ съ мѣста чуденъ старецъ тутъ,

Какъ выходитъ на средину горницы,
Поклоняется на всѣ четыре стороны,
Самъ поглаживаетъ сѣдую бороду,
Ударяетъ трижды объ полъ посохомъ,
Начинаетъ слово мудрое . . . . . .
. . . .

Поднимались всѣ тутъ съ мѣстъ своихъ,
Поклонялись старцу всѣ до поясу,
Говорили во едину рѣчь:
„Какъ придумалъ чуденъ старецъ, такъ и быть тому“.

Жители Полоцка, по словамъ Литовскаго лѣтописца, искони „weczomsia sprawowali, kak weliki Nowgorod, y Pskow“ ***). Руководящая роль лучшихъ людей на Полоцкомъ вѣчѣ получила даже законодательную санкцію во второй половинѣ XV вѣкѣ. Въ „декретѣ боярамъ Полоцкимъ“, (выданномъ въ 1456 году или позже), читаемъ:

Приказуемъ, абы бояре, и мѣщане и дворяне городскіи, и все посполство, въ згодѣ межи собою были, а дѣла бы наши городскіе вси, згодою, посполу справляли, по давному; а сымались бы вси пос-

*) Русскія Юрид. Древн., II, стр. 62.
**) Тамъ же, стр. 61.
***) Лѣт. Быховца, стр. 5.

полу на томъ мѣстѣ, гдѣ передъ тымъ сыймовались здавна; а безъ бояръ мѣщаномъ и дворяномъ городскимъ и черни соймовъ не надобѣ чинить *).

Въ данномъ случаѣ великій князь санкціонировалъ старинный обычай. О существованіи такого обычая свидѣтельствуетъ другой случай, имѣвшій мѣсто въ Смоленскѣ въ концѣ первой половины XV вѣка. Великій князь Литовскій Сигизмундъ Кейстутовичъ назначилъ воеводой Смоленскимъ Андрея Саковича. Когда великимъ княземъ избранъ былъ Казимиръ, владыка Смоленскій, князья, бояре, мѣстичи и черные люди Смоленскіе присягнули въ томъ, что будутъ „честно воеводою держати въ Смоленскѣ" Андрея Саковича. Но спустя нѣкоторое время на вѣчѣ рѣшено было изгнать Андрея Саковича изъ Смоленска. Это вѣче состояло изъ „черныхъ людей".

Zdumali smolniane hornyi ludyie, kuznecy, kozomiaki, pereszewniki, miasniki, kotelniki, Andreja siloiu soslaty z horoda. a prysiahu prestupity, y naradilysia wo zbroi, so sulicami y so strelami, y z kosami y so siekirami, y zazwonili w zwon. (Лѣт. Быховца, стр. 53).

Андрей Саковичъ бѣжалъ изъ города, а „черные люди" посадили воеводою князя Андрея Дмитріевича Дорогобужскаго. Но бояре Смоленскіе не признали князя Дорогобужскаго воеводой, такъ какъ не они его избрали, а „простые люди".

Bojare Smolenckije, nechoteli toho kniazia Dorohobuskoho w sebe mity woiewodoiu, szto ne oni sami izbra wojewodoiu ieho, ale prostyi ludy, y iechali do welikoho kniazia Kazimira bity czolom, szto prostyi lude obrali sobi w Smolensku wojewodoiu bez woli ich, toho kniazia Andreja Dorohobuskoho". (Лѣт. Быховца, стр. 53—54).

Смоленскіе бояре дѣйствуютъ съ сознаніемъ собственнаго права; по ихъ мнѣнію, рѣшеніе, постановленное на вѣчѣ безъ ихъ участія, недѣйствительно.

Верховная власть принадлежитъ общему народному собранію. Общее народное собраніе въ своемъ нормальномъ тройственномъ составѣ (вѣче въ широкомъ смыслѣ слова) заключаетъ въ себѣ три начала: монархическое (князь), аристократическое (бояре) и демократическое (простые люди). Народное собраніе не всегда выступаетъ въ такомъ полномъ составѣ. Иногда на народномъ собраніи нѣтъ князя; иногда—нѣтъ князя и бояръ; въ послѣд-

*) А. З. Р., I, № 60.

немъ случаѣ собраніе, состоящее изъ простыхъ людей, воплощаетъ въ себѣ одно лишь демократическое начало; это—вѣче въ тѣсномъ смыслѣ слова.

Народное собраніе полнаго и неполнаго состава не можетъ быть постоянно-дѣйствующимъ органомъ верховной власти. Вмѣсто общаго народнаго собранія въ роли постояннаго органа верховной власти выступаютъ части его: князь и бояре, составляющіе постоянное учрежденіе—боярскую думу.

Приведемъ случаи, гдѣ боярская дума является органомъ верховной власти—одна, вмѣстѣ съ княземъ или вмѣстѣ съ вѣчемъ въ тѣсномъ смыслѣ слова:

Въ 997 г. Бѣлгородъ былъ осажденъ Печенѣгами; томимые голодомъ жители Бѣлгорода „створише вѣче", на которомъ рѣшили сдаться Печенѣгамъ.

> Бѣ же единъ старець не былъ на вѣчи томъ, и впраша: „что ради вѣче было?" и людье повѣдаша ему, яко утро хотять ся людье передати Печенѣгамъ. Се слыщавъ, посла по старѣйшины градьскыя, и рече имъ: „слышахъ, яко хочете ся передати Печенѣгамъ"; они же рѣша: „не терпять людье глада". И рече имъ: „послушайте мене, не передайтеся за 3 дни, и я вы, что велю, сотворите". Они же ради обѣщашася послушати... (Нач., 997, стр. 55).

Рѣчь идетъ о двухъ собраніяхъ; первое собраніе состояло изъ старѣйшинъ и людей, это—вѣче (такъ оно и называется лѣтописцемъ); второе собраніе, состоявшее только изъ старѣйшинъ, есть боярская дума; боярская дума выступила, какъ органъ власти, равный вѣчу, и отмѣнила постановленіе вѣча.

Въ 987 году, когда отравленные для испытанія вѣры послы вернулись въ Кіевъ,

> „созва князь боляры своя и старцы. Рече Володимеръ: „се придоша посланіи нами мужи, да слышимъ отъ нихъ бывшее", и рече „скажите предъ дружиною".

Когда посланные разсказали обо всемъ, что они видѣли,

> отвѣщавше же боляре рекше: „аще бы лихъ законъ гречьскій, то не бы баба твоя пріяла Ольга, яко бѣ мудрѣйши всѣхъ человѣкъ". Отвѣщавъ же Володимеръ рече: „къгде крещенье пріимемъ?" Они же рекоша: „гдѣ ти любо". (Нач., 988, стр. 46).

Мы видѣли выше, что вопросъ объ испытаніи вѣры рѣшенъ былъ на вѣчѣ, состоявшемъ изъ князя, бояръ и старцевъ и людей. Въ данномъ случаѣ вопросъ не менѣе важный о принятіи вѣры рѣшенъ княземъ и боярской думой.

Въ 1177 г., по смерти князя Михаила,

> приведоша Ростовци и боляре Мстислава Ростиславича изъ Новгорода, рекуще; „поиди, княже, къ намъ, Михаила Богъ поялъ на Волзѣ на Городци, а мы хочемъ тебе, а иного не хочемъ. (Лавр., 1177, стр. 161).

Вопросъ о призваніи князя рѣшенъ былъ народнымъ собраніемъ, въ составъ котораго вошли бояре и простые люди (Ростовцы).

III.

Роль аристократическаго начала въ древнѣйшемъ государственномъ строѣ другихъ народовъ.

Въ древнѣйшей исторіи права другихъ народовъ встрѣчаемъ тѣ же самыя явленія.

Въ составъ верховной власти входятъ три элемента: монархическій, аристократическій и демократическій.

Въ древнѣйшемъ Греческомъ государствѣ, по свидѣтельству поэмъ Гомера, верховная власть принадлежала—царю, совѣту благородныхъ (геронты) и собранію всего народа (агора̀) *).

Въ Римѣ „древнѣйшее государственное устройство состояло изъ трехъ органовъ: царя, сената и народнаго собранія" **).

У древнихъ Германцевъ, по свидѣтельству римскихъ писателей, встрѣчаемъ—царя (rex), князей (principes) и народное собраніе (conventus). Важнѣйшія дѣла обсуждаются на народномъ собраніи, текущія менѣе важныя дѣла разрѣшаются на собраніяхъ князей ***).

Фриманъ, авторъ „Сравнительной Политики", дѣлаетъ слѣдующее общее заключеніе о древнѣйшемъ государственномъ строѣ Грековъ, Римлянъ и Германцевъ: „Наши первыя свѣдѣнія о жизни нашихъ предковъ и нашихъ соплеменниковъ представляютъ намъ ихъ уже соединившимися въ организованныя общества, уже развившими первыя начала управленія, и, что еще важнѣе, уже имѣющими въ своемъ государственномъ строѣ зачатки монархіи, аристократіи и демократіи. Вездѣ мы находимъ, хотя и въ грубой формѣ, государя или другого главу государства, совѣтъ стар-

---

*) Бузольтъ, Очеркъ государ. и прав. греч древн., Харьковъ, 1894, стр 32—36, 103—108. См. также Белохъ, Исторія Греціи, т. I, стр 72—73.

**) Н. Боголѣповъ, Учебникъ исторіи Рим. пр., стр. 17.

***) Тацитъ, Germania, гл. XI. См. Brunner, Deutsche Rechthsgeschichte, I, стр. 119, 132.

шинъ и лучшихъ людей, и общее народное собраніе; сущность этихъ трехъ элементовъ мы находимъ повсюду“ *).

Это заключеніе примѣнимо и къ древнѣйшему государственному строю Славянскихъ народовъ.

По мнѣнію г. Дьячана, автора спеціальнаго изслѣдованія объ „участіи народа въ верховной власти въ Славянскихъ государствахъ“: „Въ древне-славянскихъ обществахъ, какъ въ обществахъ другихъ древнихъ народовъ, изъ общей массы населенія выдвигались лучшіе люди, т. е. разумнѣйшіе и богатѣйшіе, и составляли высшій классъ общества, классъ, изъ котораго обыкновенно избирались правители общественныхъ дѣлъ, такъ какъ ими не могло заниматься сообща все общество. Эти люди составляли соединительное звено между народнымъ собраніемъ и княземъ. Естественно, что князь въ своихъ распоряженіяхъ и рѣшеніяхъ руководился совѣтами людей опытнѣйшихъ, разумнѣйшихъ и знатныхъ. Поэтому въ древнихъ Славянскихъ обществахъ люди опытные и знатные пріобрѣтаютъ какъ бы значеніе княжескаго совѣта, или сената“ **).

У поморскихъ Славянъ, по изслѣдованію извѣстнаго слависта А. Котляревскаго, власть принадлежала князю, совѣту знатныхъ и народу *).

По изслѣдованіямъ другого слависта А. Гильфердинга у Балтійскихъ Славянъ въ IX вѣкѣ „каждое племя имѣло своего князя и свою аристократію; но независимо отъ князя, власть котораго была, кажется, весьма слаба и преимущественно проявлялась только въ военное время, и отъ знатныхъ людей, имѣвшихъ большую силу у Балтійскихъ Славянъ, голосъ въ дѣлахъ общественныхъ принадлежалъ и народу“ †).

Извѣстный Польскій историкъ М. Бобржинскій въ слѣдующихъ словахъ описываетъ устройство древнѣйшихъ Польскихъ политическихъ союзовъ, такъ называемыхъ „людовъ“: „верховная власть принадлежала вѣчу (wiec), т. е. собранію всего „люда“, на которомъ предводительствовали старѣйшины. Вѣче рѣшало вопросы

*) Фриманъ, Сравнительная политика. Пер. Коркунова, СПБ., 1880, стр. 49.

**) В. Дьячанъ, Участіе народа въ верховной власти въ Славянскихъ государствахъ, Варшава, 1882, стр. 24.

***) Сочиненія А. А. Котляревскаго, т. III, стр 438—440.

†) Борьба Славянъ съ Нѣмцами на Балтійскомъ поморьѣ въ средніе вѣка, стр. 7. (Архивъ истор. и практ. свѣдѣній, изд Калачевымъ, кн. III).

о войнѣ и мирѣ, разбирало судебныя тяжбы и вѣдало вообще всѣ важнѣйшія дѣла. Старѣйшины и главнымъ образомъ князья, существовавшіе впрочемъ не у всѣхъ „людовъ", приводили въ исполненіе рѣшенія вѣча. У всѣхъ, составлявшихъ одинъ „людъ", сохранилось столь живое сознаніе кровнаго родства, что они смотрѣли на вѣче, какъ на собраніе рода, а на князя, какъ на его главу. На этомъ чувствѣ основывалось уваженіе къ вѣчевымъ постановленіямъ и княжескимъ приказамъ и повиновеніе имъ" *).

Въ кровныхъ союзахъ южныхъ Славянъ замѣчаются уже зародыши всѣхъ трехъ элементовъ государственнаго строя. Такими кровными общественными союзами являются: задруга, братство и племя. Въ задругѣ встрѣчаемъ задружный совѣтъ; на задружномъ совѣтѣ „рѣшеніе направляется старшими членами задруги; въ случаѣ разногласія предоставляютъ рѣшить дѣло старѣйшинѣ"; такимъ образомъ въ составѣ задруги различаются: задружный старѣйшина, старшіе члены задруги и остальные задругари. Тѣ же элементы замѣчаются въ братствѣ и племени. Глава братства (князь, главарь, воевода)—„лучшій человѣкъ лучшаго наиболѣе сильнаго дома братства"; его совѣтники—„лучшіе люди въ селѣ". „Въ племени княземъ является членъ самого могущественнаго братства" „При исполненіи своихъ обязанностей старѣйшины братства и племени опираются на скупштину, зборы, членами которыхъ являются домовладыки" **).

Винодольскіе законы, изданные въ XIII в., указываютъ, что верховная власть въ Винодолѣ („княжествѣ Винодольскомъ" „оптинѣ Винодольской") принадлежала: купу, т. е. общей народной сходкѣ всѣхъ Винодольскихъ людей, народнымъ старшинамъ и князю ***).

По Полицкому Статуту, верховная власть въ Полицѣ принадлежала вѣчу большому (состоявшему изъ всѣхъ „Поличанъ"), вѣчу малому (состоявшему изъ главарей) и князю †).

Древнѣйшими государственными учрежденіями Дубровника являются: князь (и другія должностныя лица), вѣча (члены кото-

*) М. Бобржинскій, Очеркъ исторіи Польши. Рус. Пер. СПБ., 1888, т. I, стр. 55.

**) И. Смирновъ, Очеркъ культурной исторіи южныхъ Славянъ Уч. зап. Казан. Ун., годъ LXVII, 5 и 6 книги

***) Ѳ Леонтовичъ. Древнее Хорвато далматское законодательство. Записки Импер. Новор. Универ., годъ II, т. I, вып. 3 и 4, стр. 18—20.

†) Тамъ же, стр. 76—82.

рыхъ именуются—бояре, властели, вѣчники, consiliarii) и соборъ (въ составъ котораго входили—князь, другія должностныя лица, члены вѣчъ и вся община, „весь градъ од мала и до велика") *).

Вообще въ городскихъ общинахъ Далмаціи въ X—XI в. власть принадлежала общему совѣту, состоящему изъ всѣхъ совершеннолѣтнихъ гражданъ, совѣту нобилей и пріору **).

Законникъ города Каствы и законъ общины Випринской указываютъ на слѣдующее государственно-общинное устройство этихъ Славянскихъ городовъ въ XV и XVI в.: прежнихъ туземныхъ князей замѣняютъ намѣстники („капитаны"), назначаемые Австрійскими герцогами; органами общиннаго управленія являются въ Каствѣ—коллегія старѣйшинъ и вѣче полчанъ (народа), въ Випринцѣ—совѣтъ жупановъ и старѣйшинъ, иначе называемыхъ совѣтниками, и народное собраніе (малый комунъ и большой комунъ) ***).

Спенсеръ въ своемъ сочиненіи „Развитіе политическихъ учрежденій" обобщаетъ всѣ извѣстныя ему свѣдѣнія о государственномъ строѣ въ древнѣйшей исторіи современныхъ культурныхъ народовъ и у современныхъ дикарей и приходитъ къ тому выводу, что тройственный составъ власти въ первобытномъ обществѣ есть явленіе общечеловѣческое. „Возьмемъ, говоритъ онъ, неорганизованную орду, въ составъ которой входятъ члены обоего пола и всѣхъ возрастовъ и поставимъ вопросъ: что будетъ въ ней происходить, если какой нибудь вопросъ, въ родѣ вопроса о переселеніи или о защитѣ отъ непріятелей, является требующимъ рѣшенія? Собраніе составляющихъ ее индивидуумовъ раздѣлится съ большею или меньшею ясностью на двѣ части: старшіе, сильнѣйшіе, и тѣ, прозорливость и мужество которыхъ были доказаны опытомъ, образуютъ меньшую часть, ведущую пренія, тогда какъ большая часть собранія, состоящая изъ младшихъ, слабѣйшихъ и ничѣмъ не отличившихся, образуетъ слушателей, не заходящихъ обыкновенно далѣе выраженія время отъ времени своего одобренія или несогласія. Дальнѣйшій ходъ можетъ быть

*) Ѳ. И. Леонтовичъ, Государственное устройство стараго Дубровника. Ж. М. Н. П., 1867, декабрь, стр. 806—817.

**) И. Смирновъ, Городскія общины Далмаціи въ X—XI в. Ж. М. Н. П., 1881, апрѣль, стр. 294—198.

***) М. Ф. Владимірскій-Будановъ, Неизданные законы юго-западныхъ Славянъ. Ж. М. Н. П. 1881, мартъ, стр. 117—123.

установленъ безошибочно: въ группѣ направляющихъ людей навѣрное отыщется одинъ, пользующійся большимъ вѣсомъ, чѣмъ кто либо другой: какой нибудь старый охотникъ, отличившійся воинъ или знающій лекарь, который будетъ имѣть исключительное вліяніе на окончательное рѣшеніе вопроса. Такимъ образомъ цѣлое собраніе распадется на три части... Эти первые штрихи соціальной структуры, которые по нашему апріорному заключенію должны сами собою возникнуть, мы находимъ, дѣйствительно, у самыхъ дикихъ народовъ; они усиливаются вслѣдствіе повторенія до того, что получаютъ силу установившагося порядка" *).

Въ древнѣйшей исторіи права другихъ народовъ встрѣчаемъ также и то общее явленіе, что простой народъ на общихъ народныхъ собраніяхъ играетъ пассивную роль и что руководящая роль принадлежитъ аристократіи.

Изъ поэмъ Гомера видно, что на народныхъ собраніяхъ въ древнихъ Греческихъ государствахъ говорили обыкновенно благородные; простой народъ громкими восклицаніями выражалъ свое одобреніе.

Такой порядокъ сохранился и въ позднѣйшее время въ Спартѣ. Совѣтъ стариковъ (герузія) обсуждалъ предварительно тѣ дѣла, которыя царь представлялъ на рѣшеніе народнаго собранія. Въ народномъ собраніи царь дѣлалъ предложеніе; простой народъ криками выражалъ свое согласіе или несогласіе; рѣчи, если произносились, то только въ рѣдкихъ случаяхъ другими лицами, кромѣ царей, геронтовъ и эфоровъ **).

Въ древнемъ Римѣ народное собраніе тоже созывалось царемъ. „Граждане, по словамъ великаго знатока римской исторіи Моммсена, всегда созывались не для того, чтобы говорить, а для того, чтобы слушать, и не для того, чтобы дѣлать вопросы, а для того, чтобы отвѣчать на нихъ. На сходкѣ никто не говорилъ, кромѣ царя или кромѣ того, кому царь это дозволялъ; граждане только отвѣчали на царскій вопросъ безъ комментаріевъ, безъ объясненія мотивовъ, безъ оговорокъ и не раздѣляя вопросы на части...

---

*) Спенсеръ, Развитіе политическихъ учрежденій. Изд. журнала „Мысль", Спб., 1882, стр. 91—92.

**) Бузольтъ, назв. соч., стр. 35 и 108.

Всѣ свои предложенія, съ которыми царь намѣревался обратиться къ народной общинѣ, онъ предварительно сообщалъ совѣту старшинъ и спрашивалъ у каждаго члена этого совѣта его мнѣніе" *).

У древнихъ Германцевъ важнѣйшія дѣла, подлежавшія рѣшенію народнаго собранія, предварительно обсуждались князьями. Въ народныхъ собраньяхъ выступали цари или князья, выдѣляющіеся возрастомъ, знатностью или доблестью Народъ только выражалъ свое согласіе или несогласіе; глухой ропотъ обозначалъ несогласіе; наоборотъ, шумъ, производимый оружіемъ, былъ высшимъ знакомъ одобренія и означалъ согласіе **).

Руководящую роль играетъ аристократія и у Славянскихъ народовъ.

„По сказанію древняго лѣтописца Эйнгарда, къ императору Людовику Благочестивому пришли въ 826 году нѣкоторые знатные Бодричи и стали взводить разныя вины на своего князя Чедрага, отецъ котораго постоянно служилъ Карлу Великому, и самъ онъ былъ сдѣланъ княземъ Бодричей по франконскому вліянію. Людовикъ вытребовалъ его къ своему двору и, удержавъ у себя, отправилъ пословъ къ Бодричамъ узнать, хочетъ ли у нихъ народъ, чтобы Чедрагъ продолжалъ княжить; послы, воротясь, доложили, что мнѣнія Бодрицкаго народа на этотъ разъ различны, но что всѣ лучшіе и знатнѣйшіе люди желаютъ Чедрага, и Чедрагъ былъ утвержденъ въ княженіи ***).

Вообще у Балтійскихъ славянъ „на вѣчевыхъ собраніяхъ первенствующее значеніе имѣютъ старѣйшины" †).

Въ Чехіи „главное значеніе, авторитетъ на сеймѣ принадлежалъ кметамъ, которые были также главными совѣтниками князей по дѣламъ земскимъ" †*).

Въ городскихъ общинахъ Далмаціи въ X-XI в. „народу предлагалось уже готовое формулированное рѣшеніе и ставился вопросъ, принимаетъ или не принимаетъ онъ его; рѣшеніе формулировалось пріоромъ и нобилями" †**).

---

*) Ѳ. Моммсенъ, Римская исторія, М., 1887, т. I стр. 72, 78.
**) Тацитъ, Германія, глава IX.
***) Дьячанъ, назв. сочин., стр. 24—25.
†) Тамъ же, стр. 34.
†*) Тамъ же, стр. 37—38.
†**) И. Смирновъ, наз. соч. въ Ж. М. Н. П., 1881, стр., 295.

Наконецъ, то же явленіе—руководящая роль аристократіи на общихъ народныхъ собраніяхъ—замѣчается и у народовъ, стоящихъ въ наше время на первобытной ступени культурнаго развитія.

Такъ, у Лопарей „мірская сходка, по туземному суйма или локкуять, заправляетъ въ своемъ погостѣ всѣми его дѣлами, какъ частными, именно семейными, судебными, тяжебными, кромѣ уголовныхъ, такъ и общественными, завѣдываніемъ доходовъ и расходовъ общества. Такъ какъ въ глазахъ Лопарей преимущество людямъ дается лѣтами и богатствомъ, то и на сходкахъ главными распорядителями являются старики и люди позажиточнѣе; молодые присутствуютъ только для того, чтобы знать, о чемъ шло дѣло... Больше уважается на сходѣ голосъ того, кто считается позажиточнѣе другихъ, или того, кто помогаетъ міру въ общихъ нуждахъ, напримѣръ, внося повинности за отлучившихся и т. п. Дѣла рѣшаются не всегда единогласно и не по большинству голосовъ, а беретъ перевѣсъ та сторона, на которой люди позначительнѣе, хотя бы голосовъ и было меньше“ *).

У Черкесовъ „народное собраніе состоитъ изъ всѣхъ вольныхъ людей народа. Рабы на эту мірскую сходку не допускаются: конновооруженный народъ собирается преимущественно во время подножнаго корма, на условленномъ мѣстѣ, на курганѣ или урочищѣ, освященномъ обычаемъ. Масса назначаетъ уполномоченныхъ своихъ между ефендіями и старшинами. Когда избранные уполномоченные старшины обсудятъ и рѣшатъ предложенный вопросъ, старшій между ними по лѣтамъ и почету сообщаетъ собранному у подножія кургана народу, чѣмъ рѣшено дѣло. Если народъ согласенъ съ рѣшеніемъ старшинъ, то подаютъ коранъ и народъ по общинно присягаетъ исполнять свято это рѣшеніе“ **).

Современный изслѣдователь быта Сибирскихъ инородцевъ В. Сѣрошевскій въ слѣдующихъ словахъ описываетъ народныя собранія у Якутовъ: „Обыкновенно онѣ происходятъ не далеко отъ дома родового правленія, сугланъ. На оголенномъ, сухомъ бугрѣ или поросшей муравою полянкѣ разсаживаются вѣчующіе, образуя замкнутый кругъ. Въ первомъ ряду сидятъ, по татарски

---

*) А. Я. Ефименко, „Юридическіе обычаи Лопарей, Кореловъ и Самоѣдовъ Архангельской губерніи“, стр. 55—56. Записки И. Р. Г. О. по отд. этнографіи, т. VIII.

**) Ѳ. Леонтовичъ, Адаты Кавказскихъ горцевъ, I, стр. 196.

поджавъ подъ себя ноги, болѣе пожилые и вліятельные изъ присутствующихъ; во второмъ сидятъ или стоятъ на колѣняхъ независимые, но менѣе состоятельные хозяева, наконецъ, въ третьемъ, по большей части стоятъ, чтобы лучше видѣть и слышать, молодежь, дѣти, нищіе и нерѣдко женщины. Обсуждаетъ дѣла, собственно говоря, первый кругъ; второй иногда только вставляетъ свои замѣчанія и поправки, третій слушаетъ молча. Иногда разгораются страсти и галдятъ всѣ заразъ, но рѣшеніе вопроса и постановка его всегда предоставляется первому кругу. Онъ руководитъ совѣщаніемъ. Изъ среды его выдвигаются ораторы и, то сидя то стоя на колѣняхъ, жестикулируя широко руками и многократно во всѣ стороны кланяясь, защищаютъ данное предложеніе. У Якутовъ высоко цѣнится ораторское искусство и между ними встрѣчаются замѣчательно талантливые ораторы. Каждая рѣчь, какъ бы она ни была длинна и бездарна, и кто бы ее ни говорилъ, выслушивается до конца въ почтительномъ молчаніи. Во время рѣчи или послѣ ея окончанія, ораторъ кое когда обращается ко второму кругу, какъ бы съ вопросомъ: „ну, какъ, народъ?“ и получаетъ въ отвѣтъ или молчаніе, или поддержку въ видѣ восклицаній: сёбъ (ладно)! хайтахъ (какже)! кирдикъ (правда)! сиччахъ! ситы курдукъ (точно такъ)! или носовой звукъ енгъ, выражающій пониманіе, утвержденіе, согласіе. Передъ окончательнымъ рѣшеніемъ руководители, согласно обычаю, обращаются къ народу; благодаря всестороннему тщательному разбору, благодаря предварительному частному обсужденію и вносимымъ постоянно, согласно настояніямъ присутствующихъ, поправкамъ, всегда почти получается въ концѣ единодушное одобреніе“ *). Такую же картину представляли и союзныя собранія Якутовъ. Союзный совѣтъ „состоялъ такъ же, какъ и родовой, изъ трехъ круговъ: въ первомъ засѣдали родоначальники-вожди бись-уса-тоёно и сесены, во второмъ—господа собственники, тоёны, воины и витязи, батыри, въ третьемъ малосостоятельный простой народъ и молодежь“ **).

---

*) В. А Сѣрошевскій, Якуты, стр. 464—465.
**) Тамъ-же, стр. 469.

IV.

Образованіе древнерусской аристократіи и ея значеніе въ обществѣ.

1. Образованіе свѣтской аристократіи.

Въ первобытномъ обществѣ старость, какъ признакъ житейской мудрости, выдѣляетъ человѣка изъ остальной массы населенія. Когда же появляется экономическое неравенство, со старостью конкурируетъ богатство. Богатые играютъ руководящую роль въ обществѣ, а среди богатыхъ особеннымъ вліяніемъ должны пользоваться люди пожилые. Члены этого класса людей богатыхъ, преимущественно же (но не исключительно) лица пожилые, занимаютъ должности по общественному управленію.

Нашъ лѣтописецъ неоднократно прямо указываетъ на то уваженіе, какимъ пользовалась старость въ глазахъ нашихъ предковъ; засвидѣтельствованный памятниками экономическій бытъ въ древнѣйшемъ періодѣ русской исторіи указываетъ на существованіе экономическаго неравенства и на преобладающее значеніе въ обществѣ людей богатыхъ; наконецъ, употребляемые лѣтописцемъ термины „лучшіе мужи“, которые „держатъ землю“, „старѣйшины града“, „старцы градскіе“ свидѣтельствуютъ о томъ, что въ составъ высшаго класса общества входили лица, обладающіе властью, и что, по общему правилу (но не всегда), обладаніе властью принадлежало старшимъ по возрасту. Указанными тремя признаками—богатствомъ, властью и физическимъ старшинствомъ—характеризуется древнѣйшая русская аристократія, образовавшаяся еще въ доисторическое время. Эта древнѣйшая аристократія обозначается искусственнымъ, но правильнымъ терминомъ **„земскіе бояре“**.

Варяжскіе князья вносятъ воинственную струю въ мирную жизнь Русскихъ Славянъ. Военные походы становятся обыденнымъ явленіемъ. Особенную цѣнность въ глазахъ общества получаетъ военная доблесть. Лица, обладающіе военною доблестъю, выдѣляются надъ массой остального населенія. Князь—военачальникъ; война составляетъ профессіональную обязанность дружины, постоянно окружающей князя. Дружинники, извѣстные военной доблестью, называются „старшими", или—„боярами".

Это новое качество—военная доблесть—не исключаетъ тѣхъ качествъ, которыми искони отличалась аристократія отъ остального населенія; наоборотъ, личная доблесть входитъ въ различныя сочетанія съ физическимъ старшинствомъ, властью и богатствомъ. По общему правилу, только человѣкъ зрѣлаго возраста можетъ заслужить славу доблестнаго воина; старшая дружина состоитъ изъ людей зрѣлаго возраста, старшіе дружинники, бояре, называются „мужами"; младшая дружина обыкновенно состоитъ изъ молодежи, почему младшіе дружинники называются „дѣтскими", „пасынками", „отроками". Старшіе дружинники обладаютъ властью: они назначаются воеводами, посадниками. Старшіе дружинники—люди богатые. Война въ древности служитъ средствомъ обогащенія; добыча и дань обогащаютъ князя, обогащаютъ и дружину, въ особенности, конечно, старшую дружину. Управленіе и судъ точно также обогащаютъ князя, обогащаютъ и его ближайшихъ помощниковъ по суду и управленію, т. е. старшихъ дружинниковъ.

Земскіе бояре—туземцы, сама жизнь выдвинула ихъ изъ массы населенія. Старшіе дружинники—пришлецы, своимъ положеніемъ они обязаны князю. Они именуются княжескими боярами, въ отличіе отъ бояръ земскихъ.

Съ теченіемъ времени граница, раздѣляющая бояръ земскихъ и бояръ княжескихъ, исчезаетъ. Обѣ стороны переходятъ лежащую между ними границу: земскіе бояре поступаютъ на княжескую службу, княжескіе бояре становятся землевладѣльцами. Образуется одинъ высшій классъ общества—бояре.

Бояре не представляли изъ себя однообразной массы. Изъ среды бояръ уже въ древности начинаютъ выдѣляться отдѣльныя лица, которыя получаютъ названіе „старѣйшихъ", „большихъ", „первыхъ". Въ Густинской лѣтописи Варяжко называется

„старѣйшимъ бояриномъ“ Ярополка*). Патерикъ Печерскій упоминаетъ объ Іоаннѣ, „первомъ бояринѣ“ князя Изяслава, а также о Симонѣ-Варягѣ, „старѣйшемъ“ бояринѣ князя Ярослава **). Сынъ послѣдняго Георгій Симоновичъ играетъ важную роль при Владимирѣ Мономахѣ и Юріѣ Долгорукомъ; въ Тверской лѣтописи онъ называется „большимъ бояриномъ“ ***).

Къ „старѣйшимъ“, „первымъ“ и „большимъ“, очевидно, необходимо отнести и многихъ другихъ бояръ, которые, по разсказу лѣтописца, играли особенно важную роль при князѣ. Таковы, напримѣръ: кормилецъ Святослава Асмудъ и его воевода Свѣнельдъ, воевода и кормилецъ Ярослава Будый, воевода Ярослава Вышата, сыновья Вышаты—Янъ, тысяцкій Кіевскій и воевода при Всеволодѣ, и Путята, тысяцкій Кіевскій и воевода при Святополкѣ и др.

Старѣйшіе бояре состояли „кормильцами“ при князьяхъ, назначались воеводами и тысяцкими въ стольныхъ городахъ; тысяцкіе и посадники болѣе значительныхъ пригородовъ тоже, вѣроятно, принадлежали къ старѣйшимъ боярамъ.

Съ теченіемъ времени численность бояръ постепенно увеличивается †); вмѣстѣ съ этимъ дѣлаетъ дальнѣйшіе успѣхи начавшійся раньше процессъ раздѣленія бояръ на разряды, отличные одинъ отъ другого по своему экономическому и служебному положенію. На востокѣ и сѣверѣ „обѣднѣвшіе потомки размножившагося боярскаго рода“ теряютъ званіе бояръ и образуютъ новый классъ общества—дѣтей боярскихъ; †*) въ средѣ лицъ, сохранившихъ званіе бояръ, образуется высшій разрядъ „старѣйшихъ“, „нарочитыхъ“, „великихъ“, „лучшихъ“, „большихъ“ бояръ, которые отличаются отъ „младшихъ“, „меньшихъ“, или „иныхъ“, „прочихъ“. На западѣ и югѣ этотъ высшій разрядъ бояръ получаетъ новое названіе „пановъ“.

---

*) Густ., 981, стр. 244. И изъ разсказа Начальной лѣтописи видно, что Варяжко былъ человѣкомъ сильнымъ и вліятельнымъ; по смерти Ярополка онъ убѣжалъ къ Печенѣгамъ „и много воева съ Печенѣги по Володимера и одва привабы и заходивъ къ нему ротѣ“. (Нач., 980, стр. 33).

**) Яковлевъ, Памятники... стр. XIV и CXI.

***) Тамъ же, стр. CXIV и Твер., 1119, стр. 193.

†) Уже подъ 1208 годомъ лѣтописецъ разсказываетъ, что въ Галицкой землѣ убито было 500 бояръ, а подъ 1239 упоминаетъ о „множествѣ бояръ“ въ Суздальской землѣ; одна жалованная грамота свидѣтельствуетъ, что при заложеніи церкви въ первой четверти XIII в. съ князьями Рязанскими находилось 300 бояръ и т. д. См. Ипат., стр. 484, Лавр., стр. 200; А. Ист., I, № 2.

†*) М. Владимирскій-Будановъ, Обзоръ ист. рус. пр., стр. 127.

„Старѣйшіе“ бояре и паны отличаются отъ остальныхъ бояръ большею экономическою обезпеченностью и болѣе виднымъ служебнымъ положеніемъ. Они назначаются военачальниками, воеводами, во время походовъ. Въ мѣстномъ управленіи они занимаютъ старинныя должности тысяцкихъ и посадниковъ (въ Новгородѣ и Псковѣ), а также новыя должности—намѣстниковъ, старостъ и воеводъ (на Волыни). По прежнему бояре являются княжескими кормильцами, или „дядьками“, кромѣ того занимаютъ новыя важнѣйшія должности по придворному управленію—дворскихъ, окольничихъ, чашниковъ, казначеевъ, крайчихъ, маршалковъ.

Послѣ призванія Варяжскихъ князей потомки одного рода—Рюриковичи—постепенно дѣлаются князьями во всѣхъ русскихъ земляхъ. Прежніе туземные и иноземные князья теряютъ политическую власть и сливаются съ боярами: они теряютъ и свой титулъ княжескій, ибо въ сознаніи населенія укореняется та мысль, что исключительное право на занятіе княжескихъ столовъ въ русскихъ земляхъ, а слѣдовительно, и на титулъ княжескій принадлежитъ потомкамъ Рюрика.

По мѣрѣ размноженія рода Рюрика многіе князья Рюриковичи теряютъ политическую власть, но сохраняютъ княжескій титулъ. Это такъ называемые служилые князья, первыя свѣдѣнія о которыхъ встрѣчаемъ въ памятникахъ съ половины XIII в. Кромѣ потомковъ Рюрика, въ составъ служилыхъ князей входятъ также лишенные своихъ удѣловъ потомки Гедимина; въ незначительной степени вошли сюда и Татарскіе выходцы—цари и царевичи.

Съ появленіемъ служилыхъ князей высшій классъ русскаго общества по прежнему именуется боярами, а иногда обозначается болѣе опредѣленно—„князья и бояре“, „князья и паны“.

2. Значеніе свѣтской аристократіи въ обществѣ.

Бояре, князья и бояре, князья и паны занимаютъ высшее положеніе въ древнерусскомъ обществѣ. Описывая по различнымъ поводамъ соціальный составъ древнерусскаго населенія лѣтописецъ на первомъ мѣстѣ ставитъ владѣтельныхъ князей и рядомъ съ ними бояръ или служилыхъ князей и бояръ; остальные классы населенія, обозначаемые обыкновенно общимъ терминомъ „люди“,

„мужи“, „народъ“ остаются на заднемъ планѣ*). Въ былинахъ впереди стоятъ „князья—бояре“, за ними—„гости, люди торговые“ и, на послѣднемъ мѣстѣ „простые крестьяне, люди малые“. Въ грамотахъ, обращенныхъ въ населенію какой нибудь мѣстности, обыкновенно дѣлается перечень классовъ населенія, причемъ на первомъ мѣстѣ ставятся бояре, или князья и бояре, князья и паны**).

Высокое положеніе древнерусской аристократіи въ обществѣ основано прежде всего на ея экономической состоятельности.

Бояре—люди богатые. По свидѣтельству памятниковъ, они обладаютъ селами, домами, скотомъ, челядью и разнымъ „имѣніемъ“; у нихъ есть свои „рядовичи“, „тіуны“, своя дружина.

Богатыми людьми являются и князья (служилые). Въ произведеніяхъ народной литературы—былинахъ—князья изображаются обыкновенно даже болѣе богатыми, чѣмъ бояре. Въ былинѣ про Алешу Поповича поется:

Втапоры князи и бояра
Скочили на рѣзвы ноги
И всѣ за Тугарина поруки держатъ:
Князи кладутъ по сту рублевъ,
Бояра по пятидесятъ, крестьяне по пяти рублевъ...

Аристократія является и болѣе образованнымъ классомъ древнерусскаго общества.

Какъ люди богатые, бояре и князья связаны съ той землей, въ предѣлахъ которой находятся ихъ богатства. Связь земскихъ бояръ съ землей не подлежитъ, конечно, никакому сомнѣнію; для княжескихъ бояръ эта связь съ землей начинается съ тѣхъ поръ, какъ они становятся землевладѣльцами и сливаются съ боярами земскими.

Занятіе должностей по мѣстному управленію въ данной землѣ, а также участіе въ военныхъ походахъ, предпринимаемыхъ въ

*) См., напр., разсказы о церковныхъ службахъ, церковныхъ процессіяхъ и, вообще, о многолюдныхъ собраніяхъ: Нач., 1086, стр., 88; Ипат., 1116, стр. 203; Лавр., 1227, стр. 190—191, 1231, стр. 194—195; Воскр., 1382, стр. 45, 1395, стр. 67; Соф. II, 1407, стр. 135 и др. См. также разсказы о битвахъ и пораженіяхъ русскихъ, гдѣ часто обозначаются имена убитыхъ и взятыхъ въ плѣнъ князей и бояръ: Нач., 1074, стр. 85—86, 1093, стр. 94; Лавр. 1136, стр. 133; Новг. I, 1268, стр. 60; Новг. IV, 1380, стр. 81 и др.

**) См., напр., А. А. Э., I, № 13; А. И., I, № 264; А. З. Р., I, № 52, 100, 109, 201, 204, 213, II, № 1, 54 и др.

интересахъ данной земли, еще болѣе усиливаютъ эту связь аристократіи съ землей*).

Съ другой стороны, существуетъ тѣсная связь между княземъ (владѣтельнымъ) и аристократіей. Бояре—ближайшіе помощники князя на войнѣ и въ мирѣ (по суду и управленію). Эта оффиціальная, служебная, близость ведетъ къ близости въ интимной жизни. И въ своей частной жизни, и въ своей общественной дѣятельности князь постоянно окруженъ боярами. Князь пируетъ съ боярами, при чемъ иногда во время пировъ обсуждаются вопросы государственнаго управленія. Князь вмѣстѣ съ боярами посѣщаетъ монастыри, вмѣстѣ съ боярами отправляется въ походы, на охоту, на княжескіе съѣзды, въ Орду. Вмѣстѣ съ княземъ бояре погибаютъ въ Ордѣ, подвергаются лишенію свободы и измѣнническому избіенію отъ руки другихъ князей. Бояре являются участниками семейныхъ торжествъ и печальныхъ событій въ княжескомъ домѣ: они присутствуютъ на княжескихъ свадьбахъ, крестинахъ, похоронахъ, при составленіи духовныхъ грамотъ. Бояре, наконецъ, заключаютъ брачные союзы съ членами княжескаго дома.

Близость отнюдь не обозначаетъ зависимости бояръ отъ князя. Бояре сохраняютъ полную самостоятельность и независимость, которая въ нѣкоторыхъ случаяхъ столкновеній съ княземъ обнаруживается весьма рѣзко.

Случай такого столкновенія записанъ въ лѣтописи подъ 1169 годомъ. Князь Владиміръ Мстиславичъ безъ вѣдома своихъ бояръ нарушилъ клятву, данную имъ князю Мстиславу Изяславичу. Узнавши объ этомъ, бояре сказали: „О собѣ еси, княже, замыслилъ; а не ѣдемъ по тобѣ, мы того не вѣдали“. Тогда, по словамъ лѣтописи, „Володимиръ же рече, возрѣвъ на дѣцскы: „а се будуть мои бояре“.

Прекрасное толкованіе этого мѣста лѣтописи находимъ у проф. Сергѣевича: „Князь не наказываетъ ослушныхъ бояръ лишеніемъ боярскаго сана. Это и понятно. Боярское сословіе обязано своимъ происхожденіемъ не пожалованію, а естественному преобладанію

*) Объ осѣдлости бояръ и связи ихъ съ землей см. Н. Павлова—Сильванскаго, Государевы служилые люди, СПБ., 1898, стр. 10 и слѣд., Его же, Феодальныя отношенія въ удѣльной Руси (въ Ж. М. Н. П., 1901, іюль и 1902, январь), и М. Грушевскаго, Очеркъ ист. Кіев. земли, стр. 314 и слѣд. Въ этихъ изслѣдованіяхъ указана литература даннаго вопроса.

большихъ людей, а потому и не могло быть лишаемо своихъ преимуществъ по усмотрѣнію князя“ *). Князь не могъ лишить боярина его боярскаго званія, не могъ также однимъ словомъ простого дружинника дѣтскаго—сдѣлать бояриномъ. Когда князь Владимиръ Мстиславичъ послѣ указаннаго столкновенія съ боярами отправился со своими дѣтскими за помощью къ Берендѣямъ, то послѣдніе сказали ему:..

„се ѣздиши одинъ и безъ мужей своихъ, а насъ перельстивъ, а намъ лучьше въ чюжю голову нежели въ свою“,—и начаша въ не пущати стрѣлы, и удариша князя двумя стрѣлами. (Ипат., 1169, стр 367).

Берендѣи не признали боярами, „мужами“—дѣтскихъ.

Другой случай, свидѣтельствующій о самостоятельности и независимости бояръ, приведенъ позднѣйшимъ лѣтописцемъ подъ 1391 годомъ. Великій князь Московскій Василій Дмитріевичъ выхлопоталъ себѣ въ Ордѣ ярлыкъ на Нижегородское княжество; посолъ Татарскаго хана вмѣстѣ съ боярами Московскими уже приближался къ Нижнему. Узнавъ объ этомъ, князь Нижегородскій Борисъ Константиновичъ

созва бояре свои и начатъ имъ молитисъ съ плачемъ и со слезами глаголя сице: „господия моя и братия бояре и друзи попомните господне крестное цѣлование, какъ есте целовали ко мнѣ, и любовь нашу и усвоение к вамъ“.

Князь не приказываетъ боярамъ, не предъявляетъ къ нимъ требованій, онъ „съ плачемъ и со слезами“ умоляетъ ихъ соблюсти крестное цѣлованіе. Отъ имени бояръ князю отвѣчаетъ старѣйшій изъ нихъ Василій Румянецъ:

„ни скорби ни печалуй господине княже, вси есмы единомыслении к тебѣ, и готови за тя главы своя сложити и кровъ излияти“.

Но когда въ городъ вошли Татаре и Московскіе бояре и когда князь Борисъ Константиновичъ снова напомнилъ своимъ боярамъ о крестномъ цѣлованіи, то тотъ же Василій Румянецъ сказалъ:

„господине княже не надѣйся на насъ, уже убо есми мы отныне не твои, и нѣсть с тобою есмя но на тя есмы“. (Ник., IV, 1391, стр. 240—241).

У Нижегородскихъ бояръ, говоритъ по этому поводу проф. Сергѣевичъ, „и подозрѣнія не было о томъ, что они измѣняютъ

---

*) Вѣче и князь, стр. 357.

своимъ обязанностямъ. Наоборотъ, рѣчь Румянца проникнута сознаніемъ права ихъ сдѣлать то, что они сдѣлали" *). Въ лѣтописи разсказываются и многіе другіе случаи „отступленія" бояръ отъ князя *), отъѣзда отъ одного князя и перехода на службу къ другому князю. Во всѣхъ этихъ случаяхъ бояре поступаютъ съ сознаніемъ своего права, и это сознаніе права основано на ихъ самостоятельности и независимости" ***).

Связь съ землей, близость къ князю, участіе въ управленіи, наконецъ, досугъ, обусловленный экономической обезпеченностью, приводятъ къ тому, что для бояръ дѣлаются особенно близкими политическіе интересы земли, и что они выступаютъ, какъ естественные представители земли.

Когда умеръ князь Мстиславъ Ростиславичъ, то, по словамъ лѣтописца, „плакашася по немъ вся земля Новгородъская, наипаче же плакахуся по немь лѣпшии мужи Новгородьстѣи". Смерть князя вызываетъ особенно сильную скорбь со стороны „лѣпшихъ мужей", бояръ, которые въ умершемъ князѣ оплакиваютъ защитника политическихъ интересовъ земли. Лѣтописецъ влагаетъ слѣдующія слова въ уста „лѣпшихъ мужей" Новгородскихъ, бояръ, оплакивающихъ умершаго князя:

> „уже не можемъ, господине, поѣхати съ тобою на иную землю, поганыхъ поработити во область Новгородьскую: ты бо много молвяшеть, господине нашь, хотя на всѣ сторонѣ поганыя; добро бы ныны, господине, съ тобою умрети створшему толикую свободу Новгородьцемъ отъ поганыхъ".... (Ипат., 1178, стр. 413).

Подобно боярамъ Новгородскимъ, бояре Волынскіе оплакиваютъ умершаго князя Владимира Васильковича, какъ защитника политическихъ интересовъ земли:

> Наипаче же плакахуся по немь лѣпшии мужи Володимерьстии, рекуче: „добро бы ны, господине, с тобою умрети, створшему толикую свободу, якоже и дѣдъ твой Романъ свободилъ бяшеть отъ всихъ обидъ; ты же бяше, господине, сему поревновалъ и наслѣдилъ путь дѣда своего; нынѣ же господине, уже ктому не можемь тебе зрѣти, уже бо солнце наше зайде ны и во обидѣ всѣмъ остахомъ". (Ипат., 1288, стр. 604—605).

---

*) Рус. Юр. Др., I, стр. 355.

**) См., напр., Ипат., 1118, стр. 205.

***) Въ Московскомъ государствѣ самостоятельность и независимость бояръ постепенно ограничивается и, наконецъ, замѣняется прикрѣпленіемъ ихъ къ службѣ. Господство этого новаго порядка наступило послѣ образованія единодержавія.

Ту же мысль можно подмѣтить въ разсказахъ лѣтописца о похоронахъ другихъ князей. Тѣло умершаго князя Владимира Святого поставлено было въ церкви Святой Богородицы.

Се же увидѣвше людье, и снидошася бещисла и плакашася по немь, бояры акы заступника земли ихъ, убози акы заступника и кормителя. (Ипат., 1015, стр. 90).

О похоронахъ князя Константина Всеволодовича лѣтописецъ разсказываетъ:

по преставленіи же его, слышавше вси людье града Володимеря, стекошася на дворъ его и плакашася по немъ плачемъ вельимъ, боляре, яко заступника земли ихъ, слугы такоже яко кормителя и господина, убозіи и черноризци яко утѣшенье и одѣянье наготѣ ихъ, и весь сборъ убогыхъ плакахуся, вскорѣ лишени такого милостивца". (Лавр., 1218, стр. 188).

Умирающій великій князь Московскій Дмитрій Ивановичъ обращается съ послѣднимъ словомъ къ боярамъ; онъ вспоминаетъ важнѣйшія событія своего княженія, причемъ свою личную дѣятельность на пользу земли связываетъ съ дѣятельностью бояръ: интересы земли такъ же близки боярамъ, какъ и князю.

Рече же бояромъ своимъ: „сберитеся къ мнѣ, да скажу вамъ еже сътворихъ въ житіи моемъ: вѣдаете каковъ обычай мой есть и нравъ, родихся предъ вами, и при васъ възрастохъ, и съ вами царствовахъ землю Рускую дръжахъ лѣтъ 29, а отъ роженіа ми 40 лѣтъ; и мужьствовахъ съ вами на многи страны, и противнымъ страшенъ быхъ въ бранехъ, и поганыя ніизложихъ Божіею помощію и враги покорихъ; великое княженіе свое велми укрѣпихъ, миръ и тишину земли Руской сътворихъ, отчину свою съ вами съблюдохъ, еже ми предалъ Богъ и родители мои, и вамъ честь и любовь даровахъ, подъ вами городы дръжахъ и великіи власти, и чада ваша любихъ, никому же зла сътворихъ, ни силою что отъяхъ, ни досадихъ, ни укорихъ, ни разграбихъ, ни бесчествовахъ, но всѣхъ любихъ и въ чти держахъ, и веселихся съ вами, съ вами и поскорбихъ; вы же не нарекостеся у меня бояре, но князи земли моей..." (Воскр., 1389, стр. 56).

Какъ люди, которымъ въ особенности близки политическіе интересы земли, бояре (позже—князья и бояре) считаются ея естественными представителями.

Древляне убили Игоря. Ольга мститъ за смерть своего мужа Древлянамъ, но первыми и главными жертвами ея мести падаютъ Древлянскіе бояре („нарочитые мужи", „лучшіе мужи" „старѣйшины града"), какъ представители Древлянской земли *).

*) Нач., 946, стр. 24—25.

Новгородцы избили Варяговъ, дружинниковъ князя Ярослава; Ярославъ мститъ боярамъ Новгородскимъ:

позва къ собѣ нарочитыѣ мужи, иже бяху изсѣкли Варягы, обольстивъ и исѣче. (Нач., 1015, стр. 61).

Во время войны бояре, какъ представители земли, (или ихъ дѣти) лишаются свободы и дѣлаются заложниками. Князь Изяславъ Мстиславичъ, побѣдивъ Галичанъ, простыхъ „колодниковъ" „повелѣ сѣчи, а лутшии мужи со собою поя" *). Въ 1239 году Нѣмцы побѣдили Псковитянъ.

„и пришедше подъ Псковъ посадъ пожгоша, и стояша подъ городомъ недѣлю и отъидоша, поимавъ дѣти у добрыхъ людей въ таль". (Псков. I, 1239, стр. 179).

Тверской князь Михаилъ Ярославичъ во время войны съ Новгородомъ

призва къ собѣ князя Аѳанасія и бояры Новгородскыи, и изъима ихъ, и посла на Тферь въ тали. (Новг. I, 1315, стр. 71).

Въ періодъ установленія Московскаго единодержавія Московскіе великіе князья стараются захватить бояръ другихъ сѣверовосточныхъ земель и удѣльныхъ княжествъ; съ другой стороны, бояре другихъ земель и удѣльныхъ княжествъ охотно переходятъ на службу къ болѣе сильному Московскому князю. Такой захватъ бояръ Московскими князьями и переходъ бояръ на службу великаго князя Московскаго ослабляетъ силы самостоятельныхъ земель и удѣльныхъ княженій и подготовляетъ присоединеніе ихъ къ великому княжеству Московскому.

Въ лѣто 6876... князь великій Дмитрей Ивановичь да Алексѣй митрополитъ князя Михаила Александровича Тверскаго зазваша на Москву любовію, и бысть ему судъ на третей день, и поимаша его и бояръ его всѣхъ, и разведоша ихъ разно, и державъ ихъ въ истомѣ. (Воскр., 1368, стр. 15).

Въ лѣто 6896... розмиріе бысть великому князю Дмитрію Ивановичю съ княземъ Володимеромъ Андрѣевичемъ, и поимани быша бояре старѣйшіи княже Володимеровы, и разведени вси разно по городомъ, и сидѣша вси въ нятіи у приставовъ. (Воскр., 1388, стр. 52).

Въ лѣто 6994... пріѣхаша въ великому князю изъ града изо Твери князи и бояре Тверские, и биша ему челомъ въ службу. (Новг. IV, 1486, стр. 156).

---

*) Ипат., 1153, стр. 322.

Когда бояре, какъ представители земли, признаютъ власть великаго князя Московскаго, то земля присоединяется къ великому княжеству Московскому.

Въ лѣто 6888... великій князь Дмитрей Ивановичъ хотѣ противу послати рать свою на князя Олга, и се внезалу пріѣхаша къ нему боаре Рязанстія и повѣдаша, что князь Олегъ поверглъ свою отчину землю Рязанскую, а самъ побѣжалъ и съ княгинею и съ дѣтми и съ боары, и молиша его много о семь, дабы на нихъ рати не послалъ; а сами биша ему челомъ въ рядъ и урядишася у него. Великій же князь послуша ихъ, и пріимъ челобитіе ихъ, рати на нихъ не посла, а на Рязанскомъ княженіи посади намѣстницы своя. (Воскр., 1380, стр. 41).

Въ лѣто 7022... іюля 31 князи и бояре Смоленскіе градъ отвориша, а сами поидоша къ шатромъ великому государю челомъ ударити и очи его видѣти, да туто приказалися великому государю и крестъ цѣловали. (Воскр., 1514, стр. 255).

Съ подобными же явленіями встрѣчаемся и въ исторіи образованія великаго княжества Литовскаго.

A kniazi Bojare Wolynskiie, bili czolom welikomu kniaziu Gidyminu, aby w nich panowal y hóspodarem byl, a zemli ich ne kazil, y kniaz weliki Gidymin ukrepiwszy ich przysiahoju, y ostawiwszy namestnikow swoich w nich, y tam nacznet kniazyty... (Лѣт. Быховца, стр. 15).

Когда земля теряетъ политическую самостоятельность и присоединяется къ Москвѣ или Литвѣ, то бояре этой земли подвергаются принудительному выселенію: такое выселеніе бояръ, какъ естественныхъ представителей земли, является мѣрой, способствующей успѣхамъ единодержавія. Эта мѣра примѣнена была Московскимъ правительствомъ по отношенію къ боярамъ и другимъ „лучшимъ людямъ“ Новгородскимъ, Псковскимъ и Вятскимъ, а также къ князьямъ и боярамъ Тверскимъ.

Тое же зимы поималъ князь велики блъшихъ бояръ Новгородцкыхъ и боярынь, а казны ихъ и села всѣ велѣлъ отписати на себя, а имъ подавалъ помѣстія на Москвѣ подъ городомъ; а иныхъ бояръ, которые коромолю дръжали отъ него, тѣхъ велѣлъ заточити въ тюрмы по городомъ. (Воскр., 1484, стр. 215) *).

Князь же великій Иванъ Васильевичъ всеа Руси великую княгиню Настасію Борисову, и бояръ Тверьскыхъ много и князей на Москву свелъ“. (Твер., 1486, стр. 500).

*) О выселеніи бояръ и другихъ „лучшихъ людей“ изъ Новгорода, см. у Костомарова, „Сѣвернорусскія народоправства“, а также въ „Исторіи Россіи“ Соловьева и въ „Исторіи Россіи“ Иловайскаго.

Посылалъ князь велики Иванъ Васильевичь всеа Русіи ратью на Вятку князя Данила Васильевича Щеня, за ихъ неисправленіе, да другого воеводу Григорья Васильевича Морозова и иныхъ воеводъ со многими силами. Они же шедше городы ихъ поимаша, а самѣхъ Вятчанъ къ цѣлованью приведоша... а Вятчанъ большихъ людей всѣхъ и съ женами и съ дѣтьми изведоша. (Соф. II, 1489, стр. 239).

И князь великій, въ недѣлю, велѣлъ быти у собя посадникомъ Псковскимъ и дѣтемъ посадничьимъ, и бояромъ, и купцомъ и житьимъ людемъ: „язъ васъ хощу жаловати своимъ жалованьемъ"; и поидоша Псковичи отъ мала и до велика на великого князя дворъ. И посадники и бояре поидоша въ гридню, а иныхъ на крылцы стоя князь Петръ Васильевичъ по переписи почалъ кликати посадниковъ и бояръ и купцовъ Псковскихъ, и кои вошли въ гридню, то тѣхъ всѣхъ за приставы подаваша, а Псковичемъ молодшимъ людемъ, кои на дворѣ стояли, сказалъ князь Петръ; „до васъ Государю дѣла нѣтъ, а до которыхъ Государю дѣло есть, и онъ тѣхъ къ себѣ емлетъ; а васъ Государь пожалуетъ грамотою своею жалованною, какъ вамъ впередъ жити". И подаваша тѣхъ за приставы, кои были въ гриднѣ, и поидоша за приставы по подворьямъ, и начаша скручатися къ Москвѣ тое же нощи. (Псков. I, 1510, стр. 286—287).

Такую же мѣру примѣнилъ Витовтъ по отношенію къ боярамъ Смоленской земли въ 1405 году:

Витовтъ взя градъ и все Смоленьское княженіе за себе, а княгыню Юрьеву поимавъ сосла ю въ Литовьскую землю, а князей Смоленьскыхъ поимавъ и бояръ, которѣи хотѣли князю Юрью добра, а тѣхъ разведе и растоци, а иныхъ измуци. (Новг. IV, 1405, стр. 145).

3. Духовная аристократія.

Христіанство вноситъ новое міровоззрѣніе въ русское общество, воспитанное на языческихъ понятіяхъ. Вмѣстѣ съ христіанствомъ распространяется въ русскомъ обществѣ „книжное ученіе", появляется новый образованный классъ общества—православное духовенство. Нравственный авторитетъ религіи и сила книжнаго ученія окружаютъ особымъ ореоломъ высшихъ представителей церкви—митрополита, епископовъ, игуменовъ монастырей.

Вмѣстѣ съ тѣмъ эти высшіе представители церкви обладаютъ и тѣми качествами, которыми отличается высшій классъ—бояре—отъ остального населенія: они, обыкновенно, люди пожилыхъ лѣтъ, въ ихъ рукахъ находится власть, именно—власть церковная, въ ихъ рукахъ находятся и большія богатства.

Христіанство распространяется сверху, мѣрами правительства; христіанская вѣра признается государственной. Такой характеръ распространенія христіанства приводитъ къ установленію тѣсной связи между высшими представителями церкви и правительственнымъ классомъ, т. е. боярами: христіанство и книжное ученіе распространяется прежде всего между боярами (и князьями, конечно); епископы назначаются главнымъ образомъ изъ монаховъ—бояръ по происхожденію.

Такой характеръ распространенія христіанства приводитъ и къ другимъ послѣдствіямъ: богатства церкви увеличиваются мѣрами правительства (десятина, жалованныя вотчины), власть духовенства признается не только въ дѣлахъ церкви, для духовенства открывается также возможность вмѣшиваться въ свѣтскія дѣла. И дѣйствительно, такое вмѣшательство начинается вслѣдъ за принятіемъ христіанства: духовенство по свѣтскимъ дѣламъ обращается съ поученіемъ къ князьямъ и требуетъ повиновенія этимъ поученіямъ. Съ другой стороны, населеніе и князья добровольно признаютъ высшій авторитетъ духовенства; князья прибѣгаютъ къ посредничеству духовенства въ своихъ взаимныхъ междоусобіяхъ, народъ тоже прибѣгаетъ къ посредничеству духовенства въ случаѣ столкновенія съ княземъ.

Не только высшіе представители церкви, но и простые священники и иноки, какъ люди образованные, могли въ отдѣльныхъ случаяхъ пользоваться значительнымъ вліяніемъ въ обществѣ. Такъ, по свидѣтельству памятниковъ на священниковъ возлагали иногда важныя дипломатическія порученія, священники выступаютъ въ качествѣ послуховъ на княжескихъ духовныхъ грамотахъ. Для заключенія оговора съ Нѣмцами Смоленскій князь Мстиславъ Давыдовичъ послалъ въ 1229 г. въ Ригу „своего лоучьшаго попа Ерьмея и съ нимъ оумьна моужа Пантелья" *). На духовной грамотѣ князя Ивана Калиты въ числѣ послуховъ названъ попъ Давыдъ, на духовной грамотѣ князя Семена Ивановича—попъ Евсевій **).

---

*) Хрестоматія по ист. рус. пр., I, стр. 113. См. Голубинскаго, Исторія русской церкви, т. I, стр. 562. О значеніи духовенства въ древнерусскомъ обществѣ, кромѣ названнаго сочиненія проф. Голубинскаго, см. также Сергѣевича, Рус. Юрид. Древн., т. II, в. 2 й

**) Собраніе Гос. Гр. и Дог. I, № 21, 24 и др.

V.

Фактическая необходимость и юридическая обязательность совѣщаній князя съ аристократіей.

Описанное въ предыдущей главѣ общественное значеніе аристократіи служитъ основаніемъ участія ея въ верховной власти.

Народоправство—исконный принципъ государственнаго устройства у Славянъ. Строгое проведеніе этого принципа требуетъ участія всѣхъ (свободныхъ) въ народномъ собраніи, которое является органомъ верховной власти. Участіе всѣхъ возможно при кочевомъ образѣ жизни, или при осѣдломъ образѣ жизни въ небольшихъ общественныхъ союзахъ. Но уже на зарѣ исторіи мы встрѣчаемъ у Русскихъ Славянъ осѣдлый бытъ и большіе общественные союзы—земли. При такихъ условіяхъ поголовное участіе всѣхъ въ народномъ собраніи невозможно. Принципъ народоправства остается: всѣ имѣютъ право участвовать въ народномъ собраніи; но не всѣ имѣютъ возможность осуществить это право. Народное собраніе, вѣче, созывается въ центральной общинѣ—старшемъ городѣ. Дѣйствительное участіе въ немъ принимаютъ жители старшаго города—и бояре, и простые люди. Жители пригородовъ и волостей въ дѣйствительности только случайно могутъ принять участіе въ вѣчевомъ собраніи, хотя имѣютъ на это право; при чемъ такая случайность гораздо чаще представляется боярамъ, нежели „простымъ людямъ“ пригородовъ и волостей.

Такой порядокъ, вызванный неустранимыми условіями жизни, становится необходимымъ и въ народномъ сознаніи пріобрѣтаетъ характеръ порядка правомѣрнаго. Юридическое воззрѣніе о правомѣрности этого порядка высказано лѣтописцемъ въ слѣдующихъ словахъ:

Новгородци бо изначала, и Смолняне, и Кыяне, и Полочане, и вся власти, якоже на думу на вѣча сходятся; на что же старѣйшіи сдумають, на томъ же пригороди станутъ. (Лавр., 1176, стр. 160).

Народное собраніе и такого состава не можетъ быть постояннымъ органомъ власти: для большинства народа, для „людей простыхъ", высшіе вопросы политики отодвигаются на заднiй планъ болѣе близкими интересами частной жизни, въ особенности интересами экономическими; созваніе многочисленнаго собранія связано съ значительной проволочкой времени; обсужденіе дѣлъ на многолюдныхъ собраніяхъ всегда отличается медленностью.

Постоянный органъ власти—князь. Но власть княжеская слаба въ древней Руси. „Князь, призванный элементъ волости, не имѣлъ еще своихъ собственныхъ достаточно развитыхъ орудій управленія. У него не было ни полиціи, ни войска въ теперешнемъ смыслѣ слова" *).

При такихъ условіяхъ бояре, какъ самостоятельная общественная сила, признаваемая и княземъ, и населеніемъ, образуютъ другой постоянный органъ власти—боярскую думу. Князь и боярская дума выступаютъ вмѣстѣ. Князь думаетъ съ боярами—вотъ постоянная формула рѣшенія важнѣйшихъ вопросовъ, касающихся земли; эта формула засвидѣтельствована многочисленными указаніями памятниковъ.

Многочисленныя указанія памятниковъ свидѣтельствуютъ прежде всего о массѣ отдѣльныхъ случаевъ совѣщаній князя съ боярами. Мы познакомимся съ этими свидѣтельствами памятниковъ ниже, когда будемъ говорить о составѣ и предметахъ вѣдомства боярской думы.

Кромѣ этихъ прямыхъ свидѣтельствъ памятниковъ, есть косвенныя указанія на то, что совѣщанія князей съ боярами были явленіями постоянными. Подъ 1128 годомъ въ лѣтописи читаемъ слѣдующее:

Всеволодъ же нача ся молити Мьстиславу, и бояры его подъучивая и дары дая моляшеться имъ. (Ипат., стр. 209).

Кіевскій князь Мстиславъ Владимировичъ собралъ большое войско, намѣреваясь идти на Всеволода Ольговича; желая заключить миръ съ Мстиславомъ, Всеволодъ обращается къ его боя-

*) Сергѣевичъ, Вѣче и князь, стр. 20.

рамъ, умоляетъ ихъ, даетъ имъ дары. Очевидно, бояре играютъ большую роль, какъ совѣтники князя.

О такихъ же случаяхъ разсказываютъ и позднѣйшія лѣтописи. Въ 1456 году войско Новгородское было разбито войсками великаго князя Московскаго. Когда вѣсть объ этомъ получена была въ Новгородѣ, собралось вѣче, на которомъ рѣшено было просить архіепископа Евфимія, чтобы „шедъ молилъ великого князя да помиловалъ бы отчину свою".

> Архіепископъ же Евфимей пріиде къ великому князю, и начатъ челомъ бити и молити его за его отчину за Новгородъ, а преже бивъ челомъ и братіи его и бояромъ. Князь же великій послуша моленіа богомолца своего архіепископа Евфиміа, и братіа своеа и боаръ своихъ, и тѣхъ Новгородцевъ, которые пришли съ архіепископомъ, пожалова ихъ, а за свою истому взя у нихъ князь велики десять тысячь рублевъ Новгородцкимъ серебромъ, опричь братіи и боаръ своихъ. (Воскр., стр. 147).

Совершенно такой же разсказъ встрѣчаемъ въ лѣтописи подъ 1471 годомъ. Новгородская земля разорялась Московскимъ войскомъ. Новгородцы отправили пословъ къ великому князю Московскому. Послы

> начаша преже бити челомъ княземъ, и бояромъ и воеводамъ великого князя, чтобы печаловалися братьѣ великого князя, а они бы печаловалися брату своему великому князю, да и сами бы бояре печаловалися. (Воскр., стр. 166).

Бояре „печаловались", били челомъ великому князю Московскому за Новгородцевъ. Великій князь „смиловался", велѣлъ прекратить войну. Новгородцы „добили челомъ" великому князю 16,000 рублей, одарили также „князей, бояръ и воеводъ, которые печаловались за нихъ".

Одно и то же явленіе замѣчается въ XII вѣкѣ и въ XV вѣкѣ: для того, чтобы добиться извѣстнаго дѣйствія со стороны князя, необходимо заручиться расположеніемъ бояръ, ибо бояре совѣтники князя и княжескія рѣшенія постановляются послѣ совѣта съ боярами.

И въ другихъ лѣтописныхъ разсказахъ можно найти косвенныя указанія на то, что совѣтъ князя съ боярами былъ явленіемъ постояннымъ.

Подъ 1257 годомъ лѣтописецъ разсказываетъ, что князь Александръ Невскій, недовольный своимъ сыномъ Василіемъ, выг-

налъ его изъ Пскова, „а дружину его казни, овому носа урѣзаша, а иному очи выимаша“ *). Въ 1270 году Новгородцы изгнали князя Ярослава Ярославича, разграбили дома многихъ бояръ, а одного боярина убили **).

Подобные разсказы встрѣчаются и въ древнѣйшихъ, и въ позднѣйшихъ лѣтописяхъ. Во время княжескихъ усобицъ и во время борьбы народа съ княземъ бояре раздѣляютъ участь князя, ибо бояре—княжескіе совѣтники, „думцы“. По воззрѣніямъ людей того времени, „князь не самъ впадаетъ во многія въ вещи злыя, но думцы вводятъ“ ***). Александръ Невскій казнилъ бояръ своего сына Василія, „кто Василья на зло повелъ; всякъ бо злыи злѣ да погибнеть“.

Въ 1 07 году князь Суздальскій, удостовѣрившись въ измѣнѣ Рязанскихъ князей, „повелѣ изнимати ихъ и бояръ ихъ“; бояре были схвачены, какъ совѣтники княжескіе: въ другомъ спискѣ лѣтописи это мѣсто читается такъ: „повелѣ изъимати ихъ съ своими думцами“ †).

Совѣщаніе князя съ боярами—явленіе постоянно повторяющееся. Мало того: это явленіе правомѣрное, предписанное нормами обычнаго права. По юридическимъ воззрѣніямъ того времени, князь обязанъ былъ совѣщаться съ боярами. Такое юридическое воззрѣніе высказываетъ отъ своего имени лѣтописецъ и другіе современники, въ словахъ которыхъ мы слышимъ голосъ общественнаго мнѣнія. Такое юридическое воззрѣніе раздѣляется князьями. Наконецъ, такими воззрѣніями проникнуты и бояре.

По мнѣнію лѣтописца, однимъ изъ наиболѣе похвальныхъ качествъ князя является любовь къ дружинѣ.

Лѣтописецъ восхваляетъ князя Мстислава Владимировича за то, что онъ „любяше дружину повелику“, Ростислава Святославича за то, что онъ „имѣяше дружину въ чести“, Мстислава Ростиславича за то, что онъ „бѣ любезнивъ на дружину“, Василька Константиновича за то, что онъ былъ „до бояръ ласковъ“, князя Михаила Александровича Тверского за то, что онъ „сладокъ бѣаше дружинѣ своей“ †*). Подобно лѣтописцу, авторъ „Слова о

*) Новг. 1, стр. 56.
**) Тамъ же, стр. 61.
***) Слово о Даніилѣ Заточникѣ, въ Памятн. рос. слов. XII в., изд. Калайдовичемъ, стр. 236—237.
†) Лавр., стр 182; ср. Воскр., стр. 114—115.
†*) Нач., 1036, стр 65; Ипат., 1172, стр 376, 1178, стр. 414, 1197, стр. 471; Лавр., 1237, стр. 199; Твер., 1368, стр. 469 и др.

житіи и преставленіи великаго князя Дмитрія Ивановича, царя Русскаго", перечисляя добродѣтели этого князя, указываетъ на то, что онъ „велможамъ своимъ тихъ и увѣтливъ въ нарядѣ бываше" *). Архіепископъ Ростовской Вассіанъ въ посланіи къ великому князю Ивану Васильевичу приводитъ мнѣніе философа Демокрита о томъ, что „князю подобаетъ имѣти... къ своей дружинѣ любовь и привѣтъ сладокъ" **).

Любовь къ дружинѣ выражалась прежде всего въ томъ, что князь не щадилъ для дружины золота, серебра, имѣнія. Въ этой формѣ проявлялась любовь князя главнымъ образомъ къ младшей дружинѣ, которая сначала жила при княжескомъ дворѣ и содержалась на княжескій счетъ.

Любовь къ старшей дружинѣ, боярамъ, проявлялась въ другихъ формахъ. „Бѣ бо любяше Володимиръ дружину, говоритъ лѣтописецъ, и с ними дума о строеньи землинемь, и о уставѣ земленемь, и о ратѣхъ" ***). Князь, по мнѣнію лѣтописца, долженъ совѣщаться съ боярами, ибо бояре могутъ подать наилучшій совѣтъ.

Когда, по смерти Кіевскаго князя Всеволода Ярославича, Святополкъ „сѣде на столѣ отца своего и стрыя своего", Половцы прислали пословъ съ предложеніемъ мира.

> Святополкъ же не здума съ болшею дружиною отнею и стрыя своего, но свѣтъ створи съ пришедшими с нимь, ізоімавъ послы всажа въ погребъ.

Этотъ поступокъ, совершенный по совѣту пришлыхъ дружинниковъ и безъ вѣдома Кіевскихъ бояръ, причинилъ бѣду Кіевской землѣ:

> Слышавше же се Половцѣ, почаша воевати; и приидоша Половцѣ мнози, і оступиша Торъчьский градъ.

Возникъ вопросъ, какъ отразить это нашествіе кочевниковъ? Князь „нача сбирати вои, хотя на нѣ". Это намѣреніе князя поддерживалось „несмысленными" княжескими совѣтниками; послѣдніе говорили: „поіди, княже". Однако князь на этотъ разъ склонился на сторону „мужей смысленныхъ". Эти „смысленные мужи" (очевидно, „большая дружина", бояре) подаютъ совѣтъ, въ ко-

*) П. С. Р. Л., IV, стр. 351.
**) Воскр., 1480, стр. 209.
***) Ипат., 996, стр. 87.

торомъ видно знаніе и военнаго дѣла, и состоянія земли. „Не кушайся противу имъ“, говорятъ они, ибо „мало имаши вои“, а, кромѣ того, „наша земля оскудила есть отъ ратій и продажь“; поэтому единственный выходъ просить помощи у другихъ князей: „пошлися къ брату своему Володимеру, дабы ти помоглъ“. Владимиръ поспѣшилъ на помощь вмѣстѣ съ братомъ своимъ Ростиславомъ, но когда братья съѣхались, то „взяста межи собою распрѣ и которы“, а Половцы между тѣмъ „воевали землю“. Тогда тѣ же бояре („смысленные мужи“) выступаютъ, какъ представители интересовъ земли и обращаются къ враждующимъ князьямъ съ такою рѣчью:

„почто вы распрю имата межи собою? а погании губять землю Рускую; послѣдѣ ся смирита, а нынѣ поидита противу имъ, любо с миромь, любо ратью“.

Союзныя войска подошли къ рѣкѣ Стугнѣ. Здѣсь

Святополкъ же и Володимеръ, и Ростиславъ съзваша дружину свою на свѣтъ, хотяче поступити чересъ рѣку; и начаша думати. И глаголаше Володимеръ: „яко сдѣ стояще чересъ рѣку, угрозѣ сей, створимъ миръ съ ними“; и присташа свѣту сему смысленѣи мужи, Янь и прочіи. Кияне же не восхотѣша свѣта сего, но рекоша: „хощемъ ся бити; поступимъ на ону сторону рѣкѣ“. (Ипат., 1093, стр. 152—153).

Послѣднее мнѣніе взяло перевѣсъ. Произошла битва. Русскіе потерпѣли пораженіе, князь Ростиславъ утонулъ, много погибло бояръ и простыхъ воиновъ.

Ростиславъ Мстиславичъ былъ избранъ на Кіевскій столъ еще при жизни Кіевского князя Вячеслава. Когда Вячеславъ скончался, Ростиславъ, похоронивъ тѣло его, задумалъ, вопреки совѣту бояръ, предпринять военный походъ противъ Черниговскаго князя Изяслава.

Мужи же боряняхуть ему поити Чернигову, рекучи ему: „се Богъ поялъ стрыя твоего Вячеслава, а ты ся еси еще с людми Киевѣ не утвердилъ; а поѣди лѣпле в Киевъ, же съ людми утвердися...“ Ростиславъ же всего того не послуша но пойде на Изяслава на Давыдовича к Чернигову. (Ипат., 1154, стр. 323).

Результаты такого непослушанія совѣту бояръ были плачевны для Ростислава: онъ потерпѣлъ пораженіе и лишился Кіевскаго стола.

Приведенные лѣтописные разсказы весьма ясно указываютъ на убѣжденіе лѣтописца въ томъ, что наилучшій совѣтъ могутъ

подать бояре—мудрые совѣтники, „мужи смысленные". Поэтому лѣтописецъ съ особенной похвалой отзывается о тѣхъ князьяхъ, которые совѣщались съ боярами.

Такимъ княземъ является, напримѣръ, Владимиръ Святой, который

бѣ бо любя дружину, и съ ними думая о строи земленѣмь, и о ратехъ, и уставѣ земленѣмъ". (Нач., 996, стр. 54).

И въ лѣтописи, и въ произведеніяхъ народной литературы—былинахъ—Владимиръ Святой изображается думающимъ съ дружиною. Въ одной изъ былинъ объ Ильѣ Муромцѣ говорится:

Сталъ тутъ князь Владимиръ думу думати
Со боярченками именитыми,
Со богатырями сильными, могучими,
Какъ ему съ Ильей да помиритися:
Думайте-ка, братцы, думу-думушку,
Думайте-ка, братцы, думу крѣпкую,
Думайте-ка думу, не продумайте:
Ужъ кого-бы намъ да за Ильей послать,
Во почестенъ пиръ Илью позвать?
Самому-то мнѣ пойти не хочется,
А Апраксію послать—къ лицу нейдетъ".
Стали всѣ тутъ думу думати:
„Ужъ кого бы намъ послать Илью позвать?
А пошлемъ ка мы Добрынюшку Никитича..." *)

Наоборотъ, лѣтописецъ неодобрительно относится къ тѣмъ князьямъ, которые избѣгаютъ совѣщаній съ боярами, не слѣдуютъ совѣтамъ бояръ или внимаютъ совѣтамъ своихъ любимцевъ, молодыхъ совѣтниковъ, „несмысленныхъ", „безумныхъ". Лѣтописецъ осуждаетъ князя Всеволода Ярославича, который въ старости удалилъ отъ себя бояръ („первую дружину") и слѣдовалъ совѣтамъ юныхъ совѣтниковъ:

І присгѣваше к нему старость; і нача любиті смыслъ уныхъ, и свѣтъ творяше съ ними, си же начаша і заводити и негодовати дружины своея первыя і людемь не хотѣти княжѣ правдѣ, і начаша тивунѣ его грабити, людии продаяти... (Ипат., 1093, стр. 151).

Осуждаетъ лѣтописецъ также князя Святослава Всеволодовича, который рѣшилъ напасть на князя Давыда Ростиславича,

*) Таковъ былъ и Волынскій князь Мстиславъ Изяславичъ, который, по словамъ Татищева, „въ совѣтахъ о расправѣ земской съ вельможи упражнялся". (Исторія Россійская, III, стр. 178). Характеристика сдѣлана Татищевымъ, очевидно, на основаніи отзыва лѣтописца.

сдумавъ с княгинею своею и с Кочкаремь, милостьникомъ своимъ, и не поведѣ сего мужемь своимъ лѣпшимъ думы своея. (Ипат., 1180, стр. 416).

Осужденіе лѣтописца вызываетъ дѣятельность Галицкаго князя Владимира Ярославича.

Княжащу Володимеру въ Галичкой земли, и бѣ бо любезнивъ питию многому, и думы не любяшеть с мужми своими". (Ипат., 1188, стр. 444).

Подвергается осужденію и поступокъ князя Юрія Львовича, который, не имѣя законнаго права, послѣ смерти Владимира Васильковича

въѣха въ Берестий и нача княжити в немь, по съвѣту безумныхь своихъ бояръ молодыхъ и коромолниковъ Берестьанъ". (Ипат., 1289, стр. 611).

Точно также позднѣйшій лѣтописецъ съ чувствомъ глубокой скорби разсказываетъ о томъ, что Русскіе князья, слѣдуя совѣту „юныхъ бояръ" и вопреки мнѣнію „старцевъ", „старыхъ бояръ", обратились за помощью къ Татарамъ, которые, пользуясь этимъ случаемъ, „многу пакость сътвориша христіанамъ" *).

По понятіямъ лѣтописца, князь долженъ совѣщаться съ боярами; уклоненіе отъ такихъ совѣщаній есть явленіе ненормальное, подлежащее осужденію. Свое принципіальное воззрѣніе по этому вопросу лѣтописецъ выражаетъ библейскимъ текстомъ:

Лютѣ бо граду тому въ немъ же князь унъ, любя вино пити со гусльми и съ младыми свѣтникы. Сяковыя бо Богъ даетъ за грѣхы, а старыя и мудрыя отъиметь (Нач., 1015, стр. 60).

Это воззрѣніе, высказанное начальнымъ лѣтописцемъ по поводу дѣяній князя Святополка въ началѣ XI вѣка, сохраняется въ общественномъ мнѣніи и въ послѣдующее время.

Въ 1409 году Татарскій князь Эдигей прислалъ грамоту великому князю Московскому Василію Дмитріевичу. Эдигей упрекаетъ великаго князя въ томъ, что онъ нарушилъ старину, пересталъ совѣтоваться со „старцами старыми" и началъ слѣдовать совѣту молодыхъ совѣтниковъ. Эдигей даетъ добрый совѣтъ:

„ты бъ тако не дѣлалъ, а молодыхъ не слушалъ, и собралъ бы еси старѣйшихъ своихъ бояръ Илию Ивановича, Петра Костянтиновича, Ивана Микитича... и ты бъ техъ бояръ, да иныхъ многихъ старцовъ воземскихъ, да думалъ бы с ними добрую думу, коябъ пошла на добро". (Собр. Гос. Гр. и Дог., II, № 15) **).

*) Твер., 1408, стр. 475.

**) По мнѣнію И. Е. Забѣлина, этотъ совѣтъ Эдигея „во всякомъ случаѣ писанъ съ русскихъ словъ". (Назв. выше соч. въ Истор. Вѣстн., 1881, апрѣль 760).

Эта грамота Эдигея даетъ поводъ лѣтописцу высказать свое принципіальное воззрѣніе. „Властодержцы, говоритъ онъ,

> лучшая и благая да избираютъ, юнии же старцовъ да почитаютъ, и сами едины безъ искуснѣйшихъ старцовъ всякаго земского правленія да не самочинствуютъ Красота убо граду старые мужи и честна дума старыми и бѣлыми сединами сущихъ". (Ник., V, 1409, стр. 29).

Рядомъ съ такими принципіальными воззрѣніями лѣтописца о необходимости и обязательности для князя совѣщаній съ боярами встрѣчается иногда отрицательное отношеніе лѣтописца къ дѣйствіямъ князя, предпринятымъ по совѣту бояръ, встрѣчаются также въ лѣтописи неоднократныя указанія на борьбу народа съ боярами.

Такъ, лѣтописецъ въ черныхъ краскахъ описываетъ княженіе Ростиславичей въ Ростовской землѣ:

> А сама князя млада суща, слушаста бояръ, а боярѣ учахуть на многое имание (Ипат., 1175, стр. 406).

Новгородскія лѣтописи изобилуютъ разсказами о возстаніяхъ „черни на бояръ" въ Новгородѣ. Подобныя возстанія случались и въ другихъ земляхъ. Въ 1113 году Кіевляне разграбили дворъ тысяцкаго Путши и угрожали пойти на сотскихъ, жидовъ, бояръ и монастыри; въ 1146 году Кіевляне разграбили боярскіе дома и села; въ 1304 году „бысть вѣче на Костромѣ на бояръ"; въ 1341 году въ Торжкѣ „въсташа чернь на бояръ"; въ 1401 году „Смолняне бояръ своихъ избиша"... и т. п.*)

Подобнаго рода свидѣтельства лѣтописи отнюдь не противорѣчатъ принципіальнымъ воззрѣніямъ о необходимости боярской думы, какъ органа верховной власти, и объ обязательности для князя совѣщаться съ боярами. Отрицательное отношеніе лѣтописца къ дѣятельности боярской думы высказывается въ исключительныхъ случаяхъ. Бываютъ случаи, когда боярская дума оказывается не на высотѣ своего призванія, когда члены ея, бояре, являются „льстецами", „злыми совѣтниками", которые „на зло князя водятъ", „шепчутъ въ ухо князю льстивыя слова", которые „не хотятъ добра своимъ государямъ и всему христіанству". Такъ, въ 1085 году „Ярополкъ хотяше ити на Всеволода, послушавъ злыхъ съвѣтникъ", въ 1096 году Святополкъ и Владиміръ

---

*) Ипат., 1113, стр. 198, 1146, стр. 233; см. тамъ же стр. 338, 339, 350, 402, 410; Воскр., 1304, стр. 184; Новг. I, 1341, стр. 80, 1401, стр. 102.

приглашали Олега въ Кіевъ для того, чтобы „положить порядъ“ о Русской землѣ, но Олегъ отказался явиться въ Кіевъ „послушавъ злыхъ совѣтникъ“; въ 1229 году князь Ярославъ Всеволодичъ старался поссорить брата своего Юрія съ племянниками „слушая нѣкыихъ льсти“ (въ другомъ спискѣ „послуша злыхъ своихъ совѣтниковъ“); въ 1445 году князь Дмитрій Шемяка и князь Иванъ Можайскій вступили въ борьбу съ великимъ княземъ Московскимъ Васильемъ Васильевичемъ, „сдумавши съ своими злыми совѣтники, иже тогда быша у нихъ Костянтиновичи и прочіи бояре ихъ, не хотяще добра своимъ государемъ и всему хрестьяньству“ и т. п. *).

Такіе случаи вызываютъ недовольство въ обществѣ; представителемъ общественнаго мнѣнія является лѣтописецъ. Недовольство вызывается отдѣльными случаями и не обозначаетъ протеста противъ боярской думы, какъ учрежденія.

Бываютъ также случаи, когда бояре, по выраженію лѣтописца, „себѣ добро чинятъ, а меньшимъ зло“, обижаютъ меньшихъ, порабощаютъ сиротъ и „насилье творятъ“ **). Подобными отдѣльными проявленіями несправедливости со стороны бояръ вызывается борьба народа съ боярами, которая не обозначаетъ протеста противъ бояръ вообще, подобно тому какъ борьба съ княземъ не обозначаетъ протеста противъ института княжеской власти. „Постоянная борьба всѣхъ земель противъ своихъ князей, говоритъ проф. Владимирскій-Будановъ, означаетъ не борьбу противъ княжеской власти, а стремленіе отыскать наилучшаго князя“ ***). Такое же значеніе имѣетъ и борьба народа съ боярами. „Народъ озлоблялся противъ бояръ, но никто не думалъ, чтобы можно было не быть боярамъ. Нехороши бояре; надѣются —другіе будутъ лучше“ †). Вотъ вѣрная характеристика отношеній простого народа къ боярамъ въ древней Россіи.

По юридическимъ воззрѣніямъ нашихъ предковъ, бояре составляютъ необходимый классъ общества, и боярская дума составляетъ необходимый органъ верховной власти. Въ лѣтописи встрѣчаемъ „старѣйшинъ и старцевъ Казарскихъ“ „старцевъ Фараона“,

*) Нач. 1085, стр. 88, 1095, стр. 98; Лавр., 1229, стр. 192; Ник., II, 1229, стр 362; Соф. II, 1445 стр. 172 и др.

**) Лавр., 1212, стр. 185; Новг. I, 1259, стр. 57 и др.

***) Обзоръ, стр. 45. См. также „Вѣче и князь“ Сергѣевича, стр. 113.

†) Костомаровъ, Сѣвернорус. народопр., II, стр. 99.

„бояръ Болгарскихъ", „лучшихъ бояръ Византійскихъ", „бояръ и сановниковъ Византійскихъ", „мужей и воеводъ Угорскихъ", „лѣпшихъ мужей въ черныхъ Клобуцѣхъ", „бояръ земскихъ Чудскихъ" и др. Вмѣстѣ съ этимъ встрѣчаемъ совѣтъ князя Казарскаго со старцами, совѣтъ Фараона со своими старцами, совѣтъ Византійскаго царя съ боярами, совѣтъ короля Угорскаго съ „мужами своими" и т. д. *). Можно предполагать, что лѣтописецъ въ нѣкотрыхъ случаяхъ описываетъ государственный строй другихъ народовъ на основаніи какихъ нибудь имѣющихся у него свѣдѣній; но въ нѣкоторыхъ случаяхъ, вѣроятно, лѣтописецъ пользуется аналогіей русскаго обычнаго права, усматривая въ жизни всѣхъ другихъ народовъ знакомыя ему черты русской государственной жизни.

Эти знакомыя черты русской государственной жизни воспроизводитъ лѣтописецъ и въ вымышленныхъ разсказахъ. Таковъ, напримѣръ, разсказъ о походѣ Владимира Мономаха на Византію:

> Нача Владимеръ совѣтовати съ бояры своими, хотя ити на Царьградъ; отвѣщаша ему бояре его: „сердце царево въ Божіей руцѣ, а мы есмя во твоей руцѣ". И князь великій совокупивъ войско, отпуща воеводъ своихъ на Ѳракію Царяграда. (Воскр., 1113, стр. 23) **).

Одно изъ произведеній Кирилла, епископа Туровскаго („Повѣсть къ Василью, игумену Печерскому") начинается слѣдующими словами: „Нѣ въ коемъ градѣ бѣаше Царь... имѣаше при собѣ Царь тъй многи съвѣтники" ***). Вотъ формула, выражающая взгляды нашихъ предковъ на организацію верховной власти: при царѣ должны быть совѣтники. Такими совѣтниками должны быть лучшіе люди земли, старѣйшины, бояре.

По юридическимъ воззрѣніямъ самихъ князей, совѣтъ съ боярами является нормальнымъ порядкомъ.

Въ „Поученіи" Владимира Мономаха указано слѣдующее распредѣленіе занятій для князя:

> заутреннюю отдавше Богови хвалу... сѣдше думати съ дружиною или люди оправливати...

Въ другомъ мѣстѣ того же „Поученія" сказано:

> при старыхъ молчати, премудрыхъ слушати, старѣйшимъ покарятися... старыя чти, яко отца. (Лавр., стр. 101—103).

*) Нач., стр. 7, 8, 19, 20, 30; Ипат., стр. 282, 310, 311, 451, 453; Новг. I, стр. 82.

**) См. также Никон. и Густ. лѣт. подъ 1113 годомъ и Древнюю Россійскую Вивліоѳику, VII часть, № 1.

***) Памятники..., изд. Калайдовичемъ, стр. 117.

Подобно Владиміру Мономаху, князь Константинъ Всеволодовичъ такъ поучаетъ своихъ сыновей, отправляющихъ княжить въ Ростовѣ и Ярославлѣ:

„имѣйта послушаніе къ старѣйшимъ ваю, иже васъ на добро учать". (Лавр., 1218, стр. 187).

Позже (въ половинѣ XIV в.) князь Семенъ Ивановичъ въ духовной грамотѣ даетъ такой завѣтъ своимъ дѣтямъ:

„слушали бы есте отца нашего Владыки Олексѣя, такоже старыхъ бояръ, хто хотѣлъ Отцю нашому добра и намъ". (Собр. Гос. Гр. и Дог., I, № 24).

Подобное же наставленіе своимъ дѣтямъ даетъ и князь Дмитрій Ивановичъ:

„бояре своя любите, честь имъ достойную воздавайте противу служенію ихъ, безъ воли ихъ ничтоже не творите". (П. С. Р. Л., VI, стр. 107).

Наконецъ, по юридическимъ воззрѣніямъ бояръ, имъ принадлежитъ право давать совѣты, и князь обязанъ совѣщаться съ ними.

Выше приведенъ былъ случай, когда бояре прямо указали на нарушеніе княземъ этого принадлежащаго имъ права. „О собѣ еси, княже, замыслилъ; а не ѣдемъ по тобѣ; мы того не вѣдали", сказали бояре князю, задумавшему важное предпріятіе безъ ихъ вѣдома и совѣта.

Въ лѣтописи разсказанъ и другой подобный же случай, гдѣ бояре прямо указываютъ на обязанность князя совѣщаться съ ними въ важнѣйшихъ случаяхъ. Двое бояръ—Петръ и Несторъ Бориславичи, по злобѣ на Кіевскаго князя Мстислава, оклеветали его передъ княземъ Давыдомъ; они сказали Давыду, что Мстиславъ намѣренъ коварнымъ образомъ схватить его и князя Рюрика и лишить ихъ свободы. Когда послѣ этого Мстиславъ пригласилъ Давыда и Рюрика къ себѣ на обѣдъ, то послѣдніе приглашенія не приняли и сказали:

„оже к нама хрестъ цѣлуеши, ако ти на наю лиха не замыслити, а вѣ всяко поѣдевѣ к тобѣ".

Оскорбленный незаслуженнымъ подозрѣніемъ Мстиславъ сообщилъ объ этомъ своимъ боярамъ („дружинѣ"). Бояре сказали слѣдующее:

„Княже! не лапь ти велита брата крестъ цѣловати: цѣ да будуть злии человѣци, завидяче твоей любви, юже къ братьѣ имѣеши, вложили будуть зло слово?... а ты всякъ правъ предъ Богомъ и прѣдъ человѣкы; тобѣ без насъ того нѣлзѣ было замыслити, ни створити, а мы вси вѣдаемъ твою истиньную любовь къ всѣй братьѣ"... (Ипат., 1170, стр. 370—371).

Приведенные два случая относятся къ XII вѣку. Выразившееся въ этихъ случаяхъ юридическое воззрѣніе живетъ въ сознаніи бояръ и въ послѣдующее время.

Въ московскую эпоху обязательность для князя совѣщаній съ боярами считается „старымъ обычаемъ". Отказъ князя совѣщаться съ боярами вызываетъ со стороны послѣднихъ протесты, какъ дѣйствіе неправомѣрное. Такіе протесты вызываетъ дѣятельность Василія III, который „встрѣчи противъ себя не любилъ" и совѣтовался только со своими любимцами.

Одинъ изъ бояръ Иванъ Берсень-Беклемишевъ въ бесѣдѣ съ Максимомъ Грекомъ подвергаетъ осужденію эти новшества великаго князя.

„А и мы слыхали у разумныхъ людей: которая земля переставливаетъ обычьи свои, и та земля недолго стоитъ; а здѣсь у насъ старые обычьи Князь Велики перемѣнилъ... лутче старыхъ обычаевъ держатися, и людей жаловати, и старыхъ почитати; а нынѣ деи Государь нашъ запершыся самъ третей у постели всякіе дѣла дѣлаетъ". (А. А. Э., I, № 172).

Еще болѣе рѣзкому осужденію подвергается дѣятельность Ивана Грознаго со стороны князя Курбскаго. Иванъ Грозный нарушаетъ старые обычаи, онъ слѣдуетъ такому совѣту Вассіана Топоркова, бывшаго епископа Коломенскаго:

„Аще хощеши самодержцемъ быти, не держи собѣ совѣтника ни единаго мудрѣйшаго собя: понеже самъ еси всѣхъ лучше; тако будеши твердъ на царствѣ, и все имѣти будеши въ рукахъ своихъ. Аще будеши имѣть мудрѣйшихъ близу собя, по нуждѣ будеши послушенъ имъ".

Этотъ совѣтъ Курбскій называетъ „силлогизмомъ сатанинскимъ", „гласомъ воистину дьявольскимъ", „смертоноснымъ ядомъ"... По мнѣнію Курбскаго, царь долженъ слѣдовать такому правилу:

самому царю достоитъ быти яко главѣ, и любити мудрыхъ совѣтниковъ своихъ, яко свои уды.

Такого правила придерживался дѣдъ Грознаго, который ничего не начиналъ „безъ глубочайшаго и многого совѣта" и который расширилъ предѣлы государства и изгналъ царя Ордынскаго „многаго его совѣта ради съ мудрыми и мужественными сигклиты его". Священная исторія свидѣтельствуетъ, по мнѣнію Курбскаго, что „непослушаніе сигклитскаго совѣта", „гордость и совѣтъ юныхъ, а презрѣніе старѣйшихъ совѣту" приноситъ бѣдствія*).

---

*) Сказанія князя Курбскаго, изд. 2, стр. 43—46.

VI.

Составъ боярской думы.

„Гдѣ бояре думающеи, гдѣ мужи храборьствующеи, гдѣ рядъ полчный“? восклицаетъ князь Игорь Святославичъ, глядя на трупы своихъ дружинниковъ, погибшихъ въ битвѣ съ Половцами *). Отъ лѣтописнаго выраженія „бояре думающіе“ искусственно образованъ терминъ „боярская дума“ для обозначенія органа верховной власти, воплощающаго въ себѣ аристократическое начало въ государственномъ устройствѣ древней Россіи. Въ этомъ терминѣ заключается указаніе на основной составъ учрежденія (бояре) и функцію его (думать, т. е. разрѣшать важнѣйшіе вопросы верховнаго управленія землей).

Боярская дума—органъ древнерусской аристократіи, и на составѣ боярской думы отражаются измѣненія въ составѣ этой аристократіи.

До прибытія Варяжскихъ князей съ ихъ дружинами боярская дума во всѣхъ земляхъ, вѣроятно, состояла изъ земскихъ бояръ. Въ лѣтописи сохранились указанія на такой составъ думы только въ Древлянской землѣ. Этой землей, до потери ею политической самостоятельности въ концѣ первой половины X вѣка, управляли „старѣйшины града“, „лучшіе мужи“ **).

Въ Бѣлгородѣ въ самомъ концѣ X вѣка (въ 997 году) существовалъ совѣтъ старѣйшинъ градскихъ ***). Этотъ „совѣтъ старѣйшинъ“ въ пригородѣ не есть, конечно, боярская дума, какъ органъ общеземской верховной власти. Но составъ этого совѣта указываетъ на составъ думы и въ главныхъ городахъ до прибытія князей Варяговъ.

---

*) Ипат., 1185, стр. 434

**) Нач., стр. 23—25.

***) См. выше, стр. 57.

Въ X вѣкѣ при первыхъ князьяхъ Варяжскихъ боярская дума въ Кіевской землѣ состоитъ изъ бояръ княжескихъ и бояръ земскихъ. Боярской думой такого состава былъ рѣшенъ вопросъ о принятіи христіанства *). Можно предположить, что таковъ же былъ составъ боярской думы и въ другихъ земляхъ при первыхъ князьяхъ Варяжскихъ.

Послѣ сліянія бояръ земскихъ съ боярами княжескими, т. е. съ XI вѣка, и приблизительно до половины XIII вѣка составъ думы становится однороднымъ: члены думы—бояре.

Бояре въ лѣтописи называются „думающими"; терминъ „бояринъ" одного списка лѣтописи замѣняется въ другомъ спискѣ терминами—„думца", „совѣтникъ". Въ одномъ памятникѣ духовной литературы—Патерикѣ Печерскомъ—термины „бояринъ" и „совѣтникъ" употребляются, какъ синонимы; въ житіи святыхъ Ѳеодора и Василія читаемъ:

> И пакы ратникъ діаволъ въздвизаетъ боурю на прпдбныя: обрѣтаетъ нѣкоего от княжихъ съвѣтникъ люта, и свирѣпа, и неподобна нравомъ и дѣломъ и всею злобою, приходить к нему, болярину, бѣсъ въ образѣ Василевѣ—понеже знаемъ бѣ ему Василіи—и глть болярину... (Яковлевъ, Памятники.,. стр CLXX—CLXXI).

Бояре—совѣтники, „думцы". „Главная роль бояръ—думать; это ихъ право и ихъ обязанность" **). Всѣ бояре данной земли имѣютъ право давать совѣты князю, всѣ бояре имѣютъ право быть членами боярской думы. Но не всѣ бояре принимаютъ участіе въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ засѣданія боярской думы.

Засѣданія боярской думы происходили ежедневно. Князья, согласно „поученію" Владимира Монамаха, должны были ежедневно послѣ утренней молитвы „сѣдше думати съ дружиною". Въ житіи святого Ѳеодосія разсказывается о князѣ Кіевскомъ Изяславѣ: „егда же хотяше ѣхать къ блжному, тогда распустяше вся бояре въ домы своя". Въ этомъ же памятникѣ разсказывается, что преподобный Ѳеодосій, возвращаясь утромъ отъ князя, встрѣтилъ по дорогѣ бояръ, ѣдущихъ къ князю (очевидно, въ засѣданіе думы) ***).

Въ ежедневныхъ засѣданіяхъ думы не могли участвовать всѣ бояре; фактическую возможность участвовать имѣли, очевидно,

*) См. выше, стр. 52, 53, 57.

**) М. Ф. Владимирскій—Будановъ, Новыя изслѣдованія о боярской думѣ. Сборникъ Госуд. зн., VIII, стр. 111.

***) Яковлевъ, Памятники..., стр. XIV и CXI.

тѣ, которые находились при князѣ. При князѣ же обыкновенно находились старѣйшие бояре.

Старѣйшие бояре, имѣвшие званіе кормильца, воеводы, тысяцкаго стольнаго города, обыкновенно постоянно находились при князѣ, а потому и могли принимать участіе въ ежедневныхъ засѣданіяхъ боярской думы. Кромѣ этихъ лицъ, при обсужденіи важнѣйшихъ вопросовъ, касающихся земли, въ засѣданіяхъ боярской думы принимали участіе тысяцкіе и посадники важнѣйшихъ пригородовъ. Что же касается остальныхъ бояръ, то тѣ изъ нихъ, которые жили вблизи княжеской резиденціи, могли часто принимать участіе въ засѣданіяхъ думы и, наоборотъ, тѣ, которые жили въ своихъ „селахъ" вдали отъ главнаго города земли или же были посадниками въ незначительныхъ пригородахъ, могли быть лишь рѣдкими и случайными членами думы.

Составъ боярской думы въ отдѣльныхъ случаяхъ обозначается обыкновенно общимъ названіемъ: бояре, мужи, (т. е. „передніе", лучшіе мужи, бояре), дружина (т. е. старшая дружина, бояре).

Гюрги князь поваби Вячеслава на столъ Кіеву; пришедшю же ему Кыеву, боляре размолвиша Гюргя и рѣша; „брату твоему Кыева не удержати, да не будеть его тобѣ, ни тому". Гюргеви же послушавшю болярь, выведъ изъ Вышегорода сына своего Андрея и да и Вячеславу. (Лавр., 1150, стр. 141).

Слышавъ же князь Глѣбъ рѣчь князій Половецьскыхъ, всхотѣ къ нимъ ити на снемъ, и рекъ посломъ Половецьскымъ: „иду къ вамъ", и думашеть съ дружиною своею о томъ, „къ которымъ поидемъ передъ"; и сдумаша преже ити къ Переяславлю. (Лавр., 1169, стр. 153).

Рюрикъ сдума съ мужи своими, и посла посолъ къ свату своему Всеволоду Суждальскому князю, река ему... (Ипат., 1196, стр. 466).

Такое обозначеніе состава боярской думы указываетъ, что право засѣдать въ думѣ принадлежало всѣмъ боярамъ. Но иногда составъ думы обозначается болѣе опредѣленно. Эти послѣдніе случаи свидѣтельствуютъ о томъ, что постоянными членами думы были старѣйшие бояре—тысяцкіе, воеводы, посадники.

Еще въ X вѣкѣ Владимиръ Святой призывалъ на пиры и совѣты „бояры своя и посадникы и старѣйшины по всимъ градомъ" *).

При изданіи Ярославичами нѣкоторыхъ законовъ, вошедшихъ въ „Русскую Правду", въ боярской думѣ принимали участіе бо-

*) Нач., 996, стр. 54.

яре—Коснячко и Чудинъ; изъ лѣтописи извѣстно, что Коснячко былъ воеводой въ 1067 году, а Чудинъ—посадникомъ Вышгородскимъ въ 1072 году *).

Во время похода на Половцевъ въ 1093 году въ засѣданіи боярской думы участвовалъ „смысленный мужъ“ Янъ, который подъ 1089 годомъ упоминается какъ воевода и тысяцкій Кіевскій **).

На Увѣтичскомъ съѣздѣ присутствовали: Путята, тысяцкій Кіевскій, и Ратиборъ, сильный и вліятельный бояринъ, имѣвшій свою дружину, бывшій сначала посадникомъ въ Тмутаракани, а позже тысяцкимъ Кіевскимъ ***).

Уставъ Владимира Мономаха объ ограниченіи роста изданъ былъ при участіи боярской думы, состоящей изъ Ратибора, тысяцкаго Кіевскаго, Прокопія, тысяцкаго Бѣлгородскаго, Станислава, тысяцкаго Переяславльскаго, Нажира, Мирослава и Иванка Чюдиновича †).

Въ 1164 году боярская дума Черниговской земли постановила пригласить на Черниговскій столъ князя Олега Святославича; въ засѣданіи присутствовалъ Георгій тысяцкій †*).

Такимъ образомъ уже въ этомъ періодѣ de facto постоянными членами боярской думы были старѣйшіе бояре, хотя de jure всѣ бояре имѣли право засѣдать въ думѣ. Съ теченіемъ времени фактъ, постоянно повторяющійся, получаетъ юридическую санкцію: право засѣдать въ боярской думѣ, принадлежавшее всѣмъ боярамъ, дѣлается (приблизительно съ половины XIII вѣка) привилегіей „старѣйшихъ бояръ“.

Съ того же времени, съ половины XIII в., въ составъ аристократіи входитъ новый элементъ—служилые князья. До окончательнаго установленія единодержавія званіе служилаго князя считается болѣе высокимъ и почетнымъ, чѣмъ званіе боярина. Служилые князья наравнѣ со старѣйшими боярами являются членами боярской думы.

Въ памятникахъ составъ боярской думы, начиная отъ половины XIII в. и до окончательнаго образованія единодержавія Мо-

*) Христоматія по ист. рус. пр., I, стр. 30. Ср. Нач., 1067, стр. 73; 1072, стр. 78.
**) Нач., 1089, стр. 89 и 1093, стр. 94.
***) Нач., 1095, 97, 1078, 87, 1097, стр. 115 и 1100, стр. 116.
†) Христоматія по ист. рус. пр., I, стр. 57.
†*) Ипат., 1164, стр. 357.

сковскаго и Литовскаго, обозначается общими наименованіями: бояре, князья и бояре, князья и паны. Подъ боярами слѣдуетъ разумѣть „старѣйшихъ бояръ", соотвѣтствующихъ „панамъ" въ западно-русскихъ памятникахъ.

Такое обозначеніе состава боярской думы находимъ, напримѣръ, на договорѣ, заключенномъ въ 1386 году между Смоленскимъ великимъ княземъ Юріемъ Святославичемъ и великимъ княземъ Литовскимъ Ягелломъ. Грамота оканчивается слѣдующими словами:

> А то есмь учинилъ и записалъ своею доброю волею, што ми то сдержати крѣпко и до своего живота, а не изменити, и своими князми и своими бояры. Князь Федоръ Романовичь, князь Михайло Ивановичъ Вяземскій, Семенъ Непралѣй Гаврилович, Юрьи Голова, Прокофей Іванович, Глѣбъ Васильевичь, Ондрѣй Микулиничь, Борисъ Меркуревичь, Ондрей Мирославич, хрест целовали, на тож сюю грамоту дали есмы и своими печатьми завесили... (A. Sang., I, № IV).

Въ 1388 году Дмитрій-Корибутъ, князь Новгородскій и Сѣверскій, заключаетъ договоръ съ великимъ княземъ Литовскимъ Ягелломъ послѣ совѣщанія съ боярской думой („добрая рада нашихъ бояръ и всѣхъ землянъ"). Въ составъ этой думы входили князья и бояре, а именно:

> Княз Давидъ Дмитриевич, княз Русанъ Плаксич, Васили Данильевич, Федоръ Евлашкович, Хвороща ис братомъ Иваном, Григорий да Иван Несвизьскій, Хома Билюрминъ, Васко Дрюкович, Гавсъ Климянъ, Юрьи Звинкеневич, Терпъ Максакъ, Кгирдивид Бѣликъ, сынъ его Семенъ Войлович, Гриць с братом Степаном Калит, Иван Балакѣрович, Сасъ Горбачевич со всею братьею, Семен Ясманович Трубецьскій, воевода Глѣбъ Евдокимовичъ, Иван Жидовчич, Павел Петрович, Озарьич и Давидъ и Яковъ Мойшечал, Скушъ, воевода Новгродьский..." (A. Sang., I, № IX и X).

Въ „листахъ" Волынскаго великаго князя Свидригайла составъ боярской думы, или „рады", обыкновенно обозначается словами: „наши князья и наши паны" *).

Въ общественномъ мнѣніи того времени совѣтъ князя съ боярами „меньшими", „молодыми", „юными" считается явленіемъ неправомѣрнымъ **).

Имѣющіяся у насъ свѣдѣнія о фактическомъ составѣ боярской думы въ отдѣльныхъ случаяхъ свидѣтельствуютъ, что на засѣданіяхъ думы уже не было мѣста „меньшимъ" боярамъ.

---

*) A. Sang., I, № XLIV, XLVII—XLIX и др.

**) См. выше, стр. 87.

Въ 1284 г. Смоленскій князь Θеодоръ вмѣстѣ съ боярской думой судилъ Биреля съ Армоновичемъ; на судѣ были бояре:

> Григорь намѣстникъ, Данило, Артѣмии, Микула дядковичь, Лука околничіи, Путята дядковичь.... Моисѣи, княжь печатникъ Федоровъ, печаталъ... А Федорко писець кнжь псалъ. (Русско-Ливонскіе акты, № XXXVII).

Въ томъ же 1284 году торговый договоръ съ Ригою былъ подтвержденъ отъ имени того же Смоленскаго князя Θеодора и боярской думы, въ составъ которой входили: князь Андрей Михайловичъ (племянникъ князя Θеодора), намѣстникъ Артемій, дядько Остафій, Микула дядьковичъ, намѣстникъ владыки Лаврентій, Мирославъ, Олекса Черный, „таможникъ ветхій“ Терентій и попъ Андрей *).

Договоръ, заключенный въ 1341 году между великимъ княземъ Московскимъ Семеномъ Ивановичемъ и его родными братьями, подписанъ членами боярской думы, а именно: Петромъ, архимандритомъ Московскимъ, Филимономъ, архимандритомъ Переяславскимъ, Василіемъ... тысяцкимъ, Михаиломъ Александровичемъ... Васильевичемъ, Василіемъ Окатьевичемъ, Онаньей окольничимъ... Иваномъ Михайловичемъ **).

Въ первой половинѣ XIV вѣка князь Юрій (Волынскій) заключилъ договоръ съ магистромъ Нѣмецкаго ордена отъ своего имени и отъ имени своихъ „любезныхъ и вѣрныхъ бароновъ и соратниковъ“, т. е. отъ имени своей думы; членами думы являются слѣдующія лица: дядько княжескій Димитрій, воевода Белзскій Михаилъ Елеазаровичъ, дворскій Василько Кудриновичъ, воевода Перемышльскій Григорій Коссаковичъ, воевода Львовскій Борисъ Кракула, воевода Лукцій Θеодоръ Отекъ и Ходко Еромировичъ ***).

На договорѣ между Волынскимъ великимъ княземъ Дмитріемъ и великимъ княземъ Ягелломъ, заключенномъ въ 1366 году, упоминаются слѣдующія члены боярской думы:

> Владыка Лучьскый Арсеній, князь Данилий, Васко Кирдѣевичъ, Иванъ воевода Лучьскый, Иванъ Мьстишиньский“ †).

*) Собр. Гос. Гр. и Дог., I, № 3.
**) Тамъ же, № 23.
***) Карамзинъ, Исторія госуд. рос., къ т. IV примѣч. 276.
†) Arch. Sang., I, № 1.

Во второй половинѣ XIV в. Рязанскій князь Олегъ, по совѣщаніи со своей думой, выдаетъ жалованную грамоту монастырю; грамота начинается слѣдующими словами:

Милосердьемъ Божьимъ и молитвою Святое Богородици, и молитвою отца своего князя Великаго Ивана Олександровича, и благословеньемъ Епископа Рязаньского и Муромского Василья, язъ князь великій Олегъ Ивановичь, сгадавъ есмь съ своимь отцемь съ Владыкою съ Васильемъ и съ своими бояры (а бояре со мною были: Софоний Алтыкулачевичъ, Семенъ Федоровичь, Микита Анъдрѣевичь, Тимошь Олександровичь, Манасѣя дядько, Юрьи околничий, Юрьи чашьникъ, Семенъ Микитьичь съ братьею, Павелъ Соробичь), далъ есмь... (А. И., I, № 2).

Въ одной грамотѣ, относящейся ко второй половинѣ XIV вѣка, составъ боярской думы Нижегородскаго княжества опредѣляется слѣдующимъ образомъ:

Князь великій Дмитрій Константиновичъ... велѣлъ садитись отъ своего мѣста тысяцкому своему Дмитрію Алибуртовичу *) князю Волынскому, а подъ Дмитріемъ садиться князю Ивану Васильевичу Городецкому, да противъ его въ скамьѣ садиться Дмитрію Ивановичу Лобанову, да въ лавкѣ же подъ княземъ Иваномъ князю Ѳеодору Польскому Андреевичу; да садитись боярину его Василью Петровичу Новосильцёву, да противъ въ скамьѣ садитись казначею боярину Тарасію Петровичу Новосильцеву... Да садитись боярину князю Петру Ивановичу Березопольскому, да садитись въ лавкѣ князю Дмитрію Ѳедоровичу Курмышскому. (Соловьевъ, Исторія Россіи... I, стр. 1176. См. Ключевскій, Боярская дума, стр. 539—541).

Приведемъ еще перечень боярской думы („рады“) Волынской земли въ серединѣ XV вѣка. Одинъ изъ „листовъ“ великаго князя Свидригайла оканчивается слѣдующими словами:

А при томъ были светки наша вѣрная рада: князь Михайло Васильевичь, а князь Михайло Костяньтиновичь, а князь Олександро Сенькутьковичь, а князь Иванъ Четвертеньский, а панъ Козаринъ Рязановичь, а панъ Немиря староста Лоуцкий, а панъ Семашко Михайловичь, а панъ Юшко Войдатовичь ключникъ Лоуцкий, а иныхъ много добрых при томъ было. (A. Sang., I, № XLIX).

Изъ этихъ списковъ видно, что въ составъ боярской думы въ данномъ періодѣ входятъ прежде всего служилые князья. Нѣкоторые изъ нихъ, наравнѣ съ боярами, занимаютъ должности. Но многіе должностей не занимаютъ и являются членами думы по своему званію.

---

*) Любартовичу, сыну Любарта Гедиминовича.

Затѣмъ, въ составъ думы входятъ бояре, занимающіе важнѣйшія должности по дворцовому управленію (дядьки, дворскіе, окольничіе, чашники, маршалки) и по управленію мѣстному (тысяцкіе, намѣстники, воеводы, старосты, ключникъ). Бояре, занимающіе важнѣйшія должности по дворцовому управленію, могли быть постоянными членами думы вслѣдствіе своей близости къ князю. Бояре—мѣстные правители, по условіямъ своей службы, не могли быть постоянными членами думы, но могли считаться непремѣнными ея членами при обсужденіи важнѣйшихъ земскихъ вопросовъ, какъ лица знакомыя съ потребностями мѣстной жизни. И тѣ и другіе принадлежали къ старѣйшимъ боярамъ.

Въ спискѣ членовъ боярской думы Смоленской земли упоминается „таможникъ ветхій". По толкованію проф. Ключевскаго, „таможникъ ветхій, вѣроятно, былъ главный таможникъ, староста таможенный" *). Мы считаемъ болѣе правильнымъ толкованіе проф. Голубовскаго: таможникъ ветхій—таможникъ „старый, отслужившій свой срокъ" **). Лица, занимавшія одну изъ значительныхъ должностей и отслужившія срокъ службы, какъ люди свѣдующіе, опытные и при томъ принадлежащіе къ старѣйшимъ боярамъ, могли считаться непремѣнными членами боярской думы. Старые посадники и старые тысяцкіе обыкновенно входили въ составъ боярской думы въ Новгородѣ.

Въ томъ же спискѣ членовъ боярской думы Смоленской земли встрѣчаемъ „дядьковичей". Дядьковичъ—сынъ дядьки, лѣтописнаго кормильца. Дядьковичи, даже не занимающіе и не занимавшіе никакихъ должностей, засѣдаютъ въ боярской думѣ, ибо относятся къ старѣйшимъ боярамъ подобно тому, какъ сыновья посадниковъ, тысяцкихъ, намѣстниковъ обыкновенно именуются „лучшими боярами".

Наконецъ, въ спискахъ членовъ боярской думы встрѣчаются лица, названныя только по именамъ. Безспорно эти лица относятся къ разряду „старѣйшихъ бояръ"; это видно между прочимъ изъ того, что они иногда въ спискахъ стоятъ выше лицъ, занимающихъ важнѣйшія должности.

Послѣ принятія христіанства рядомъ съ боярами, а позже рядомъ съ князьями и боярами, членами думы являются иногда

*) Боярская дума, стр. 58, примѣч.
**) Ист. Смол. земли, стр. 225.

представители духовенства. Начиная съ конца X в., въ памятникахъ встрѣчаемъ цѣлый рядъ свидѣтельствъ о засѣданіяхъ боярской думы съ участіемъ духовенства.

Подъ 996 годомъ лѣтописецъ разсказываетъ, что Владиміръ Святой, по совѣту епископовъ, отмѣнилъ виры за разбой. Затѣмъ, виры снова были возстановлены по постановленію князя и боярской думы, въ составъ которой входили свѣтскіе и духовные члены.

Рѣша епископи и старци: „рать многа; оже вира, то на оружьи и на конихъ буди". И рече Володимеръ: „тако буди". (Нач., 996, стр. 54).

Въ 1159 году состоялось постановленіе князя и боярской думы о погребеніи тѣла усопшаго митрополита по христіанскому обряду, вопреки его личной предсмертной волѣ; въ составѣ думы находился епископъ („Святославъ князь сдумавъ съ мужи своими и съ епископомъ"*).

Выше указанъ случай заключенія въ XIII в. международнаго договора боярской думой Смоленской земли; членомъ думы является „попъ Андрей".

При заключеніи въ 1341 году договорной грамоты вел. князя Семена Ивановича съ братьями въ числѣ членовъ боярской думы были—архимандритъ Московскій и архимандритъ Переяславльскій**).

Въ думѣ Волынскаго князя Димитрія (въ 1366 году) первое мѣсто занимаетъ владыка Луцкій Арсеній ***). Въ думѣ Волынскаго великаго князя Свидригайла (въ 1446 году) первое мѣсто занимаетъ владыка Луцкій Θеодосій †).

Наконецъ, въ составъ боярской думы иногда входили члены правящаго княжескаго дома.

Церковный уставъ князя Всеволода изданъ былъ по совѣту владыки, княгини и бояръ †*).

Въ 1154 году Черниговскій князь Изяславъ Давыдовичъ не былъ допущенъ въ Кіевъ по постановленію боярской думы, въ составъ которой входилъ, кромѣ „мужей" и князя Вячеслава,

*) Лавр., 1159, стр. 149.
**) См. выше, стр. 98.
***) См. выше, стр 98.
†) A. Sang., I, № XLIV
†*) Христоматія по ист. рус. пр., I, стр. 243.

соправителя покойнаго Кіевскаго князя Изяслава Мстиславича, и сынъ послѣдняго Мстиславъ *).

Въ 1164 году, по смерти Черниговскаго князя Святослава Ольговича, боярская дума постановила пригласить на Черниговскій столъ сына его Олега. Въ засѣданіи думы участвовала вдова покойнаго князя **).

Въ 1319 году ханъ потребовалъ, чтобы великій князь Тверской Михаилъ Ярославичъ явился въ Орду. Въ засѣданіи боярской думы Тверского княжества обсуждался вопросъ о томъ, ѣхать великому князю въ Орду или послать кого нибудь изъ сыновей? Въ этомъ засѣданіи боярской думы принимали участіе сыновья великаго князя.

> Думаше же бояре его ркуще: „се сынъ твой въ ордѣ, а еще другаго посли"; такоже и сынове его глаголаста ему: „господине, драгій отче! не ѣзди въ Орду самъ, наю которого посли". (Воскр, 1319, стр. 191).

Въ засѣданіи Московской боярской думы, на которомъ обсуждался вопросъ о женитьбѣ великаго князя Іоанна III на Софьѣ Палеологъ, участвовала мать великаго князя ***).

Въ засѣданіи Московской же боярской думы, на которомъ рѣшенъ былъ походъ на Новгородъ, принимали участіе братья великаго князя †).

---

*) Ипат., стр. 323.

**) Ипат., стр. 357.

***) Воскр., 1469, стр. 154.

†) Воскр., 1471, стр. 161. См. также Ник., IV, 1377, стр. 58; Воскр., 1473, стр. 175; А. И., I, № 41 и др.

VII.

Предметы вѣдомства боярской думы.

Боярская дума—органъ верховной власти наравнѣ съ княземъ и вѣчемъ. Боярской думѣ принадлежитъ право обсуждать всѣ вопросы верховнаго управленія. Въ дѣйствительности боярская дума не осуществляетъ этого права въ полномъ объемѣ. Обсужденіе и разрѣшеніе того или иного вопроса верховнаго управленія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ тѣмъ или другимъ органомъ верховной власти (княземъ, княземъ и боярской думой, вѣчемъ съ участіемъ или безъ участія князя и бояръ) опредѣляется конкретными условіями даннаго случая.

Для выясненія дѣйствительнаго участія боярской думы въ верховномъ управленіи необходимо разсмотрѣть отдѣльныя отрасли этого управленія въ древнерусскомъ государствѣ.

1. Церковное управленіе.

Въ эпоху языческую религіозная власть, очевидно, принадлежала князю. Однако вопросы религіозные могли рѣшаться и на народныхъ собраніяхъ, какъ это видно изъ разсказа лѣтописи о принесеніи жертвы богамъ послѣ побѣды надъ Ятвягами въ 983 г. *).

Христіанство распространяется сверху, сначала среди князей и бояръ; народная масса еще не подготовлена была къ принятію христіанства. Въ разрѣшеніи вопроса о принятіи христіанства главную роль играютъ князь и бояре. Вопросъ объ испытаніи вѣры рѣшенъ былъ на народномъ собраніи, при чемъ простой народъ, по свидѣтельству лѣтописца, лишь согласился съ предло-

---

*) См. выше, стр 52.

женіемъ бояръ. Вопросъ же о принятіи христіанства рѣшенъ былъ княземъ и боярской думой безъ всякаго участія простого народа *).

Религіозная власть остается у князя и послѣ принятія христіанства. Нѣкоторыя дѣйствія, относящіяся къ области церковнаго управленія, являются, по буквальному смыслу лѣтописныхъ разсказовъ, актами личной воли князя.

Въ лѣто 6497. Володимеръ... помысли создати церковь пресвятыя Богородица... украси ю икономи, и поручи ю Настасу Корсунянину, и попы Корсуньскыя пристави служити въ ней, вдавъ ту все еже бѣ взялъ въ Корсуни, иконы, и съсуды, и кресты. (Нач., 989, стр. 52).

Въ лѣто 6504. Володимеръ видѣвъ церковь свершену, вшедъ въ ню и помолися Богу.... И помолившюся ему, рекъ сице: „даю церкви сей святѣй Богородици отъ имѣнья моего и отъ градъ моихъ десятую часть". И положи написавъ клятву въ церкви сей, рекъ: „аще кто сего посудить, да будеть проклятъ". И вдасть десятину Настасу Корсунянину и створи праздникъ великъ въ тъ день боляромъ и старцемъ людьскымъ... (Нач., 996, стр. 53).

Въ лѣто 6545. Заложи Ярославъ городъ великый Кыевъ, у него же града суть Златая врата; заложи же и церковь святыя Софья, митрополью и посемъ церковь на Золотыхъ воротѣхъ святое Богородицѣ Благовѣщенье, посемъ святаго Георгія монастырь и святыя Ирины... и собра письцѣ многы, и прекладаше отъ Грекъ на Словѣньское писмо, и списаша книгы многы... положи въ церкви святой Софьи, юже созда самъ; украси ю златомъ и сребромъ и съсуды церковными ...И ины церкви ставляше по градомъ и по мѣстомъ, поставляя попы и дая имъ отъ имѣнья своего урокъ... (Нач., 1037, стр. 65—66).

„Въ лѣто 6676... запретилъ бѣ Поликарпа игумена Печерьского про Господьскыѣ праздникы, не веля ему ѣсти масла, ни молока, въ въ среды и въ пяткы въ Господьскыѣ праздникы. помогашеть же ему и Черниговьскый епископъ Антоній, и князю Черниговьскому многажды браняшеть ѣсти мясъ въ Господьскыѣ праздникы; князю же Святославу и не хотящю ему изверже и изъ епископьи". (Лавр., 1168, стр. 151).

Съ другой стороны, памятники свидѣтельствуютъ, что послѣ принятія христіанства появились спеціальные органы церковнаго управленія въ лицѣ духовенства и что важнѣйшіе вопросы управленія христіанскою церковью разрѣшались княземъ по совѣщанію съ высшимъ представителемъ церкви—митрополитомъ или съ соборомъ духовенства.

---

*) См. выше, стр. 52—53.

По свидѣтельству лѣтописца, непосредственно послѣ принятія христіанства

пресвященныі Митрополитъ Михаилъ Киевскиі и всеа Русиі совеща ссыномъ своимъ, сокняземъ Володимеромъ, како наипаче утвердити православную вѣру. (Ник., I, 989, стр. 94).

Одинъ изъ первыхъ митрополитовъ Кіевскихъ Иларіонъ, свидѣтельствуетъ, что Владиміръ Святой

съ новыми отцы нашими епископы снимаяся часто, съ многимъ смиреніемъ свѣщавашеся, како въ человѣцѣхъ сихъ, новопознавшихъ Господа, законъ уставити.

Лѣтопись свидѣтельствуетъ объ избраніи высшихъ духовныхъ лицъ церковными соборами при участіи князя.

Въ лѣто 6559. Постави Ярославъ Ларіона митрополитомъ Русина въ святѣй Софьи, собравъ епископы. (Нач., 1051, стр. 67).

Въ лѣто 6655. Изяславъ постави митрополита Клима, калугера, Русина особь съ шестью епископы. (Лавр., 1147, стр. 137).

Церковные законы издаются по совѣту съ духовенствомъ. Такъ, церковный уставъ князя Ярослава Владимировича начинается слѣдующими словами:

Се язъ Князь Великій Ярославъ, сынъ Володимерь, по данью отца своего сгадалъ есми съ митрополитомъ съ Ларіономъ... (Христоматія по ист. рус. пр., I, стр. 233).

„Свитокъ Ярослава“ данъ по совѣту митрополита и епископовъ.

Се азъ князь Ярославъ, нареченный во святомъ крещеніи Георгій Владимеровичъ, съ совѣтомъ преосвещеннаго митрополита Кіевского Иларіона и всѣхъ боголюбивыхъ епископовъ Русійскихъ княженія нашего, судихъ написати сія Номоканоны и свитокъ". (А. З. Р., I, № 166).

Выше приведенъ лѣтописный разсказъ о низложеніи епископа собственной властью князя. Въ другомъ лѣтописномъ разсказѣ низложеніе епископа является результатомъ соглашенія князя съ митрополитомъ. Владимирскій епископъ Өеодоръ

не всхотѣ послушати христолюбиваго князя Андрѣя, веляща ему ити ставиться къ митрополиту къ Кыеву, и не всхотѣ... изверже его изъ землѣ Ростовьскы... Посла же его Андрѣй митрополиту въ Кыевъ, митрополитъ же Костянтинъ повелѣ ему языкъ урѣзати, яко злодѣю и еретику, и руку правую утяти, и очи ему выняти... (Лавр., 1169, стр. 152).

Въ памятникахъ позднѣйшей эпохи находимъ указанія на то, что важнѣйшіе вопросы церковнаго управленія разрѣшаются соборами обыкновенно при участіи князя.

Въ 1461 году соборомъ архіепископовъ и епископовъ архимандритъ Геннадій избранъ былъ и поставленъ епископомъ Тверскимъ *).

Въ томъ же 1461 г. митрополитъ Іона, чувствуя приближеніе смерти, „обговоривъ съ сыномъ своимъ великимъ княземъ Васильемъ Васильевичемъ" и съ епископами „избралъ и благословилъ на свое мѣсто Θеодосія, архіепископа Ростовскаго" **).

Въ 1463 году Псковичи обращались къ великому князю Московскому съ просьбой, чтобы онъ „велѣлъ своему отцу богомолцу митрополиту Θеодосію поставити владыку во Псковъ". Великій князь Московскій отвѣтилъ:

„то есть дѣло велико, хотимъ о томъ съ своимъ отцемъ горазно мыслити; и отецъ нашъ пошлетъ по наши богомолци, а по свои дѣти по архіепископы и по епископы, и будетъ ли подобно тому быти, а ваши послы у насъ честные люди будутъ, и мы вамъ откажемъ какъ будетъ пригоже. (Псков. I, 1464, стр. 227).

Начиная съ XII в. въ памятникахъ встрѣчаются указанія на участіе боярской думы и вѣча въ разрѣшеніи важнѣйшихъ вопросовъ церковнаго управленія.

Подъ 1159 годомъ лѣтописецъ разсказываетъ о томъ, какъ князь, по совѣту съ боярской думой, рѣшилъ нарушить завѣщаніе покойнаго митрополита.

Преставися митрополитъ Кыевьскый Костянтинъ Черниговѣ; бѣ бо въ то время выбѣглъ изъ Кыева Мстислава Изяславича. бысть же и смерть его сица: яко умираючи ему, призва къ собѣ епископа Черниговьского Антонья, заклятъ и, глаголя сице: „яко по умертвіи моемъ не погребешь тѣла моего, но ужемъ поверзше за нозѣ мои, извлечѣте мя изъ града, и поверзѣте мя псомъ на расхытанье"; по умертвіи же его епископъ то все створи повелѣная ему имъ, народи же вси дивишася о смерти его. наутріи же день Святославъ князь, сдумавъ съ мужи своими и съ епископомъ, вземше тѣло его, и похорониша въ церкви у святаго Спаса Черниговѣ". (Лавр., 1150, стр. 149).

Въ засѣданіи боярской думы въ 1160 году обсуждался вопросъ объ открытіи самостоятельной митрополичьей каѳедры во Владимирѣ.

Князь Андрѣй Юрьевъ сынъ Долгорукого Ростовскиі и Суждальскиі глагола княземъ и бояромъ своимъ сице: градъ сей Владимеръ во имя свое созда святый и блаженный и великиі князь Владимеръ, просве-

*) А. И., I, № 68.
**) Тамъ же, № 69.

тивый всю Рускую землю святымъ крещениемъ, нынеже азъ грѣшный и недостойный божиею благодатию и помощию пречистыя Богородицы разширихъ и вознесохъ его, но и паче и церковъ внемъ создахъ во имя пречистыя Богородицы святаго и славнаго ея успения, и украсихъ и, удоволихъ имѣниемъ и богатствомъ и властми и селы, и вгородѣхъ десятыя недѣли, и вжитехъ и вскотахъ, и во всемъ десятое дахъ Господу Богу и пречистей Богородице; хощу бо сей градъ обновити митрополиею. да будетъ градъ сей великое княжение и глава всѣмъ. И сице возлюбиша князи и бояре его вси тако быти. И посла в Костянтинъ градъ к Патриарху посла своего Якова Станиславича, да благословитъ градъ Владимеръ митрополиею, и да поставитъ внего Митрополита. (Никон., 1160, I, стр. 179).

Церковный уставъ князя Всеволода данъ по совѣщанію съ боярской думой, въ составъ которой входилъ владыка.

Съзвалъ есмь десять сочкихъ и старосту Болеслава, и бирица Мирошку, и старосту Иваньковскаго Васяту, и погадалъ есмь съ владыкою и съ своею княгинею и съ своими боляры и съ десятью сотчкыми и съ старостами; далъ есмь судъ и мирила..." (Христоматія по ист. рус. пр., I, стр. 243).

Церковный уставъ Смоленскаго князя Ростислава Мстиславича данъ на вѣчѣ. Этотъ уставъ начинается слѣдующими словами:

Во имя Отца и Сына и святаго Духа. Богъ и святая Богородица и отца моего молитва, приведохъ епископа Смоленску, сдумавъ съ людми своими...

На участіе вѣча въ области церковнаго законодательства указываетъ и конецъ этого устава.

Да сего не посуживай никтоже по моихъ днехъ, ни князь, ни людіе... (Христоматія по ист. рус. пр., I, стр. 257, 262).

Въ концѣ XII в. вѣче принимаетъ участіе въ избраніи епископовъ.

Въ лѣто 6691... Преставившюся Леону Ростовьскому епископу, и поставленъ бысть Никола Гречинъ епископомъ. Всеволодъ же Гюргевичъ, князь Суждальскій, не прия его, но посла Киеву ко Святославу ко Всеволодичю и къ митрополиту Никифору, рекъ: „не избраша сего людье землѣ нашѣѣ, но же еси поставилъ, ино камо тобѣ годно, тамо же и держи"... (Ипат., 1183, стр. 425).

Въ Лаврентьевской лѣтописи въ разсказѣ объ этомъ случаѣ приведено воззрѣніе тогдашняго общественнаго мнѣнія по данному вопросу:

нѣсть бо достойно наскакати на святительскый чинъ на мьздѣ, но его же Богъ позоветь и святая Богородиця, князь въсхочеть и людье. (Лавр., 1185, стр. 165).

Свидѣтельства памятниковъ разнорѣчивы. Однако возможно примирить эти разнорѣчія. Непосредственно послѣ принятія христіанства, въ X в. и въ началѣ XI, важнѣйшіе вопросы церковнаго управленія разрѣшаются княземъ; обычными совѣтниками князя являются митрополитъ и епископы. Со второй половины XI в. начинаютъ созываться церковные соборы*). Князь присутствуетъ на соборѣ и принимаетъ участіе въ его дѣятельности. По мѣрѣ того какъ христіанское ученіе дѣлаетъ успѣхи въ русскомъ обществѣ въ обсужденіи важнѣйшихъ вопросовъ, касающихся христіанской церкви, принимаютъ участіе вѣче и боярская дума совмѣстно съ соборомъ духовенства. Участіе вѣча и боярской думы отмѣчается памятниками въ XII вѣкѣ.

Въ Новгородѣ и Псковѣ и позже вѣче принимаетъ активное участіе въ разрѣшеніи церковныхъ вопросовъ. Такъ, въ Новгородѣ избраніе епископа принадлежало вѣчу (съ участіемъ духовенства и бояръ). Въ Псковѣ въ 1469 году постановлено было на вѣчѣ основать независимое отъ Новгородскаго владыки церковное управленіе; въ составъ этого вѣча входили: „священноиноки и священники, вся 5 соборовъ и все Божіе священство", намѣстникъ князь Ѳеодоръ Юрьевичъ, „посадники степенные и всѣ посадники Псковскіе, весь Псковъ" **).

Въ тѣхъ земляхъ, въ которыхъ вѣчевое устройство пало, боярская дума сохраняетъ право участія въ разрѣшеніи важнѣйшихъ вопросовъ церковнаго управленія.

Къ числу такихъ важнѣйшихъ вопросовъ, въ разрѣшеніи которыхъ принимала участіе боярская дума, относится прежде всего избраніе митрополита. Никоновская лѣтопись сообщаетъ слѣдующія подробности объ избраніи святого Алексѣя: Митрополитъ Ѳеогностъ

> при своемъ животѣ учини его владыкою, а по своемъ животѣ благослови его во свое мѣсто на великиі столъ на митрополью киевскую и всея Руси. Потомъ посовѣтовавъ с сыномъ своимъ, с великимъ Княземъ Семеномъ Ивановичемъ Даниловича, и с его братьею со Княземъ Иваномъ Ивановичемъ, и со Княземъ Андрѣемъ Ивановичемъ, из бояры и с вельможами, и послаша послы своя в Царь градъ.... сия глаголющимъ имъ: да не поставитъ имъ инаго митрополита на Русь кромѣ сего преподобнаго старца Алексѣя. (Никон., 1351, III, стр. 201).

---

*) О соборахъ духовенства см. статью протоіерея Г. Григоровича въ „Лѣтописяхъ занятій археографической коммиссіи", вып. II.

**) Псков. I, 1469, стр. 232.

По преставлении жъ Ѳеогностове общимъ совѣтомъ и избраниемъ святителскимъ, і великого князя Івана сына Іванова, внука Данилова, правнука Александрова и бояръ і велможъ і всѣхъ людей; паче же Божиимъ изволениемъ и избраниемъ понуженъ бысть итти к патриарху в Царь градъ ставитися въ Митрополиты". (Никон., 1377, IV, стр. 58).

Указаніе лѣтописи (во второмъ отрывкѣ) на „всѣхъ людей" не имѣетъ значенія; вѣча не собирались въ Москвѣ въ XIV в. Избраніе митрополита произведено было, очевидно, соборомъ духовенства при участіи князя и боярской думы; на такой способъ избранія и указываетъ первый приведенный отрывокъ лѣтописи.

Такимъ же способомъ избранъ былъ преемникъ св. Алексѣя Митяй. Митяй архимандритъ Чудовскаго монастыря,

по преставлении жъ Алексѣя митрополита остави Архимандритью по совѣту великого князя и бояръ его и на митрополичь дворъ взыде, и седяше на великомъ и превысокомъ томъ столѣ... І восхотѣ ити в Царьградъ к патриярху на поставление, и паки наину мысль преложись, и нача бесѣдовати к великому князю глаголя: писано есть во апостолскихъ правилехъ сице, два или три епискупи да поставляютъ единого епискупа, тако же и во отеческихъ правилехъ писано есть; инынѣ убо да снидутся епискупи рустии 5 или 6 да мя поставятъ епискупа и первосвятителя. И слышавши сия князя велика Дмитрей Івановичь и бояре его і восхотѣ тако быти, и собрашесь епискупи рустии, и пришедше благословишась у Митяя. (Никон., 1377, IV, стр. 70).

Въ той же Никоновской лѣтописи „о поставленіи Іоны митрополита" сказано слѣдующее:

В лѣто 1449 декабря въ 11 день поставленъ бысть на митрополию всеа Русиі Иона владыко Рязанскиі на Москве архиепискупы и епискупы руския митроплоии, по благословению святѣйшаго вселенскаго патриарха". (Никон., 1449, V, стр. 215).

Въ сохранившемся „посланіи великаго князя Василія Васильевича Греческому царю Константину Палеологу" указывается на участіе боярской думы вмѣстѣ съ соборомъ духовенства въ избраніи Іоны митрополитомъ послѣ смерти Фотія.

Мы, милостію Божіею, съгадавше съ своею матерью съ Великою княгинею, и съ нашею братьею съ Русскыми Великими князи и съ помѣсными Князьми и съ Литовскія земли Осподаремъ съ Великимъ Княземъ, и съ Святители нашія земли и со всѣми священники и духовными человѣки, общежителми же и пустынными отходники съ святыми старци, и съ нашими бояры, и со всею съ нашею землею Русскою, со всѣмъ православнымъ христіанствомъ, изобравше, посылахомъ... къ

Царю Калояну и къ Патріярху киръ Іосифу, отца нашего Іону Епископа Рязанскаго, дабы его намъ поставили на святѣйшую митрополью Русскую Митрополитомъ на Кіевъ и на всю Русь". (А. И., І, № 41, ст. также № 262).

Избраніе совершилось, очевидно, въ Москвѣ въ совмѣстномъ засѣданіи собора духовенства и Московской боярской думы. Соглашеніе съ остальными князьями великими и помѣстными, а равно съ великимъ княземъ Литовскимъ, достигнуто путемъ дипломатическихъ сношеній. Въ посланіи Кіевскому князю Александру Владимировичу митрополитъ Іона указываетъ на то, что великій князь Московскій „обсылался съ православными князьями" *). Князья, бояре и духовенство представляли „всю Землю русскую, всѣхъ православныхъ христіанъ".

Кромѣ избранія митрополита, случались и другіе вопросы церковнаго управленія, въ разрѣшеніи которыхъ принимала участіе боярская дума.

Въ началѣ XIV в. (въ 1310 или 1311 году) на церковномъ соборѣ въ Переяславлѣ Залѣсскомъ въ присутствіи патріаршаго чиновника (клирика) происходилъ судъ надъ митрополитомъ Петромъ. На соборѣ, кромѣ духовенства (2 епископовъ, игуменовъ, священниковъ и иноковъ), присутствовали: сыновья Тверского великаго князя Михаила Ярославича Дмитрій и Александръ „и иныхъ князей доволно і велможъ много" **).

Въ 1390 году Тверской епископъ Евфимій Висленъ преданъ былъ суду митрополита „со всѣмъ священнымъ соборомъ" по поставленію собора Тверского духовенства и боярской думы Тверского княжества.

Собрашася архимариты и игумены и презвитеры, диякони и весь священническии и иноческіи чинъ к великому князю; онъ же созва бояре свои, и совокупи обои во едино мѣсто, и свещенныі соборъ и мирскихъ соборъ, и посла к Киприяну митрополиту всеа Русии; они же начаша жаловатися на своего владыку Висленя Тверскаго о мятежи и раздорѣ церковнемъ". (Никон., IV, 1390, стр. 199).

Въ 1395 году во время нашествія Темиръ-Аксака была перенесена изъ Владимира въ Москву икона Богородицы. Это перенесеніе иконы состоялось вслѣдствіе постановленія боярской думы.

---

*) А. И., I, № 47.

**) Никон., 1365, Ш, стр. 133, См. Голубинскій: Ист. рус. церкви, II, стр. 107 и слѣд.

Великій князь Василей Дмитреевичь.... призва князей своихъ и бояръ, и рече имъ: „хоцу послати во градъ Владимеръ по икону пречистыя Владычица наша Богородица... Помысливъ же сіе благовѣрный великій князь Василей Дмитреевичь, посла воскорѣ ко отцу своему боголюбивому Кипреяну митрополиту Кіевскому и всея Руси, повелѣ ему послати въ славной градъ Владимеръ по икону пречистыя Владычица нашея Богородица. (Соф. II, 1395, стр. 126).

Въ 1456 году по постановленію боярской думы перенесена была чудотворная икона Божьей Матери изъ Москвы въ Смоленскъ.

Въ лѣто 6961, мѣсяца генваря, пріиде исъ Смоленска къ великому князю на Москву владыка Смоленскій Мисайло, съ многими мѣстничи Смоленскими, бить челомъ ему, чтобы пожаловалъ отпустилъ икону пречистыа Богородица, ея же плѣномъ взялъ Югра. Князь же великый посмысливъ себѣ со отцемь своимъ митрополитомъ Іоною, и съ прочими святители и съ боляры своими, какъ въ плѣну дръжати неодержимую Владычицу всего міра, и почтивъ того епископа Мисаила и прочихъ съ нимъ пришедшихъ". (Воскр., 1456, стр. 144).

Въ 1455 году архіепископъ Ростовскій Θеодосій совершилъ „злое безчинство въ церкви Божьей", нарушилъ уставъ о постахъ: онъ распорядился, чтобы монахи въ навечеріе Богоявленія Господня, по совершеніи литургіи и вечерни, ѣли сыръ, молоко и рыбу, ссылаясь на то, что навечеріе случилось въ томъ году въ воскресеніе. Для суда надъ владыкой созванъ былъ соборъ. На соборѣ присутствовали: митрополитъ Іона, епископы—Суздальскій, Рязанскій и Коломенскій, архимандриты и „прочее священство", а также „Великій Государь Земьскій, Великій Князь Василей Васильевичь всея Руси съ своимъ синклитомъ". Обвиняемый, „пришедъ въ чювьство и поуразумѣвъ свой злый грѣхъ и свое преступленіе", покаялся и былъ прощенъ *).

Въ ноябрѣ 1472 года невѣста великаго князя Греческая царевна Софья подъѣзжала къ Москвѣ въ сопровожденіи папскаго легата Антонія. Въ Москвѣ узнали, что передъ папскимъ легатомъ несутъ латинскій крестъ. Въ засѣданіи боярской думы обсуждался вопросъ о томъ, допустить или нѣтъ, чтобы при въѣздѣ папскаго легата въ Москву впереди несли латинскій крестъ?

Слышавъ же се князь велики, начятъ о семъ мыслити съ матерію своею, и съ братіею и зъ бояры своими, и начаша иніи не бранити ему о томъ глаголаху, друзіи же глаголаху: „нѣсть се бывало

*) А. И., I, № 57.

въ земли нашей, что въ почести быти Латынской вѣрѣ, учинилъ было то единъ Сидоръ, и онъ и погибе".

Въ виду такого разногласія великій князь обратился за совѣсомъ къ митрополиту. Митрополитъ Филиппъ отвѣтилъ: „не мощно тому быти кое въ градъ сей ему внити, но ни приближитися ему". Великій князь послалъ сказать легату, „чтобы не шелъ предъ нимъ крыжь, но повелѣ скрыти его" *).

Въ тѣхъ древнерусскихъ земляхъ, которыя вошли въ составъ Литовско-русскаго государства, боярская дума тоже принимала участіе въ разрѣшеніи важнѣйшихъ вопросовъ церковнаго управленія. На это указываютъ нѣкоторые факты позднѣйшей исторіи.

Факты позднѣйшей исторіи указываютъ на участіе „князей, пановъ и бояръ" совмѣстно съ соборомъ духовенства въ избраніи высшихъ духовныхъ лицъ.

Въ постановленіяхъ Виленскаго собора 1509 года есть указанія на то, что нѣкоторыя лица

на епископство подъкупаются и берутъ, безъ съвѣта и воли митрополии и епископовъ и безъ осмотрѣнія и събранія князей и пановъ нашого закону Греческаго. (Рус. Истор. Биб., IV, стр. 8—9).

Постановленіемъ собора такой порядокъ „возбраняется" какъ противный „правильному преданію", т. е. неправомѣрный. Значитъ, старинный правомѣрный порядокъ заключается въ избраніи кандидата на епископскую каѳедру соборомъ духовенства, а также „собраніемъ князей и пановъ закона Греческаго". То, что выполнялось собраніемъ „князей и пановъ" въ началѣ XVI в., очевидно, составляло предметъ вѣдомства боярской думы болѣе ранняго періода, періода политической независимости отдѣльныхъ русскихъ земель.

Сохранились извѣстія о примѣненіи такого способа избранія высшихъ духовныхъ лицъ. Въ грамотѣ „епископовъ Русскихъ странъ" въ слѣдующихъ словахъ описывается избраніе въ началѣ XV вѣка митрополитомъ Кіевскимъ Григорія Цамблака: Великій князь Витовтъ

„съ нами съвѣтовася, истинно и праведно, яко правый истинный великый князь; и събра вси князи Литовскихъ и Русскыхъ земль и иныхъ странъ, елико суть ему покорени Богомъ, нашеа церкве, и бояръ и велможь, архимандриты же и игумени и благоговѣйныя ино-

---

*) Воскр., 1473, стр. 175—176.

кы и попы. И сихъ всѣхъ съвѣтомъ и волею, и нашимъ избраніемъ и хотѣніемъ, сшедшеся въ Новѣмъ-граду Литовскомъ, въ святѣй церкви пречистыя Богородица, по благодати даннѣй намъ отъ святаго Духа, поставихомъ митрополитомъ святѣй нашей церкви Кіевской и всей Руси, именемъ Григоріа..." (А. З. Р., I. № 24).

Выше указано было, что Іона избранъ былъ митрополитомъ „Кіевскимъ и всея Руси" въ Москвѣ соборомъ духовенства и боярской думой и что соглашеніе съ другими князьями помѣстными и съ великимъ княземъ Литовскимъ достигнуто было путемъ дипломатическихъ сношеній. При этомъ согласіе великаго князя Литовскаго облечено въ форму постановленія рады великаго княжества объ избраніи Іоны митрополитомъ „Кіевскимъ и всея Руси".

Мы Казимиръ, Божіею милостью Король Полскій и Великій Князь Литовскій, и Русскій, и Жемотцкій и иныхъ, гадавше и добрѣ смотривше съ нашимъ братомъ Великимъ княземъ... и съ нашими князьми и паны, и съ нашою Радою, полюбили есмо собѣ отцемъ Митрополитомъ, и дали есмо ему столець митрополичь Кіевскій и всеа Руси". (А. И., I, № 42).

Во второй половинѣ XV в., по смерти митрополита Семеона, „князья русскіе" упросили великаго князя Литовскаго Казимира, „да повелитъ его держава избрати годнаго настоятеля престолу Кіевскому и всея Руси". Въ челобитной, посланной патріарху Константинопольскому, князья русскіе указываютъ, что, когда великій князь повелѣлъ произвести избраніе, то

взысканію многу бывшу во всихъ странахъ державы господаря нашего, и по многихъ временныхъ днѣхъ обрѣтохомъ мужа свята, достойна вѣры... господина Іону, архіепископа Полоцкаго". (Археогр. Сбор., I, № 2).

Изъ этихъ словъ видно, что „князья русскіе" принимали активное участіе въ избраніи митрополита.

Въ 1534 году владыка Луцкій и Острожскій Макарій пожалованъ былъ митрополіею Кіевскою и Галицкою и всея Руси вслѣдствіе ходатайства королевы Боны, воеводы Виленскаго Кгаштолта, а также „всѣхъ князей и пановъ закона Греческаго" *). Можно полагать, что возбужденію ходатайства предшествовало какое нибудь соглашеніе, а это соглашеніе въ свою очередь предполагаетъ собраніе „князей и пановъ закона Греческаго", собра-

*) Сборникъ матеріаловъ..., I, № XXI.

ніе, о которомъ упоминается въ приведенномъ выше постановленіи Виленскаго собора.

Въ Полоцкѣ въ началѣ второй половины XV вѣка епископы избирались „всѣми благородными князьями русскими и боярами тамошними и священниками и всѣмъ именитымъ Господнимъ людствомъ православной вѣры“ *). Употребленное здѣсь слово „людство“, повидимому, указываетъ на участіе вѣча, или „сейма“, въ избраніи епископа. Извѣстно, что въ Полоцкѣ вѣчевое устройство существовало весьма долго **). Но слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что передъ словомъ „людство“ стоитъ прилагательное „именитое“. Быть можетъ, выраженіе „именитое людство“ не обозначаетъ отдѣльнаго разряда избирателей, а относится къ перечисленнымъ выше разрядамъ населенія—князьямъ, боярамъ и священникамъ. Въ такомъ случаѣ передъ нами собраніе, напоминающее соборъ духовенства и боярскую думу болѣе ранней эпохи.

Въ первой половинѣ XVI вѣка Полоцкій владыка назначается великимъ княземъ Литовскимъ вслѣдствіе „жеданія князей, пановъ и бояръ земли Полоцкой“ ***). Это „жеданіе“ предполагаетъ предварительное избраніе кандидата тѣми же князьями, панами и боярами.

Въ первой половинѣ XVI вѣка въ Галиціи

рачилъ его королевская милость, за зданьемъ нѣкоторыхъ пановъ-радъ тамошныхъ, епископа встановити, и тую епископію дати славетному Макару Тучапскому“. (А. Ю. и З. Р., I, № 117).

Архимандриты Кіево-Печерской Лавры избираются „старцами того монастыря, и князьями, и панами и земянами земли Кіевской“. Такой порядокъ установленъ „листомъ“, выданнымъ въ 1522 году †).

Подобные же порядки существовали и въ другихъ монастыряхъ: въ 1523 году игуменомъ Межигорскаго монастыря былъ назначенъ Мисаилъ Щербина по просьбѣ „нѣкоторыхъ бояръ Кіевскихъ“; въ томъ-же году также по просьбѣ „нѣкоторыхъ бояръ Кіевскихъ“ назначенъ былъ игуменомъ Михайловскаго монастыря Макарій †*).

---

*) А. И., I, № 270.
**) См. А. З. Р., I, № 60.
***) Сборникъ матеріаловъ..., I, № XV, стр. 16.
†) А. З. Р., II. № 112.
†*) Тамъ же, № 121 и 122.

Въ 1541—1542 г. игуменомъ Печерскаго монастыря назначенъ былъ Васьянъ „на жеданье митрополита его милости Кіевскаго и Галицкаго и всея Руси Макарія и иншихъ нѣкоторыхъ князей и пановъ закону Греческаго“ *).

Въ 1511 году на Берестейскомъ сеймѣ выданъ былъ подтвердительный привилей „митрополиту, владыкамъ и всѣмъ людемъ вѣры Греческоѣ на права духовные“. Привилей выданъ вслѣдствіе челобитья митрополита Кіевскаго, Галицкаго и всея Россіи Іосифа, епископовъ, „которые суть подъ митрополіею Кіевскою и всея Руси“, князя Константина Ивановича Острожскаго и „иныхъ князей и пановъ Греческого закону“ **).

Въ 1544 году „панове земяне вся шляхта земли Полоцкой“ жаловались великому князю на Полоцкаго владыку Семена. Великій князь поручилъ разобрать это дѣло радѣ совмѣстно съ Кіевскимъ митрополитомъ ***).

Мы привели цѣлый рядъ случаевъ, относящихся къ области церковнаго управленія. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ случаевъ разрѣшеніе важнѣйшихъ вопросовъ принадлежитъ радѣ великаго княжества Литовскаго или собранію „князей, пановъ и бояръ закона греческаго“. Въ другихъ случаяхъ собранію князей, пановъ и бояръ принадлежитъ возбужденіе ходатайства о разрѣшеніи этихъ вопросовъ. Всѣ эти случаи имѣли мѣсто въ XV и XVI вв., но они указываютъ, по нашему мнѣнію, на порядки, господствовавшіе въ болѣе раннюю эпоху. То, что въ XV и XVI в. выполнялось собраніями князей, пановъ и бояръ, а также радой, очевидно, составляло предметы вѣдомства боярской думы болѣе ранняго періода, періода политической самостоятельности русскихъ земель.

Въ заключеніе, приведемъ еще одно указаніе на участіе боярской думы въ дѣлахъ церковнаго управленія. Въ концѣ XV вѣка удѣльный князь Иванъ Семеновичъ Кобринскій, посовѣтовавшись „зъ своими бояры и зъ нашою вѣрною радою“, далъ „пречистое Богородицы храмъ попу Якову“ †). Такое вмѣшательство боярской думы въ дѣло назначенія приходскаго священ-

*) Тамъ же, № 216.
**) А. З. Р., II, № 65.
***) Тамъ же, № 234.
†) А. Л. М., I, № 28.

ника возможно было только въ небольшомъ удѣльномъ княжествѣ; но и этотъ фактъ свидѣтельствуетъ объ участіи боярской думы въ дѣлахъ церковнаго управленія.

2. Законодательство.

При господствѣ обычнаго права дѣятельность законодательная играла весьма незначительную роль.

Законы, издававшіеся по отдѣльнымъ вопросамъ, носятъ названіе уставовъ и уроковъ. Памятники приписываютъ князьямъ изданіе законовъ. Въ Русской Правдѣ читаемъ.

„то ти оурокъ Ярославль", „яко оуставилъ Изяславъ", „великый князь то Ярославъ Володимеричь былъ уставилъ... сынове его по немъ оуставиша". (Рус. Пр. по Акад. сп., ст. 21, 42, по Кар. сп., ст. 76).

Эти выраженія указыватъ, что законодательная власть принадлежала князю; но съ другой стороны, въ этихъ выраженіяхъ можно видѣть иногда и обыкновенную неполноту. Князь ежедневно „думаетъ съ дружиною"; въ программу „думы", конечно, входили и законодательные вопросы.

Лѣтописецъ прямо указываетъ, что Владиміръ Святой думалъ съ дружиною „о строи земленѣмъ... и уставѣ земленѣмъ".

По совѣту епископовъ и старцевъ, Владиміръ возстановилъ виры *).

Законъ объ ограниченіи роста озаглавленъ: „а се оуставилъ Великыи князь Владимеръ Всеволодичь Монамахъ"; между тѣмъ изъ текста закона явствуетъ, что онъ изданъ былъ по совѣщаніи съ боярской думой **).

Такимъ образомъ законодательная дѣятельность осуществлялась княземъ лично или княземъ при участіи боярской думы. Вѣче, повидимому, въ древнѣйшее время не принимало участія въ изданіи закоковъ.

Послѣ принятія христіанства появляется потребность въ созданіи юридическихъ нормъ, опредѣляющихъ положеніе церкви въ государствѣ. Законодательная дѣятельность въ области этихъ отношеній церкви къ государству получаетъ важное значеніе. Законодательная дѣятельность выразилась въ изданіи „уставовъ"

---

*) П. С. Р. Л., I, 54.
**) Рус. Пр., Кар. сп., ст. 66.

о церковныхъ судахъ. Мы видѣли выше, что церковные уставы издаются княземъ при участіи высшихъ представителей церкви, княземъ при участіи боярской думы и княземъ на вѣчѣ.

Уставы и уроки—древнѣйшая форма закона. Позже законодательная дѣятельность выражается въ изданіи „грамотъ", или „листовъ".

Грамоты и листы выдаются княземъ лично отъ его имени. Таковы древнѣйшія грамоты: напримѣръ, грамота князя Мстислава и его сына Всеволода Юрьеву монастырю отъ 1130 года **), грамота князя Влалимира Васильковича отъ 1287 года ***), грамота князя Льва двумъ братьямъ изъ Литвы †).

Таковы и весьма многія грамоты и листы, относящіеся къ XIV и XV в.

Въ то же время въ нѣкоторыхъ грамотахъ и листахъ прямо указывается на то, что они выданы княземъ по совѣщаніи съ боярской думой. Такія грамоты, являющіяся результатомъ соглашенія князя и боярской думы, выдаются и въ восточной и въ западной Россіи, выдаются и великими и удѣльными князьями. Во второй половинѣ XIV в. Рязанскій великій князь Олегъ Ивановичъ далъ грамоту Ольгову монастырю „сгадавъ съ своимь отцемь съ Владыкою Васильемь и съ своими бояры" †*).

Грамоты великихъ князей Рязанскихъ XV вѣка иногда оканчиваются перечнемъ бояръ, очевидно, присутствовавшихъ въ томъ засѣданіи думы, въ которомъ состоялось постановленіе о выдачѣ данной грамоты.

Одна грамота великаго князя Рязанскаго Ивана Ѳеодоровича оканчивается словами:

> А пожаловалъ есми бояриномъ своимъ Прокофьемъ Давыдовичемъ и стольникомъ Яковомъ Ивановичемъ, чашкикомъ Семеномъ Глѣбовичемъ, чашникомъ жа Ѳедоромъ Юрьевичемъ. (Чтенія въ М. О. И. и Д. Р., 1898, 2, № 7).

Другая грамота того же великаго князя оканчивается словами:

> А пожаловалъ есмь ихъ съ окольничемъ Григорьемъ Давыдовичамъ да чашникомъ своимъ Ѳедоромъ Юрьевичемъ. (Чтенія въ М. О. И. и Д. Р., 1898, 2, № 8).

---

*) Христоматія по ист. рус. пр., I, стр. 228—229, 233, 243, 257.
**) Христоматія по ист. рус. пр, I, стр. 131.
***) Ипат., 1287, стр. 595.
†) Akta grodzkie i ziemskie... I, № IV.
†*) А. И., I, № 2. См. выше, стр. 99.

Перечнемъ бояръ оканчивается и грамота Ростовскаго князя Александра Θеодоровича, данная монастырю Св. Спаса въ 1471 году:

А туто были бояре: Давыдъ Матθеевичъ, да Олексѣй Ярославичь, да Олександръ Олександровичь. (Дополненія къ А. И., I, № 14).

Въ 1375 году „князь и господарь" Подольской земли Александръ Коріатовичъ пожаловалъ Смотрицкому монастырю мельницу. Въ грамотѣ, выданной по этому случаю, стоитъ:

А свѣдци на то: Гринко, панъ староста Подольскій; Смотрицкій воевода Рогожко; Прокопъ и Семенко Корабчѣвскій". (А. З. Р., I, № 4).

Перечисленные здѣсь „свѣдки"—члены боярской думы (или „рады"). О такомъ значеніи свѣдковъ свидѣтельствуютъ сохранившіеся въ довольно значительномъ количествѣ „листы" Волынскаго великаго князя Свидригайла. Въ этихъ „листахъ" обыкновенно упоминается о томъ, что великій князь жалуетъ имѣніе „порадився съ нашими князями и паны з нашею вѣрною радою". Въ концѣ листа эти члены рады уже именуются „свѣдками". Въ 1446 году Свидригайло выдалъ „листъ" своему слугѣ Олиферу. Этотъ листъ оканчивается слѣдующими словами:

А при том были сведки верная наша рада: владыка Луцкий Θеодосей, а пан Иван Гулевич, а пан Козарин маршалокъ земский, а пан Иван Черный, а пан Иван Волотович. (A. Sang., I, № XLIV).

Относящаяся къ концу XV в. грамота княгини Кобринской оканчивается перечнемъ Кобринскихъ бояръ.

А при томъ былъ господинъ отецъ нашъ владыка Володимерскій и Берестейскій Васьянъ, а панъ Левъ Боговитиновичъ, ключникъ Берестейскій, а панъ Завиша, дворанинъ королевскій, а бояре Кобрыньскіи: панъ Михайло Дробышъ, а Мрочко, а Некрашъ, намѣстникъ Кобрыньскій, а Васко Дробышевичъ, а Мордвинъ Кочановичъ. (А. Ю. и З. Р., I, № 32).

Перечнемъ бояръ оканчивается и грамота Пинской княгини Александры Семеновны, относящаяся къ началу XVI вѣка.

А при томъ при насъ были бояре наши: Ивашко Полозовичъ, а Матθей и Курыло Гречиновичи, а Венедиктъ Θурсовичъ. (А. З. Р., II, № 101).

Перечисляемые въ концѣ грамотъ бояре составляютъ боярскую думу удѣльнаго князя, по совѣщанію съ которой и пишется грамота. Объ этомъ можетъ свидѣтельствовить грамота князя Андрея Владимировича (внука Ольгерда). Пріѣхавъ на богомолье въ Кіево-Печерскую Лавру, онъ написалъ здѣсь духовное завѣщаніе. Въ завѣщаніи сказано:

А при томъ были: отецъ нашъ Никола архимандритъ Печерскый, уставникъ Іона Философь, ключникъ Давыдъ, келарь Герасимъ и иныхъ господы нашее старцевъ много, и наши бояре и наши моршалкы, князь Глѣбъ Дмитріевичь, бояринъ нашъ Александро Самотечичъ, Иванко Давыдовичъ, и иныи бояре наши и слуги при томъ были.

Какую роль играли бояре? Въ грамотѣ говорится:

Подумалъ есмь съ своею княгинею, и съ отцемъ своимъ съ Николою архимандритомъ Печерскымъ и съ святыми старцы, и съ своими бояры, и отписалъ есмь своей женѣ княгини Маріи, и своимъ дѣтемъ и еѣ дѣтемъ, свою отчину и свою выслугу". (А. З. Р,. I, № 46).

3. *Судъ.*

Судъ—основная функція княжеской власти въ древней Россіи. Судъ, по воззрѣніямъ древности, долженъ производиться публично, въ присутствіи „добрыхъ людей".

Которое ороудие доконьчано боудѣть оу Смолнескь мьжю Роусию и мьжю Латинескимь языкомь, пьредъ судиями и пьредъ добрыми людми, боль того не починати... (Договоръ Смолен. кн. Мстисл. Дав. съ Ригой, Готландомъ и Нѣмец. городами, 1229, ст. 33. Христ. по ист. рус. пр., I, стр. 123).

Аже будеть татьба велика, а не уложать ее отай, нъ силну прю съставять перед князем и передъ людми.. (Вопрошаніе Кириково. Памятники росс слов. XII в., изд. Калайдовичемъ, стр. 190).

Бояре являются добрыми людьми на судѣ князя.

Нормальный порядокъ княжескаго суда указанъ въ „Поученіи" Владимира Мономаха: помолившись Богу, князья обязаны „сѣдше думати съ дружиною или люди оправливати" *).

Начальный лѣтописецъ разсказываетъ и объ одномъ случаѣ суда князя съ боярской думой. Рогнѣда покушалась убить Владимира. Судъ надъ Рогнѣдой произведенъ былъ въ засѣданіи боярской думы.

Володимеръ же... созва боляры, и повѣда имъ. Они же рекоша: „уже не убій ея дѣтяти дѣля сего, но въздвигни отчину ея и дай ей съ сыномъ своимъ". Володимеръ же устрои городъ, и да има. (Лавр., стр. 131).

Сохранилась до нашего времени грамота такого суда князя и боярской думы, имѣвшаго мѣсто въ 1284 году: судилъ князь

---

*) П. С. Р. Л. I, стр. 103.

Смоленскій Θеодоръ, „а ту были на суде со мною бояре мои: Григорь намѣстникъ, Данило, Артѣмии, Микула дядковичь, Лука околничіи, Путята дядковичь“ *).

Правыя грамоты позднѣйшаго времени свидѣтельствуютъ, что на судѣ великаго князя присутствуютъ бояре. Такъ, одна правая грамота Рязанскаго великаго князя Василія Ивановича, относящаяся ко второй половинѣ XV в., начинается словами: „си судъ судилъ князь великиі Василей Ивановичь“, и оканчивается словами:

> А на судѣ были бояре: Прокофей Давыдовичь, Яковъ Ивановичь, Θедоръ Юрьевичь, Назарей Юрьевичь, Василей Григорьевичь, Денисей Юрьевичь“ (Акты XIII—XVII вв., собр. А. Юшковымъ, № 13. Ч. М. О. И. и Д. Р., 1898 2 **).

Правая грамота великаго князя Московскаго Ивана Васильевича, относящаяся ко второй половинѣ XV вѣка, тоже оканчивается перечнемъ бояръ, присутствовавшхъ на судѣ:

> „А туто были у великаго князя бояре его: князь Иванъ Юрьевичь, Иванъ Ивановичь, Володимеръ Григорьевичь, Иванъ Θедоровичь Старковъ, Василей Θедоровичь Сабуровъ“. (А. ю. б., I, № 52).

Присутствіе бояръ на судѣ великаго князя не есть новость, появившася въ XV в.: это порядокъ, образовавшійся въ древнѣйшее время при господствѣ обычнаго права и при отсутствіи письменнаго дѣлопроизводства.

Памятники Литовско-русскаго права подтверждаютъ эту мысль.

Въ „вырокѣ“, данномъ въ 1499 году Полоцкимъ боярамъ и мѣщанамъ, постановлено, что судъ о „правѣ земляномъ“ принадлежитъ намѣстнику, который „судитъ съ старшими бояры Полоцкими, подлугъ давного обычая“ ***). Давній обычай потерпѣлъ измѣненіе въ одномъ лишь отношеніи: когда Полоцкая земля вошла въ составъ великаго княжества Литовскаго, намѣстникъ великаго князя Литовскаго замѣнилъ сомостоятельнаго Полоцкаго князя; до потери политической самостоятельности Полоцкой землей, очевидно, судилъ князь вмѣстѣ со старшими боярами, т. е. съ боярской думой.

Сохранились и рѣшенія такого суда воеводы Полоцкаго вмѣстѣ съ Полоцкими боярами. Такъ, при разборѣ воеводой одного

*) Рус. Лив. акты, № XXXVII.

**) См. тамъ же, № 30. См. также А. Ю. № 5, 7, 17.

***) А. З. Р., I, № 175.

судебнаго дѣла въ 1534 году на судѣ были „бояре господарскіе Полоцкіе“.

А при томъ были бояре господарскіе Полоцкіе: панъ Дмитрей Богдановичъ Быстрейскій, а панъ Глѣбъ Ивановичь, а панъ Иванъ Михайловичь Зеноевича. (А. З. Р., II, № 176).

Въ томъ же 1534 году Полоцкій воевода рѣшилъ одно дѣло „съ князьями и паны бояры земли Полоцкое обмовивши“ *).

„Листъ“, выданный Кіевской землѣ въ началѣ XVI в. предписываетъ Кіевскому воеводѣ отправлять правосудіе, „сѣдши съ князи и съ бояры Кіевскими“ **). Въ землѣ Волынской, согласно „листу“, выданному также въ началѣ XVI в., староста или намѣстникъ „маетъ при собѣ посадити князей, и пановъ, и земянъ, теж маетъ... судити“ ***). И эти „листы“ не вводятъ „новины“, а только подтверждаютъ „старину“; единственное измѣненіе старинаго порядка заключается въ томъ, что воевода, намѣстникъ или староста великаго князя Литовскаго заступаетъ мѣсто самостоятельнаго князя.

Сохранившіяся судебныя рѣшенія XV и XVI в. свидѣтельствуютъ, что на судѣ старосты Луцкаго и воеводы Кіевскаго обыкновенно присутствовали князья, паны, бояре, земяне.

Въ 1495 году староста Луцкій князь К. И. Острожскій выдалъ „листъ судовый“ шевцамъ Луцкимъ. Въ концѣ листа стоитъ:

А при томъ былъ князь Иванъ Путятичъ, а панъ Петрушко Мушатичъ, а панъ Немера Богдановичъ“. (А. Л. М., I, № 225).

Въ 1503 году староста Луцкій князь Семенъ Юрьевичъ „смотрѣлъ дѣло“.

А при том были: пан Петръ Боговитинович, а князь Иванъ Андрѣевич Полубенскій, а пан Немира Богданович Хрѣнницкий, и инших людей добрых при том было не мало. (А. Sang., I, № CXLVIII).

Въ 1516 году воевода Кіевскій Андрей Немировичъ разбиралъ споръ между игуменомъ и старцами Пустынскаго Никольскаго монастыря и митрополичьимъ Софійскимъ намѣстникомъ. На судѣ были земяне Кіевскіе:

А при насъ были на томъ правѣ: панъ Андрей, ротмистръ служебныхъ Кіевскихъ, а панове земяне Кіевскіи, панъ Яцко Лоз..., а панъ Тишько Проскура, а Ленько Демьяновичь“. (А. З. Р., II, № 97).

---

*) М. Любавскій, Областное дѣленіе... стр. 866.
**) Христ. по ист. рус. пр. II, стр. 60.
***) Тамъ-же, стр. 66.

Относящійся къ 1517 году „судовый листъ“ старосты Луцкаго князя К. И. Острожскаго начинается слѣдующими словами:

Приказанемъ господарьскимъ короля Его Милости Жикгимонта, я князь Костянтин Иванович Острозскій, гетман господаря, короля Его Милости, староста Луцкий, Бряславский и Вѣницкий, маршалок земли Волынское, а при нас были: князь Андрѣй Александрович Сонгушковича, староста Володимирский, а князь Михайло Василевич Вишневецкий и Збаражский, князь Федор Михайлович Чорторыйский, князь Андрѣй Михайлович Кошѣрский и иншии вси княжата и паната Волынское земли. (A. Sang., III, № CLXXV).

Въ землѣ Смоленской, согласно „привилею“ 1505 года, „здавна... намѣстникъ Смоленскій и съ окольничими и зъ иншими врядники суживалъ“ *). И здѣсь намѣстникъ замѣнилъ князя; во времена самостоятельности Смоленской земли судилъ князь съ боярами, въ числѣ которыхъ были окольничій и другіе „урядники“; объ этомъ свидѣтельствуетъ приведенная выше грамота Смоленскаго князя Θеодора.

Въ концѣ XV вѣка намѣстникъ Смоленскій судитъ вмѣстѣ съ владыкою и казначеемъ Смоленскимъ или вмѣстѣ съ окольничими Смоленскими **).

Удѣльный князь Пинскій въ началѣ XVI в. судитъ вмѣстѣ съ боярской думой. Въ концѣ „судоваго листа“, выданнаго княземъ Θеодоромъ Ивановичемъ Ярославскимъ, читаемъ:

А пры томъ были: господинъ отецъ владыка Туровскій, Пинскій Арсеней, а бояре нашы Сенько Сеньковичъ, а Ивашко Полозовичъ, а Матфей Грычыновичъ, а Данило Савановичъ, а Курыло Грычыновичъ, а Михайло Θедюшковичъ, а Заранько Дмитровичъ“. (Ревизія пущъ, стр. 298—299).

Это—старинный порядокъ, ибо великіе князья Литовскіе вообще не нарушали „старины“ и не вводили „новины“ въ русскихъ земляхъ; въ частности же, удѣльному князю Θеодору Ярославичу предписано было великимъ княземъ Литовскимъ управлять Пинскимъ княжествомъ „по старому“, какъ „здавна бывало“ ***).

Позже, когда Пинское княжество перешло къ королевѣ Бонѣ, на судѣ старосты Пинскаго обыкновенно присутствовали земяне. На одномъ изъ судебныхъ рѣшеній Пинскаго старосты отъ 1537 года читаемъ:

---

*) А. З. Р., I, 213.
**) А. Л. М., I, № 273, II, № 431.
***) А. З. Р. I, № 191.

При томъ былъ земенинъ господарскій повету Троцкого Сенько Туръ, а войский Пинский Мартинъ Ширма, судья Пинскій Иванъ Курша". (Описаніе рукоп. отд. Вил. Пуб. Биб., II, стр. 45).

Такое же упоминаніе о присутствовавшихъ на судѣ земянахъ встрѣчаемъ на судебномъ рѣшеніи Пинскаго старосты отъ 1554 года.

А въ тотъ часъ пры насъ были земяне Пиньскіе: панъ Матей Войтеховичъ, державца Рогачевскій, а панъ Иванъ Курейша, а панъ Боуѳалъ Семеновичь, ту дворянинъ господарыни". (Археогр. Сбор., VI, № 20).

Судъ старосты и земянъ замѣнилъ старинный судъ князя и боярской думы.

4. Призваніе князя и рядъ съ княземъ.

Въ области древнерусскаго государственнаго управленія важнѣйшій вопросъ—это призваніе князя и рядъ съ нимъ. Этотъ вопросъ относится къ предметамъ вѣдомства вѣча. Необходимою составною частью вѣча въ этомъ случаѣ является боярская дума.

Въ 1169 году князь Мстиславъ Изяславичъ, приглашенный на Кіевскій столъ, „възма рядъ съ братьею и съ дружиною и Кияны..." *). Въ 1177 году „Ростовцы и бояре" пригласили Мстислава Ростиславича на Ростовскій столъ **).

Иногда боярская дума самостоятельно рѣшала вопросъ о призваніи князя. Такое рѣшеніе думы нуждалось въ послѣдующемъ одобреніи вѣча: рядъ съ княземъ, призваннымъ на столъ, всегда заключался на вѣчѣ.

Въ 1154 году умеръ Кіевскій князь Изяславъ Мстиславичъ. Узнавши объ этомъ, князь Черниговскій Изяславъ Давыдовичъ немедленно направился въ Кіевъ, очевидно, въ разсчетѣ овладѣть Кіевскимъ столомъ. Но въ Кіевъ онъ не былъ допущенъ. Соправитель покойнаго князя Вячеславъ,

сдумавъ съ Мьстиславомъ ***) и с мужьми, не пусти его въ Киевъ, зане и еще не пришелъ бяше Ростиславъ Киеву изъ Смоленьска. (Ипат., 1154, стр. 323).

Изяслава Давыдовича не пустили въ городъ, ибо ожидали прибытія князя Ростислава. Но кто призвалъ князя Ростислава на

*) Ипат., стр. 365.
**) Лавр., стр. 161.
***) Сыномъ покойнаго Изяслава.

Кіевскій столъ? Лѣтопись не говоритъ объ этомъ; однако можно полагать, что это было сдѣлано такимъ же порядкомъ, какимъ Изяслава Давыдовича не пустили въ Кіевъ: князь Ростиславъ приглашенъ былъ, очевидно, на Кіевскій столъ Вячеславомъ по совѣту съ мужами, т. е. по постановленію боярской думы. Когда прибылъ Ростиславъ, Кіевляне встрѣтили его и заключили съ нимъ рядъ.

Въ 1164 году умеръ Черниговскій князь Святославъ Ольговичъ. Боярская дума постановила пригласить на Черниговскій столъ его сына Олега.

> Таиша смерть его за 3 дня до Олгова приѣзда. Се же створи княгини, сгадавши с пискупомъ и с мужи князя своего с передними, и цѣловавша Святого Спаса на томъ, яко не послатися къ Всеволодичю Новугороду, первое цѣлова пискупъ Антонъ святого Спаса, и потомъ дружина цѣловаша". (Ипат., 1164, стр. 357).

Въ Новгородѣ и Псковѣ и въ позднѣйшее время за вѣчемъ сохраняется право приглашать князя и заключать съ нимъ рядъ. Въ земляхъ, которыя впослѣдствіи вошли въ составъ Литовско-русскаго государства, это право переходитъ къ боярской думѣ *). Въ Москвѣ исключительнымъ способомъ преемства княжескаго стола дѣлается наслѣдованіе.

5. *Финансовое управленіе.*

Доходы князя въ древней Россіи сливаются съ доходами государства. Поэтому финансовая власть принадлежитъ князю. Но, съ другой стороны, потребности государства сливаются съ потребностями дворцоваго княжескаго хозяйства. Княжескіе доходы расходуются не только на нужды его дворцоваго хозяйства, но и на удовлетвореніе потребностей государства--на содержаніе войска и на содержаніе органовъ государственнаго управленія (которые въ то же время являются и частно-хозяйственными органами княжескаго дворца). И на войнѣ и въ гражданскомъ управленіи первенствующее значеніе принадлежитъ боярамъ. Доходы княжескіе служатъ средствомъ обогащенія бояръ. Вопросы финансоваго управленія весьма интересуютъ бояръ. Можно предпола-

*) См. ниже главу VIII.

гать, что въ разрѣшеніи этихъ вопросовъ боярская дума принимаетъ дѣятельное участіе.

Основной источникъ княжескихъ доходовъ—дань происходитъ изъ отношеній международныхъ: прекращеніе войны и заключеніе мира ведетъ къ наложенію дани на побѣжденныхъ. Вопросы о войнѣ и мирѣ сливаются съ вопросами о дани. Ниже мы увидимъ, какое участіе принимала боярская дума въ разрѣшеніи вопросовъ о войнѣ и мирѣ.

Дань взималась въ древности посредствомъ полюдья. На полюдье князь отправлялся вмѣстѣ съ дружиною и, очевидно, послѣ предварительнаго совѣщанія съ дружиною (старшею):

> Въ лѣто 6453. Въ се же лѣто рекоша дружина Игореви: „отроци Свѣньлъжи изодѣлися суть оружьемъ и порты, а мы нази; поиди, княже, съ нами въ дань, да и ты добудеши и мы“. Послуша ихъ Игорь, иде въ Дерева въ дань... (Нач., 945, стр. 23).

Позже дань становится постоянной внутренней податью и взимается посадниками (т. е. членами боярской думы).

Другой важнѣйшій источникъ княжескихъ доходовъ—судебныя пошлины: виры и продажи. Виры и продажи идутъ въ пользу князя, идутъ также въ пользу бояръ-судей. Выше приведенъ былъ разсказъ лѣтописи о возстановленіи виръ по настоянію боярской думы.

Въ „Патерикѣ Печерскомъ“ разсказанъ случай, свидѣтельствующій объ участіи боярской думы въ разрѣшеніи вопросовъ финансоваго управленія. Во время войны Кіевскаго князя Святополка съ Галицкими князьями подвозъ соли изъ Галича былъ прекращенъ и цѣны на соль сильно поднялись; Святополкъ задумалъ сдѣлать продажу соли княжеской монополіей; къ этой мѣрѣ князь прибѣгнулъ по совѣту боярской думы („съвѣщав съ своими съвѣтникы“)*).

Подъ 1289 годомъ въ Ипатской лѣтописи разсказывается о наложеніи на жителей города Берестья новой подати—„ловчаго“. Лѣтописецъ приписываетъ этотъ актъ финансоваго управленія князю; нѣтъ прямыхъ указаній на совѣщаніе князя съ боярами по этому поводу. Но изъ разсказа лѣтописнаго видно, что новая подать наложена была послѣ того, какъ бояре, на запросъ князя,

---

*) Яковлевъ, Памятники... стр. CLV..

сообщили, что Берестьяне до сихъ поръ этой подати не платили; грамота объ установленіи новой подати была написана княжескимъ писцомъ, очевидно, въ присутствіи бояръ. Такимъ образомъ вся обстановка свидѣтельствуетъ о томъ, что наложеніе новой подати было результатомъ совмѣстной дѣятельности князя и боярской думы. Вотъ подлинный разсказъ лѣтописца:

И приѣха въ Берестий и рече бояромъ своимъ: „есть ли ловчии здѣ“? Они же рекоша: „нѣтуть, господине, изъвѣка“. Мьстиславъ же рече: „язъ пакъ уставливаю на нѣ ловчее, за ихъ коромолу, абы ми не зрѣти на ихъ кровь“; и повелѣ писцю своему писати грамоту. (Ипат., 1289, стр. 613).

6. *Война и миръ.*

Отношенія международныя выдвигаютъ рядъ вопросовъ, разрѣшеніе которыхъ можетъ принадлежать только органу верховной власти. Въ область международныхъ отношеній входятъ— отношенія къ иноземнымъ народамъ и отношенія междукняжескія и междуземскія. Всѣ эти отношенія ведутъ къ военнымъ столкновеніямъ и къ заключенію мира. Сверхъ того, отношенія междукняжескія ведутъ къ заключенію междукняжескихъ договоровъ, а отношенія междуземскія ведутъ къ установленію общихъ мѣръ, касающихся всей русской земли.

Какъ разрѣшаются вопросы о войнѣ и мирѣ?

Въ „Юридическихъ древностяхъ“ проф. Сергѣевича читаемъ слѣдующее: „къ наиболѣе важнымъ вопросамъ древняго управленія относятся вопросы объ объявленіи войны и заключеніи мира. Для правильнаго пониманія того, какую роль въ этихъ вопросахъ играло вѣче, надо имѣть въ виду, что князь могъ вести войну: во 1) собственными средствами, при помощи дружинниковъ и охотниковъ, и во 2) средствами волости, при содѣйствіи всего ея населенія. Для войны собственными средствами князь не нуждался въ содѣйствіи вѣча: онъ велъ ее по собственному усмотрѣнію и на свой страхъ. Для войны второго рода нужно было согласіе вѣча“ *).

Это мнѣніе проф. Сергѣевича нуждается въ дополненіи: въ составъ военныхъ силъ входили, кромѣ княжеской дружины и

*) Т. 2-й, стр. 94—95.

народнаго ополченія, дружины боярскія *). Для войны съ помощью бояръ и боярскихъ дружинъ необходимо было согласіе бояръ **). Съ другой стороны, для войны при содѣйствіи народнаго ополченія, согласіе вѣча могло быть замѣнено согласіемъ бояръ, какъ естественныхъ представителей земли.

Въ лѣтописи встрѣчаемъ свидѣтельства о томъ, что вопросы о войнѣ и мирѣ рѣшались на вѣчевыхъ собраніяхъ, въ составъ которыхъ входили—князь, бояре и простые люди. Въ 1147 г. Кіевскій князь Изяславъ Мстиславичъ

> созва бояры своя и всю дружину свою, Кияне, и рече имъ: „се есмъ съ братьею своею сгадалъ, с Володимеромъ и съ Изяславомъ Давыдовичема и съ Всеволодичемъ Святославомъ, хочемъ поити на Гюргя на стрья своего, и на Святослава к Суждалю, занеже приялъ ворога моего Святослава Олговича..“ (Ипат., стр. 243).

Гораздо чаще, по свидѣтельству лѣтописи, вопросы о войнѣ и мирѣ рѣшаются княземъ и боярской думой. Эти вопросы являются наиболѣе постоянными предметами совѣщаній князя съ боярами.

Владимиръ Святой, думалъ съ дружиною „о ратехъ“, говоритъ лѣтописецъ ***).

Въ 1093 году Кіевскій князь Святополкъ, по совѣту бояръ („мужей смысленныхъ“), рѣшилъ послать къ брату своему Владимиру за помощью въ виду предстоящей съ Половцами войны; изъ дальнѣйшаго разсказа лѣтописи видно, что въ походѣ принимало участіе и народное ополченіе („Кіяне“) †).

Въ 1149 году князь Кіевскій Изяславъ Мстиславичъ предпринялъ военный походъ противъ князя Юрія Владимировича. Въ войскѣ князя Изяслава, кромѣ союзниковъ, находилось и народное Кіевское ополченіе. Враги встрѣтились около Переяславля; ихъ отдѣляла рѣка Трубежъ. Убѣжденія епископа Ефимьяна, со слезами на глазахъ умолявшаго князя Изяслава примириться съ Юріемъ, не подѣйствовали. Вопросъ о томъ, вступать ли въ битву? былъ предложенъ на обсужденіе союзниковъ князей и бояръ.

*) Свидѣтельства памятниковъ о боярскихъ дружинахъ сгруппированы въ первомъ томѣ „Юридическихъ древностей“, стр. 301—303.

**) Въ другомъ мѣстѣ „Юридическихъ древностей“ проф Сергѣевичъ признаетъ необходимость для князя совѣщаній съ боярами по вопросамъ о войнѣ и мирѣ: „Положеніе князя въ нашей древней исторіи было въ значительной степени боевое. Военные вопросы стояли на первомъ планѣ, и для удачнаго ихъ рѣшенія весьма было полезно усердное содѣйствіе вольныхъ слугъ. А для этого необходимо было щадить ихъ самолюбіе, а потому терпѣливо выслушивать ихъ мнѣнія и ничего не предпринимать безъ ихъ согласія“. Т. 2, стр. 349.

***) Нач., 996, стр. 54.

†) Нач., стр. 93.

Изяславъ же съ братомъ своимъ Ростиславомъ (и Володимеромъ и съ сыномъ своимъ Мьстиславомъ) и съ Ярополкомъ, и съзваша бояры свое и всю дружину свою, и нача думати с ними, хотя поѣхати к Гюрьги на ону сторону за Трубежь. Мужи же ему едини молвяху: „княже не ѣзди по немъ; отъяти перешелъ земли, а трудился, а сдѣ пришедъ не успѣлъ ничтоже, а то уже поворотися прочь, а на ночь отъидеть; а ты, княже, не ѣзди по немъ"; друзии же понуживахуть его, рекуче: „поѣди, княже, привелъ ти Богъ, не упустимъ его прочь". Изяславъ же то слышавъ отъ обоихъ, излюби поѣхати по нихъ, и тако исполца воѣ свое и переиде по немъ на ону сторону, за Трубеже... (Ипат., стр. 266).

Въ 1157 году во время войны Суздальскаго князя Юрія съ Мстиславомъ Изяславичемъ былъ осажденъ городъ Владимиръ (Волынскій). Осада продолжалась 10 дней, осажденные не сдавались. Тогда Юрій, по совѣту съ боярами, рѣшилъ уйти со своимъ войскомъ.

Дюрдий же видя непокорьство его к собѣ, и съжалиси о погыбели людьстѣй, нача молвити дѣтемъ своимъ и бояромъ своимъ: „не можемъ стояти здѣ, зане онъ мний буда не покоритьмися; а язъ не радуюся о погыбели его, ни прогнанью его, но рекохъ: уведу и въ хрестьное целование, яко и братью его; онъ же не въсхотѣ того, но паче радуется о пролитьи крови". Дюрди же сдумавъ съ дѣтми своими и с мужи своими, възворотися в Киевъ. (Ипат., стр. 335).

Въ 1178 году Новгородскій князь Мстиславъ Ростиславичъ

съдума съ мужи своими, пойде на Полтьскъ на зятя на своего на Всеслава: ходилъ бо бяше дѣдъ его на Новъгородъ и взялъ ерусалимъ церковный и сосуды служебные, и погостъ одинъ завелъ за Полтескъ. Мьстиславъ же все то хотя оправити Новгородьскую волость и обиду, и пришедшю ему на Лукы с вои Новгородьскими. (Ипат., стр. 412).

Война въ данномъ случаѣ вызвана старинными земскими счетами, въ ней принимаетъ участіе народное ополченіе („вои Новгородскіе"); но иниціатива военнаго похода принадлежитъ князю и боярамъ.

Въ 1186 году во время усобицъ между Рязанскими князьями одинъ изъ этихъ князей Святославъ Глѣбовичъ былъ осажденъ въ своемъ городѣ Пронскѣ. Начались переговоры между осаждавшими и осажденнымъ. Послѣдній, по совѣту съ боярами своими („послушавъ бояръ своихъ"), рѣшилъ сдаться*).

*) Лавр., стр. 169.

Въ 1319 году вопросъ о войнѣ съ великимъ княземъ Юріемъ Даниловичемъ былъ рѣшенъ боярской думой Тверской земли. Когда войско Юрія Даниловича начало опустошать Тверскую землю, то

> блаженный же князь Михайло призва епископа своего и князей и бояръ, и рече къ нимъ: „братіе! видѣте ли, княженія великого отступался есмь брату моему и выходъ царю вдалъ есмь, и се надъ тѣмъ колико зла сотвориша въ вотчинѣ моей? азъ же тръпяхъ имъ и чаяхъ, уже перестанетъ злоба сія, но и паче вижу еже главы моея ловятъ; нынѣ же не творюся въ чемъ виноватъ, буду ли въ чемъ виноватъ, скажите ми“. И они же, яко единѣми усты, со слезами рекоша: „правъ еси, господине, во всемъ; предъ своимъ сыновцемъ такое смиреніе сотворилъ еси, и се взяша всю власть твою, а другую сторону такоже хотятъ пусту сотворити; а нынѣ, господине, поиди противу имъ, а мы, господине, за тебя хотимъ животомъ своимъ потягнути“...... И утвердившеся крестомъ честнымъ и поиде противу ратнымъ. (Воскр., стр. 190).

Въ концѣ XIV вѣка князь Смоленскій Святославъ, по совѣщанію съ боярской думой, началъ войну противъ Литовскихъ великихъ князей Скиргайла и Витовта.

> Toieze zimy u weliki post, naczal Swetoslaw dumaty so Smolenskimi bojary, na chrystyianskoie krowoprolityie, y poyde ko horodu Mstyslawlu y stawszy u horodu Mstyslawla, naczal dobywaty, i poroki bity horod... (Лѣт. Быховца, стр. 30).

Во второй половинѣ XV вѣка военные походы противъ Новгородцевъ, окончившіеся паденіемъ самостоятельности Великаго Новгорода, предприняты были великимъ княземъ Московскимъ, по совѣщанію съ боярской думой. Въ 1471 году Новгородцы заключили договоръ съ великимъ княземъ Литовскимъ Казиміромъ. Ни убѣжденія пословъ великаго князя Московскаго, ни грамота митрополита Филиппа, увѣщевавшаго Новгородцевъ не отступать отъ православія и не заключать договора съ Латинскимъ государемъ, не подѣйствовали. Тогда великій князь Московскій, по словамъ лѣтописи,

> много мысливъ о семъ, и тако възвѣщаетъ о семъ отцу своему митрополиту Ѳилиппу, и матери своей великой княгини Маріи и сущимъ у него бояромъ его, что поитти на Новгородъ ратію; они же слышавше си съвѣтуютъ ему, упованіе положивъ на Бозѣ, исплънити мысль свою надъ Новгородцы за ихъ неисправленіе и отступленіе. (Воскр., 1471, стр. 161).

Совѣщаніе съ боярской думой предшествовало и второму походу на Новгородъ, предпринятому въ 1477 году*).

Когда вопросъ о военномъ походѣ или о заключеніи мира рѣшался княземъ и боярами, то при этомъ обыкновенно предполагалось (въ до-Монгольскомъ періодѣ) согласіе простыхъ людей, а потому мирные договоры писались отъ имени князя, бояръ и всѣхъ людей. Таковъ нормальный, соотвѣтствующій юридическимъ воззрѣніямъ, порядокъ.

Въ 944 году князь Игорь предпринялъ походъ на Византію съ большимъ войскомъ, въ составъ котораго входило, кромѣ дружины и наемниковъ, народное ополченіе („вои многи, Варяги, Русь, и Поляны, Словѣни и Кривичи и Тѣверьцѣ, и Печенѣги“). Греческій императоръ, извѣщенный объ этомъ походѣ, отправилъ на встрѣчу Игорю пословъ съ предложеніемъ мира на условіи уплаты дани. Лѣтописецъ въ слѣдующихъ словахъ разсказываетъ о заключеніи мира:

> Игорь же дошедъ Дуная, созва дружину и нача думати, повѣда имъ рѣчь цареву. Рѣша же дружина Игорева: „да аще сице глаголеть царь, то что хочемъ болѣ того, не бившеся имати злато, и сребро, и паволоки? егда кто вѣсть, кто одолѣеть, мы ли, онѣ ли? ли съ моремъ кто свѣтенъ? се бо не по земли ходимъ, но по глубинѣ морьстѣй; обьча смерть всѣмъ“. Послуша ихъ Игорь и повелѣ Печенѣгомъ воевати Болгарьску землю; а самъ веемъ у Грекъ злато и паволоки и на вся воя, и възратися въспять, и приде къ Кіеву въ свояси.

Миръ заключенъ былъ, по совѣщанію князя съ дружиною (старшею). Но въ мирномъ договорѣ читаемъ:

> И великій князь нашъ Игорь, и боляре его, и людье вси Рустіи послаша ны къ Роману, и Костянтину, и къ Стефану, къ великимъ царемъ Гречьскимъ, створити любовь съ самѣми цари, со всѣмъ болярьствомъ, и со всѣми людьми Гречьскими на вся лѣта, дондеже съяеть солнце и весь міръ стоить. (Нач., 945, стр. 20).

Въ 971 году миръ съ Греками заключенъ былъ, по совѣщанію князя Святослава съ дружиною, но договоръ написанъ отъ имени князя, бояръ и всей Руси **).

Таковъ древнѣйшій порядокъ. Этотъ порядокъ съ теченіемъ времени подвергается измѣненіямъ въ зависимости отъ того вза-

---

*) Воскр., 1477, стр. 184.
**) Нач., 971, стр. 31.

имнаго отношенія, въ какое становятся въ различныхъ земляхъ князь, боярская дума и вѣче.

Въ Новгородѣ, Псковѣ и Полоцкѣ обыкновенно договоры заключаются отъ имени вѣча (съ участіемъ, конечно, боярской думы). Въ другихъ земляхъ договоры заключаются отъ имени князя или отъ имени князя и боярской думы.

Въ 1284 году договоръ между Ригой и Смоленской землей былъ подтвержденъ отъ имени князя и боярской думы. Выше указанъ составъ боярской думы въ данномъ случаѣ *).

Выше указанъ также составъ членовъ боярской думы, подписавшихся на договорѣ Волынскаго князя Юрія Андреевича съ Нѣмецкимъ орденомъ **).

Иногда выраженія лѣтописи даютъ, повидимому, основаніе думать, что князь по собственному усмотрѣнію ведетъ войны и заключаетъ миръ.

Въ лѣто 6391. Поча Олегъ воевати Деревляны, и примучивъ и, имаше на нихъ дань по чернѣ кунѣ.

Въ лѣто 6392. Иде Олегъ на Сѣверяне, и побѣди Сѣверяны, и възложи на нь дань легъку...

Въ лѣто 6423. Пріидоша Печенѣзи первое на Рускую землю, и створивше миръ съ Игоремъ, идоша къ Дунаю...

Въ лѣто 6534. Ярославъ совокупи вои многы и приде Кыеву, и створи миръ съ братомъ своимъ Мьстиславомъ у Городьца...

Въ лѣто 6602. Створи миръ съ Половцы Святополкъ... Томъ же лѣтѣ... Володимеръ створи миръ съ Олегомъ.

Въ лѣто 6626. Ходи Володимеръ на Ярославца Святополчича къ Володимерю, и умирися съ нимъ ***).

Въ лѣто 6796. Князь же великій Михайло противу выѣхавь, и сътвориша миръ (съ) великымъ княземь Дмитріемь. и розыидошася и т. п. †).

Въ подобныхъ случаяхъ необходимо предполагать молчаливое соглашеніе бояръ, или бояръ и народа. Гдѣ нѣтъ этого согласія, тамъ личное усмотрѣніе князя не допускается, какъ дѣйствіе неправомѣрное, нарушающее нормальный порядокъ.

Въ 1177 году Владимирскій князь Всеволодъ предложилъ миръ Ростовскому князю Мстиславу; послѣдній, повидимому, согласенъ былъ принять это предложеніе; но Ростовцы и бояре сказали ему: „аще ты миръ даси ему, но мы не дамы“ †*).

*) См. выше, стр. 98.
**) См. выше, стр. 98.
***) См. Нач. и Лавр., указанные годы.
†) См. Твер., указ. годъ, стр. 406.
†*) Лавр., стр. 161.

7. *Междукняжескіе договоры.*

Лѣтописные разсказы о заключеніи междукняжескихъ договоровъ въ большинствѣ случаевъ весьма кратки:

Въ лѣто 6574... мѣсяца іуля въ 10 день, Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ цѣловавше крестъ честный къ Всеславу, рекше ему: „приди къ намъ, яко не створимъ ти зла"; онъ же надѣявъся цѣлованью креста, переѣха въ лодьи черезъ Днѣпръ. Изяславу же въ шатеръ предъидущю, и тако яша Всеслава на Рши у Смолиньска, преступивше крестъ. (Нач., стр. 72).

Въ лѣто 6650... и чѣлова Святославъ крестъ съ братомъ своимъ Игоремъ, а наутрѣй день цѣловаста Володимеръ, Изяславъ съ Игоремъ, и тако яшася вси, рекуще: „кто съступить крестьецѣлование, да сь крестъ взомьстить"... Всеволодъ же, не хотя того, оже ся братья съвъкупила въ едину мысль посла къ Давыдовичема, река има: „отступита вы отъ брату моею; азъ ваю надѣлю"; она же переступиша крестьное цѣлование, отступиста отъ Игоря и отъ Святослава къ брату Всеволоду. (Ипат., стр. 222, 223).

Въ лѣто 6668... Том же лѣтѣ пойде Святославъ Олговичь ко Вщижю на Святослава на Володимирича, и Всеволодича с нимъ оба ходиста, и Рюрикъ съ Киевьскимъ полкомъ, и Олегъ Святославичь, Романъ изъ Смоленьска, и Всеславъ ис Полотьска, Кснятинъ Сѣрославичь с Галичаны, и стояше около его 5 недѣль, и створиша с нимъ миръ; и на томъ целова крестъ Володимиричъ къ Святославу, яко имѣти ему его въ отца мѣсто и въ всей воля его ему ходити... (Ипат., стр. 349).

Въ лѣто 6677... И тако начаша ея рядити о волость, шлюче межи собою, Рюрикъ и Давыдъ и Володимиръ съ Мьстиславомъ, и уладившеся о волость, цѣловаша хрестъ. (Ипат., стр. 366).

Въ лѣто 6688... Князь же Всеволодъ иде къ Рязаню, взя городъ Борисовъ Глѣбовъ, пришедъ же къ Рязаню, миръ створи съ Романомъ и со Игоремъ, на всей воли Всеволожи цѣловаша крестъ... (Лавр., стр. 164).

Въ лѣто 6710... И ѣха наборзѣ со всѣми полкы къ Кыеву Романъ, и отвориша ему Кыяне ворота Подольская, въ Копыревѣ конци, и въѣха въ Подолье, и посла на Гору къ Рюрикови и ко Олговичемъ, и води Рюрика къ кресту и Олговичѣ, а самъ къ нимъ цѣлова же... (Лавр., стр. 176).

Въ лѣто 6809... Того же лѣта учиниша снемъ у Дмитрова Андрѣй князь великый, Михайло князь Тфѣрьскый, Данило князь Московьскый, Іоанъ князь Дмитреевичъ изъ Переяславля, и взяша миръ межю собою; а Михайло съ Иваномъ не докончалъ межи собою. (Лавр., стр. 209) и т. д.

Изъ этихъ краткихъ сообщеній лѣтописи отнюдь нельзя дѣлать того вывода, что заключеніе междукняжескихъ договоровъ было результатомъ только личнаго соглашенія отдѣльныхъ князей*). Въ междукняжескихъ отношеніяхъ вообще (а, слѣдовательно, и въ дѣлѣ заключенія договоровъ,) весьма видную роль играли бояре.

Князья считаютъ себя обязанными дѣлиться съ боярами всевозможными новостями изъ области междукняжеской политики; бояре считаютъ за собой право не только быть всегда въ курсѣ этой политики, но и принимать участіе въ руководительствѣ ею. Въ лѣтописи подъ 1147 годомъ разсказанъ слѣдующій характерный случай:

> Въ то же веремя стояше Изяславъ верхъ Супоя и ту присла къ нему Володимеръ, повѣдая ему Игорево убійство. Изяславъ же, слышавъ то, и прослезився и рече: „аще быхъ вѣдалъ, оже сяко сему быти, то аче бы ми и далече того блюсти отслати, а моглъ быхъ Игоря съблюсти“; и рече Изяславъ своей дружинѣ: „то мнѣ есть порока всякого отъ людий не уйти, тѣмь есть речи: Изяславъ велѣлъ (убити); но тому Богъ послухъ, яко не повелѣлъ, ни научилъ; а то уже Богови судити“. И рѣша ему мужи его: „безлѣпа о немъ печаль имѣеши, оже людемъ речи, яко Илнславъ уби и, или повелѣлъ убити; но то, княже, Богъ вѣдаетъ и вси людье, яко не ты его (убилъ, но убили суть братья его), оже хрестъ къ тобѣ цѣловавше и пакы съступиша, и льстью надъ тобою хотѣли учинити и убити хотяче“; Изяславъ же рече: „аже ся уже тако учинило; а тамо намъ всимъ быти, а то уже Богови судити“—и жалова на Кияны. И посла Изяславъ (по) Володимира въ Городечь, а по Ростислава въ Смоленескъ. И прииде вѣсть къ Володимиру Давыдовичю, оже Игоря убили, Володимиръ же посла къ Святославу Олговичю, и повѣда ему: „брата Игоря убили“; онъ же съзва дружину свою старѣйшюю, и яви имъ, и тако плакася горко по братѣ своемъ. (Ипат., стр. 250).

Другой еще болѣе характерный случай (см. выше стр. 91) разсказанъ подъ 1170 годомъ: Кіевскій князь Мстиславъ заподозрѣнъ былъ въ коварныхъ замыслахъ противъ князей Давыда и Рюрика. Мстиславъ сообщилъ объ этихъ обидныхъ подозрѣніяхъ своимъ боярамъ; послѣдніе сказали:

---

*) „Никто, конечно, не будетъ утверждать, говоритъ проф. Сергѣевичъ, что княжескіе договоры заключались не иначе, какъ съ формальнаго согласія какого либо совѣта“. (Рус. Юр. Др., II, 340). Полагаемъ, что при господствѣ обычнаго права о „формальномъ согласіи“ не можетъ быть и рѣчи,—при заключеніи княжескихъ договоровъ требовалось обыкновенно не формальное, а дѣйствительное согласіе боярской думы.

„ты всякъ правъ передъ Богомъ и предъ человѣкы; тобѣ безъ насъ того нѣлзѣ было замыслити, ни створити, а мы вси вѣдаемъ твою истиньную любовь къ всѣй братьѣ"... (Ипат., стр. 371).

Принимая участіе въ руководительствѣ междукняжеской политикой, бояре подвергаются и отвѣтственности за всѣ послѣдствія ея. Въ 1207 году Рязанскіе князья измѣнили великому князю Суздальскому Всеволоду; уличенные въ измѣнѣ они были схвачены вмѣстѣ со своими „думцами" (т. е. боярами)*).

Центральнымъ пунктомъ, вокругъ котораго вращаются междукняжескіе споры и соглашенія, служитъ распредѣленіе столовъ. Въ разрѣшеніи этого вопроса бояре принимали активное участіе. „Зъ добрымъ думъцею, говоритъ авторъ „Слова о Даніилѣ Заточникѣ", Князь высока стола додумаетца, а съ лихимъ думъцею думаетъ, и малаго стола лишенъ будетъ". И лѣтописецъ свидѣтельствуетъ, что „старѣйшіе" князья, по совѣту съ боярами, распредѣляютъ столы между своими родственниками—младшими князьями, послѣдніе же, по совѣту со своими боярами, принимаютъ или не принимаютъ предложенные имъ столы.

Въ лѣто 6658. Гюрги князь поваби Вячеслава на столъ Кыеву; пришедшю же ему Кыеву, боляре размолвиша Гюргя и рѣша: „брату твоему Кыева не удержати; да не будеть его тобѣ, ни тому". Гюргеви же послушавшю боляръ, выведъ изъ Вышегорода сына своего Андрѣя, и да и Вячеславу... (Лавр., 1150, стр. 141).

Въ лѣто 6647.. Всеволодъ приведъ брата изъ Курьска Святослава и иде съ нимъ Переяславлю на Андрѣя, и хотяше выгнати Андрѣя, а брата своего посадити; а Андрееви рече: „иди Курску". И Андрей тако рече, сдумавъ съ дружиною своей: „лѣплѣ ми того смерть, а съ своею дружиною, на своей воочинѣ и на дѣднѣ, нежели Курьское княженье.." (Лавр., 1139, стр. 134).

Заключеніе междукняжескихъ договоровъ является результатомъ военныхъ столкновеній. Такіе междукняжескіе договоры —договоры мира. Выше указано, какое участіе принимала боярская дума въ разрѣшеніи вопросовъ о войнѣ и мирѣ.

Заключеніе междукняжескихъ договоровъ можетъ быть также результатомъ дипломатическихъ переговоровъ. Эти переговоры ведутся и договоры заключаются черезъ посредство бояръ (иногда духовенства и бояръ).

*) Лавр., стр. 182.

Сослався Рюрикъ со Всеволодомъ, сватомъ своимъ, и съ братомъ своимъ Давыдомъ, послаша мужи своя ко Ярославу и ко всимъ Ольговичёмъ рекше ему: „целуй к намъ крестъ (къ всѣмъ) со всею своею братьею, како вы не искати отцины нашея, Кыева и Смоленьска, под(ъ) нами, и под(ъ) нашими дѣтми, и подо всимъ нашимъ Володимеримь племенемъ: како насъ раздѣлилъ дѣдъ нашь Ярославъ по Дънѣпръ, а Кыевъ вы не надобѣ". (Ипат. 1195, стр. 462).

Всеволодъ.. посла мужа своя ко Ярославу и умолви с нимъ про волость свою и про дѣти своя, а Кыева подъ Рюрикомъ не искати, а подъ Давыдомъ Смоленьска не искати; и води Ярослава ко честному кресту и всихъ Олговичь; Ярославъ же посла своя мужа и води Всеволода и Давыда кресту, и Рязаньскыя князи на своихъ рядохъ; и тако утвердишася крестомъ честьнымъ. (Ипат., 1196, стр. 469).

Лѣта 6712. Посла Романъ мужа своего къ великому князю ко Всеволоду, моляся о Олговичехъ, дабы я пріялъ въ миръ и ко кресту водилъ; великий же князь Всеволодъ посла мужа своего Михаила Борисовича, и води Олговичи ко кресту, а Олговичи послаша мужи свои, и водиша великого князя Всеволода ко кресту, а Романа въ Руси и бысть миръ". (Лавр., 1204, стр. 179) *).

Дипломатическіе переговоры между князьями ведутся и договоры между ними заключаются не только черезъ посредство бояръ, но и послѣ предварительнаго совѣщанія съ боярами.

Авторъ начальной лѣтописи разсказываетъ подъ 1097 годомъ:

„ и мнѣ ту сущю Володимери, въ едину нощь присла по мя князь Давыдъ. И придохъ къ нему, и сѣдяху около его дружина и посадивъ мя и рече ми". (Нач., стр. 112).

Изъ дальнѣйшаго разсказа видно, что въ этомъ засѣданіи боярской думы обсуждался вопросъ объ отношеніяхъ между княземъ Давыдомъ и княземъ Василькомъ.

Когда Кіевскій столъ занялъ князь Рюрикъ Ростиславичъ, Суздальскій князь Всеволодъ отправилъ пословъ къ нему съ требованіемъ дать ему часть въ Русской землѣ. Рюрикъ передалъ это требованіе Суздальскаго князя на рѣшеніе боярской думы:

Рюрикъ же поча думати с мужи своими, како бы ему дати волость Всеволоду, которыи же волости у него просилъ: Всеволодъ бо просяше у него Торцького, Треполя, Корьсуня, Богуславля, Канева, еже бѣ цалъ зяти своему Романови и крестъ къ нему целовалъ, ажь ему подъ нимъ не отдати никому же.

---

*) См. также Нач., 1097, стр. 112; Ипат., 1149, стр. 262; 1152, стр. 318; 1190, стр. 451; Ник., IV, 1400, стр. 297; Соф. II, 1479, стр. 222—223 и др.

Князь и боярская дума были въ затрудненіи: отнять волость у Романа—значитъ нарушить крестное цѣлованіе; отказъ Всеволоду—равносиленъ объявленію войны этому сильному князю. Въ дѣло вмѣшался митрополитъ Никифоръ. Онъ сказалъ князю Рюрику: „азъ снимаю с тебе крестное цѣлованіе и взимаю на ся, а ты послушай мене, возма волость у зятя у своего, дай же старѣйшому, а Романови даси иную въ тое мѣсто". Вопросъ снова переданъ былъ на обсужденіе думы:

> Рюрикъ же сдума с братьею и с мужи своими, и посла ко Всеволоду (мужи свои) река ему: „ажь, брате, жаловался на мене про волость, (а се волость) которые же просилъ". И далъ Рюрикъ Всеволоду 5 городовъ: Торьцкый, Корсунь Богуславль, Треполь, Каневъ, и утвердишася крестомъ честнымъ на всей любви своей. (Ипат., 1195, стр. 459—460).

Князь Романъ Мстиславичъ сначала безропотно подчинился такому рѣшенію, но затѣмъ началъ укорять Рюрика въ нарушеніи крестнаго цѣлованія и вступилъ въ переговоры съ Черниговскимъ княземъ Ярославомъ Всеволодичемъ, убѣждая его искать Кіевскаго стола. Это рѣшеніе князь Романъ принялъ по совѣту своихъ бояръ:

> поча думати с мужи своими, сляся къ Олговичю ко Ярославу ко Всеволодичю к Чернигову, и целова с нимъ крестъ, поводя и на Киевъ на тѣстя своего. (Ипат., стр 461).

Борьба съ Рюрикомъ была неудачна для Романа. Потерпѣвъ пораженіе, онъ вынужденъ былъ просить прощенія у своего тестя Рюрика; въ то же время онъ обратился къ митрополиту Кіевскому Никифору, прося его быть посредникомъ между нимъ и Рюрикомъ. Рюрикъ, послѣ совѣщанія со своей боярской думой, заключилъ договоръ съ Романомъ:

> Рюрикъ же послушавъ митрополита и отда ему гнѣва, не хотя видити кровопролитья, сгадавъ с мужи своими, рекъ имъ: „ажь ми ся уже молить и кается о своей винѣ всей, то язъ его прииму и ко кресту вожю. и надѣлокъ ему даю; да же въ томъ устоить, и отцемь мя имѣти почнеть во правду и добра моего хотѣти, то язъ (его) и сыномъ имѣю себѣ, якоже и первое имѣлъ есмь его и добра ему хотѣлъ"; и то все сдума с мужи своими, посла к нему посолъ свой, рекъ ему: „гнѣва ти отдаваю"— и води и кресту на всей волѣ своей, и да ему Полоны(й) и полъ търтака Корьсуньского". (Ипат., стр. 462).

Вскорѣ послѣ этого тотъ же Рюрикъ, по совѣту своихъ бояръ, вступилъ въ переговоры и заключилъ договоръ съ Черниговскимъ княземъ Ярославомъ:

Рюрикъ же сдума с мужами своими, посла посолъ ко Ярославу, хотя и свести в любовь со Всеволодомъ и с Давыдомъ: и води и кресту, како ему не возстати на рать до ряду, и самъ целова (крестъ) на томъ же к нему... (Ипат., стр. 463).

Такой порядокъ, въ силу котораго князья заключаютъ договоры другъ съ другомъ послѣ совѣщанія съ боярской думой, сохранился, очевидно, и въ послѣдующее время.

Въ 1388 году князь Новгородскій и Сѣверскій Дмитрій, или Корибутъ, заключилъ договоръ съ великимъ княземъ Литовскимъ „доброй радой бояръ и всѣхъ землянъ“ *).

Въ 1400 году

князь Иванъ Всеволодовичь Тверьскій съслася съ княземъ Иваномъ съ Михайловичемъ, и пріиде на Тверь съ княгинею и съ боары, и взяша миръ промежи собою. (Воскр., стр. 74).

Бояре, прибывшіе въ Тверь съ княземъ Иваномъ Всеволодовичемъ, очевидно, принимали участіе въ заключеніи договора съ княземъ Иваномъ Михайловичемъ.

Въ 1425 году великій князь Московскій Василій Васильевичъ заключилъ договоръ съ княземъ Юріемъ, послѣ совѣщанія съ боярской думой:

Князь же великій съ отцемь своимъ Фотіемъ митрополитомъ, и съ матерію своею великою княгинею Софіею, съ дядями своими княземъ Андрѣемъ и Петромъ и Костянтиномъ Дмитриевичи, обосла же ся тогда и съ братомъ своимъ, и дѣдомъ великимъ княземъ Литовскимъ Витофтомъ, и съ всѣми князи и бояре земли своея здумаша, послати ко князю Юрію отца своего Фотія митрополита... (Воскр., стр. 92).

Наконецъ, участіе бояръ въ заключеніи междукняжескихъ договоровъ выражается въ томъ, что они вмѣстѣ съ князьями цѣлуютъ крестъ. Въ этомъ случаѣ бояре выступаютъ, очевидно, въ роли поручителей. Случай такого рода разсказанъ въ лѣтописи подъ 1157 годомъ:

Тако цѣловаста хрестъ у святого мученику на гробѣ, на томъ: Изяславу имѣти отцемь Вячеслава, а Вячеславу имѣти сыномъ Изяслава, —на томъ же и мужи ею цѣловаша хрестъ, ако межи има добра хотѣти и чести ею стеречи, а не сваживати ею. (Ипат., 1157, стр. 278).

Характеръ поручительства имѣютъ и подписи членовъ боярской думы, сохранившіяся на нѣкоторыхъ междукняжескихъ до-

*) A. Sang., I, № IX и X.

говорныхъ грамотахъ, относящихся къ болѣе позднему времени (XIV вѣку) *).

Подобно заключенію междукняжескихъ договоровъ, и нарушеніе ихъ обыкновенно является результатомъ совѣщанія князя съ боярской думой.

Въ 1148 году князь Кіевскій Изяславъ Мстиславичъ вступилъ въ договоръ съ княземъ Ростиславомъ Юрьевичемъ; въ силу этого договора Ростиславъ получилъ нѣсколько волостей въ Кіевской землѣ. Вскорѣ договоръ былъ нарушенъ: у Ростислава отняты были волости и самъ онъ изгнанъ былъ изъ Кіевской земли. Такое нарушеніе договора князь Изяславъ Мстиславичъ совершилъ, по совѣщанію съ боярской думой. Лаврентьевская лѣтопись говоритъ о совѣщаніи съ „нѣкоторыми мужами“:

> Дьяволъ... вложи нѣкоторымъ мужемъ его въ сердце, и начаша глаголати ему, рекуще: „яко Ростиславъ Гюргевичь подмовилъ на тя люди, и Беренцичи и Кіяны, а хотѣлъ сѣсти Кыевѣ; а пусти и къ отцю, то твой ворогъ и отець его, держиши и на свою голову“. Изяславъ же послушавъ ихъ, отъима у него имѣнье и оружьѣ и конѣ, и дружину его исковавъ расточи, а Ростислава всади въ лодью, толико самого ли четверта пусти и къ отцю. (Лавр., 1149, стр. 139).

Въ Никоновской лѣтописи прямо указывается на совѣщаніе князя съ боярской думой:

> Тогда же возсташа зліи человѣцы, и начаша клеветати на князя Ростислава Юрьевича к великому князю Изяславу Мстиславичю... Князь великій же Киевскиі Изяславъ Мстиславичь оскорбися зело, и совѣтовавъ з бояры своими, и отъя от него грацы вся и власти и богатство... (Ник., II, 1149, стр. 109).

Галицкій князь Ярославъ Владимировичъ еще при своей жизни завѣщалъ Галицкій столъ своему младшему сыну Олегу, а другому сыну Владимиру далъ столъ въ Перемышлѣ. Владимиръ вмѣстѣ съ боярами Галицкими цѣловалъ крестъ, что не будетъ искать Галицкаго стола подъ Олегомъ. По смерти Ярослава, боярская дума рѣшила нарушить это крестное цѣлованіе.

> Сдумавъше мужи Галичкыи с Володимеромъ, переступишеть хрестьное целование и выгнаша Олга из Галича. (Ипат., 1187, стр. 442).

Великій князь Тверской, чувствуя приближеніе смерти, обратился съ слѣдующими словами къ своимъ боярамъ:

---

*) Собр. Грам. и Догов., I, № 23. A. Sang., I, № I.

„А вы, брате, въспоминайте моимъ дѣтемъ, чтобы въ любви были, якоже указахъ имъ и раздѣлихъ имъ коемуждо часть отчины“... (Воскр., 1400, стр. 74).

Бояре, вѣроятно, цѣловали крестъ въ томъ, что исполнятъ этотъ завѣтъ великаго князя. Однако послѣ его смерти недолго продолжался миръ между Тверскими князьями. Миръ былъ нарушенъ великимъ княземъ Иваномъ Михайловичемъ, по соглашенію съ его боярской думой. Одинъ изъ братьевъ князь Василій Михайловичъ

пришедъ к своей матери к великои княгине Овдотье и сказаше ей, что брата нашего бояре крестное целование к намъ сложили, а отецъ нашъ привелъ ихъ к тому что хотѣти намъ имъ добра; и мати ихъ великая княгиня Овдотия послала свои бояре к великому князю Івану Михайловичю, а дѣти ея князь Василей Михайловичъ и князь Ѳеодоръ Михайловичъ, и внукъ ея князь Иванъ Борисовичъ послаша бояръ своихъ сице глаголюще: господине княже великии не пограмоте отца нашего великого князя Михаила Александровича твои бояре к намъ крестное целование сложили, и тыбъ господине князь великии пожаловалъ велѣлъ бы еси своимъ бояромъ крестное целование держати по нашего отца грамотамъ. И князь великии Иванъ Михаиловичъ отвечалъ имъ тако: бояре наши сложили к вамъ крестное целование по моему слову. (Ник., IV, стр. 297).

Всякое нарушеніе крестнаго цѣлованія есть, конечно, дѣйствіе неправомѣрное. Но лѣтописецъ подчеркиваетъ, какъ неправомѣрное дѣйствіе sui generis, нарушеніе междукняжескаго договора княземъ безъ вѣдома и согласія боярской думы: въ такомъ поступкѣ современники, очевидно, усматривали не только неисполненіе обязательства, но и нарушеніе принадлежащаго боярамъ права.

Выше приведенъ былъ случай, имѣвшій мѣсто въ 1169 году: когда князь Владиміръ Мстиславичъ задумалъ нарушить договоръ, заключенный имъ съ Кіевскимъ княземъ Мстиславомъ, то бояре сказали ему: „о себѣ еси, княже, замыслилъ, а не ѣдемъ по тобѣ, мы того не вѣдали“. Приведенъ былъ уже и другой случай, имѣвшій мѣсто въ 1180 году: князь Святославъ Всеволодичъ, вопреки крестному цѣлованію, напалъ внезапно на князя Давыда Ростиславича; это нападеніе, задуманное княземъ безъ вѣдома и согласія бояръ, отмѣчается лѣтописцемъ, какъ дѣяніе неправомѣрное *).

---

*) См. выше, стр. 72, 86—87.

8. *Общерусскія предпріятія.*

Къ числу общерусскихъ предпріятій относятся прежде всего общіе походы на „поганыхъ". Лѣтописные разсказы о такихъ походахъ, подобно разсказамъ о войнахъ вообще, большею частью отличаются краткостью. Напримѣръ:

Въ лѣто 6620. Идоша на Половцѣ Святополкъ, Ярославъ, Всеволодъ, Володимеръ, Святославъ, Ярополкъ, Мстиславъ, Давыдъ Святославичь съ сыномъ Ростиславомъ, Олговичь, Давыдъ Игорьевичь, и доидоша града Осенева и Сугрова; веземше вежѣ Половечскыѣ... (Лавр., 1112, стр. 127. См. также Лавр., 1185, стр. 166, 1186, стр. 168, 1205, стр. 179, 1223, стр. 189 и др.).

Рядомъ съ такими краткими сообщеніями въ лѣтописи находимъ и довольно подробные разсказы о тѣхъ совѣщаніяхъ, на которыхъ рѣшались вопросы объ общихъ походахъ на поганыхъ. Въ совѣщаніяхъ принимаютъ участіе князья и бояре.

Такъ, подъ 1111 годомъ лѣтописецъ разсказываетъ слѣдующее:

Вложи Богъ Володимеру въ сердце, и нача глаголати брату своему Святополку, понужая его на поганыя, на весну. Святополкъ же повѣда дружини своей рѣчь Володімерю; они же рекоша: „не веремя нынѣ погубити смерьды отъ рольи". И посла Святополкъ къ Володимерю, глаголя: да быхови ся сняли и о томъ подумалі быхомъ съ дружиною". Послании же приидоша къ Володимеру и повѣдоша всю рѣчь Святополчю. И прииде Володимеръ и срѣтостася на Долобьскѣ, и сѣдоша въ единомъ шатрѣ Святополкъ съ своею дружиною, а Володимеръ съ своею. И бывшю молчанью, и рече Володимеръ: „брате! ты еси старѣй; почни глаголати, како быхъмъ промыслили о Русьской земли". И рече Володимеръ: „како я хочю молвити, а на мя хотятъ молвити твоя дружина и моя, рекуще: хощеть погубити смерды и ролью смердомъ! но се дивно ми, брате, оже смердовъ жалуете и ихъ коний, а сего не помышляюще, оже на весну начнеть смердъ тотъ орати лошадью тою, и приѣхавъ Половчинъ ударить смерда стрѣлою и поиметь лошадь ту и жону его и дѣти его, и гумно его зажжеть; то о сѣмъ чему не мыслити"? И рекоша вся дружина: „право воистину тако есть". И рече Святополкъ: „се язъ, брате, готовъ есмь съ тобою". (Ипат., 1111, стр. 191; см. также стр. 182).

Приведемъ другой разсказъ о такомъ же совѣщаніи:

Въ лѣто 6678. Вложи Богъ въ сердце Мьстиславу Изъяславичю мысль благу о Руской земли, занеже ей хотяше добра всимъ сердцемъ: и съзва братью свою и нача думати с ними, река имъ тако: „братье! пожальтеси о Руской земли и о своей отцинѣ и дѣдинѣ, оже несуть хрестьяны на всяко лѣто у вежѣ свои, а с нами роту взи-

маюче, всегда переступаюче; а уже у насъ и Гречьский путь изъотимають, и Соляный, и Залозный; а лѣпо ны было, братье, възряче на Божию помочь и на молитву святоѣ Богородици, поискати отець своихъ и дѣдъ своихъ пути и своей чести". И угодна бысть рѣчь его преже Богу и всеѣ братьѣ и мужемъ ихъ. (Ипат., 1170, стр. 368).

Подобное же совѣщаніе происходило спустя два вѣка послѣ описанныхъ событій—во время нашествія Мамая:

Слышавъ же се князь великый Дмитрей Ивановичь... призва велможа своя и вся князи Русьскыя земля, сущая подъ властію его, и рече княземъ Русьскыя земли и велможамъ своимъ: „лѣпо есть намъ братіе, положити главы своя за правовѣрную вѣру христіяньскую, да не пріяти будуть грады наши погаными, ни запустѣють святыя Божія церкви, и не разсѣяни будемъ по лицю всея земля, да не поведени будуть жены наша и дѣти въ полонъ, да не томими будемъ погаными по вся дни; аще за насъ умолить Сына своего и Бога нашего пречистая Богородица". И отвѣщаша ему князи Русьстіи и велможа его: „господине Русьскый царю! рекли есмя тебѣ животъ свой положити служа тебѣ; а нынѣ тебе ради, кровь свою проліемъ и своею кровію второе крещеніе пріимемъ". И воспріимъ Аврамлю доблесть, помолився Богу, и помощника имуще святаго великаго святителя и чюдотворца Петра, заступника Русьскыя земли, и поиде противу поганого. („О житіи и преставленіи вел. кн. Дм. Иван."... въ П. С. Р. Л., VI, стр. 105).

Спустя два года послѣ Куликовской битвы Татарскія полчища подъ предводительствомъ хана Тохтамыша вторгнулись въ предѣлы Русской земли. Когда получено было извѣстіе объ этомъ, Московскій великій князь Дмитрій Ивановичъ пригласилъ на совѣщаніе другихъ русскихъ князей съ ихъ боярами. Но на этотъ разъ не было согласія среди собравшихся, и совѣщаніе не привело къ общему походу противъ Татаръ.

Слышавъ же князь великій таковую вѣсть, како идетъ на него самъ царь въ множествѣ силы своея, нача сбирати воя и съвокупляти полки своя, и выѣха изъ града Москвы, хотя ити противу Татаръ; и ту начаша думу думати князь Дмитрій и съ прочими князи Рускими, и съ воеводами и съ думцами и съ вельможами и съ боляры старѣйшими, и всячески гадавше, и обрѣтеся раздно въ князехъ, и не хотяху пособляти другъ другу и не изволиша помогати братъ брату. (Новг. IV, 1382, стр. 84).

Во время общихъ походовъ постоянно происходятъ совѣщанія князей и бояръ для обсужденія различныхъ военныхъ вопросовъ.

Въ 1184 году Суздальскій князь Всеволодъ вмѣстѣ съ 8 другими князьями предпринялъ походъ на Болгаръ. Когда союзники вышли въ поле, высланный впередъ сторожевой отрядъ замѣтилъ какое то войско. Оказалось, что это были Половцы. Эти Половцы предложили русскимъ заключить союзъ и вмѣстѣ воевать Болгарскую землю. На совѣтѣ князей и бояръ это предложеніе было принято.

Пошешдю же князю въ поле, узрѣша наши сторежеве полкъ въ поли, и мняху Болгарьскый полкъ: и приѣхаша 5 мужь изъ полку того, и удариша челомъ передъ княземъ Всеволодомъ, и сказаша ему рѣчь: „кланяются, княже, Половци Емякове, пришли есмы со княземъ Болгарьскымъ воеватъ Болгаръ"; князь же Всеволодъ сдумавъ съ братьею своею и съ дружиною, води ихъ въ роту въ Половецьскую.

Когда союзное войско приблизилось къ Болгарскому городу Великому, князь Всеволодъ устроилъ военный совѣтъ — „поча думати съ дружиною" (т. е. со старшими дружинниками и, конечно, съ князьями) *).

Въ разсказѣ лѣтописца о нашествіи Мамая тоже упоминается о военныхъ совѣтахъ во время похода.

И пріидоша къ Дону и сташа ту, много думающе овіи глаголаху: „поиди, княже, за Донъ", а иніи глаголаху: „не ходи, занеже умножишася врази наши, не токмо Татарове, но и Литва и Рязанцы". (Воскр., 1380, стр 37).

Приведенныя свидѣтельства памятниковъ ясно указываютъ, что вопросы объ общихъ походахъ на враговъ русской земли обсуждались на совѣщаніяхъ князей и бояръ.

Къ числу важнѣйшихъ общерусскихъ вопросовъ въ до-Монгольскомъ періодѣ относился также вопросъ о распредѣленіи княжескихъ столовъ между князьями Рюриковичами, а также судъ надъ князьями, нарушающими общеземскій миръ. Какъ обсуждались эти вопросы, свидѣтельствуютъ разсказы лѣтописца о Любечскомъ съѣздѣ, объ ослѣпленіи князя Василька и объ Увѣтичскомъ съѣздѣ.

О Любечскомъ съѣздѣ лѣтописецъ разсказываетъ слѣдующими словами:

Въ лѣто 6605. Приидоша Святополкъ, и Володимеръ, и Давыдъ Игоревичь, и Василко Ростиславичь и Давыдъ Святославичь и братъ его Олегъ, и сняшася Любячи на устроенье мира, и глаголаше къ собѣ, рекуще: „почто губимъ Русьскую землю, сами на ся котору

*) Лавр., 1184, стр. 164—165.

дѣюще? а Половци землю нашю несуть розно, и ради суть, оже межю нами рати; да нонѣ отселѣ имемъся во едино сердце и блюдемъ Рускыѣ земли, кождо да держить отчину свою: Святополкъ Кыевъ Изяславлю, Володимеръ Всеволожю, Давыдъ и Олегъ и Ярославъ Святославлю; а имъ же роздаялъ Всеволодъ городы, Давыдови Володимерь, Ростиславичема Перемышль Володареви, Теребовль Василкови". И на томъ цѣловаша крестъ: „да аще кто отселѣ на кого будеть, то на того будемъ вси и крестъ честный"; рекоша вси: „да будеть нань крестъ честный и вся земля Русьская", и цѣловавшеся поидоша восвояси. (Нач., 1097, стр. 109).

Вскорѣ послѣ Любечскаго съѣзда Кіевскій князь Святополкъ выдалъ князя Василька князю Давыду; Василько былъ ослѣпленъ.

Володимеръ же слышавъ, яко ятъ бысть Василко и слѣпленъ, ужасеся, и всплакавъ и рече: „сего не бывало есть въ Русьскѣй земли ни при дѣдѣхъ нашихъ, ни при отцихъ нашихъ, сякого зла". И ту абье посла къ Давыду и къ Олгови Святославичема, глаголя: „поидѣта къ Городцю, да поправимъ сего зла, еже ся створи се въ Русьскѣй земьли и въ насъ въ братьи, оже вверже в ны ножь; да аще сего не правимъ, то болшее зло встанеть въ насъ, и начнеть братъ брата закалати, и погыбнеть земля Руская, и врази наши Половци пришедше возмуть земьлю Русьскую". Се слышавъ Давыдъ и Олегъ, печална быста велми и плакастася, рекуща: „яко сего не было въ родѣ нашемъ". и ту абье собравъша воѣ, придоста къ Володимеру. (Нач., 1097 стр. 111).

Въ приведенныхъ случаяхъ, повидимому, вопросы рѣшаются князьями; участія бояръ не видно. Однако необходимо предположить, что бояре не только присутствовали обыкновенно на совѣщаніяхъ князей, но и принимали участіе въ обсужденія вопросовъ. Изъ дальнѣйшаго разсказа лѣтописца видно, что князья Владиміръ, Давыдъ и Олегъ послали „мужей" своихъ къ Святополку съ запросомъ: „что се створилъ еси въ Русьской земли, уверъглъ еси ножъ в ны? чему еси ослипилъ брата своего"... Святополкъ оправдывается передъ посланными „мужами": „не язъ его слѣпилъ, но Давыдъ", говоритъ онъ. „Мужи" уличаютъ Святополка:

„извѣта о семъ не мѣита, яко Давыдъ есть слѣпилъ и: и не въ Давыдовѣ градѣ ятъ есть, ни ослѣпленъ, но въ твоемъ городѣ ятъ и ослѣпленъ". (Ипат., стр. 172).

Очевидно, мужи являются здѣсь не простыми исполнителями княжескихъ порученій; необходимо предположить, что вопросъ о переговорахъ со Святополкомъ былъ рѣшенъ на совѣщаніи собравшихся князей при участіи ихъ „мужей".

Такое предположеніе вполнѣ подтверждается лѣтописнымъ разсказомъ объ Увѣтичскомъ съѣздѣ, на которомъ опредѣлено было наказаніе главному виновнику ослѣпленія Василька Давыду Игоревичу.

Въ 6608.... братья створиша миръ межи собою, Святополкъ, Володимеръ, Давыдъ, Олегъ, въ Увѣтичихъ, мѣсяца августа въ 10 день. Того же мѣсяца въ 30, томъ же мѣстѣ, братья вся сняшася, Святополкъ, Володимеръ, Давыдъ, Олегъ, и приде къ нимъ Игоревичь Давыдъ, и рече къ нимъ: „начто мя есте привабили? осе есмъ; кому до мене обида?“ И отвѣща ему Володимеръ: „ты еси прислалъ къ намъ: хочю, братья, прити къ вамъ и пожаловатися своея обиды; да се еси пришелъ и сѣдишь съ братьею своею на одиномъ коврѣ: то чему не жалуешься, до кого ти насъ жалоба?“ и не отвѣча Давыдъ ничтоже. И сташа вся братья на конихъ; и ста Святополкъ съ своею дружиною, а Давыдъ и Олегъ съ своею, разно, кромѣ собе, а Давыдъ Игоревичь сѣдяше кромѣ, и не припустяху его къ собѣ, но особь думаху о Давыдѣ. И сдумавше послаша къ Давыду мужи своѣ, Святополкъ Путяту, Володимеръ Орогостя и Ратибора, Давыдъ и Олегъ Торчина .. (Нач., 1100, стр. 116).

Въ числѣ общерусскихъ мѣропріятій упоминается въ памятникахъ изданіе общихъ законовъ. Изданіе общихъ законовъ является результатомъ совѣщанія князей и бояръ. Въ пространной редакціи „Русской Правды“ читаемъ:

По Ярославѣ же пакы совокупившеся сынове его: Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ и моужи ихъ: Коснячко, Перенѣгъ, Никифоръ и отложиша оубиеніе за головоу, но коунами ся выкоупати; а иное все якоже Ярославъ судилъ (такоже и сынове его уставиша). (Христоматія по ист. рус. пр., I, стр. 37).

Совѣщанія князей и бояръ по общерусскимъ вопросамъ происходили въ различныхъ мѣстахъ (въ Любечѣ, Увѣтичахъ, у Долобскаго озера). Наиболѣе подходящимъ мѣстомъ для такихъ совѣщаній считался Кіевъ, мать городовъ русскихъ. Въ 1096 году князья Святополкъ и Владиміръ, одержавъ побѣду надъ княземъ Олегомъ, соглашаются заключить миръ съ нимъ на слѣдующемъ условіи:

„иди къ брату своему Давыдови, и придѣта Кіеву на столъ отець нашихъ и дѣдъ нашихъ, яко то есть старѣйшей градъ въ земли во всей Кыевъ, ту достойно снятися и порядъ положити“. (Нач., стр. 98).

Когда совѣщаніе по общерусскому вопросу происходитъ въ Кіевѣ, то, сверхъ князей и бояръ, въ совѣщаніи могутъ принимать участіе простые люди—кіевляне—и кіевское духовенство. Подъ 1096 годомъ лѣтописецъ разсказываетъ слѣдующее:

> Святополкъ и Володимеръ посласта къ Олгови, глаголюща сица: „поиди Кыеву, да порядъ положимъ о Русьстѣй земли, предъ епископы и предъ игумены, и предъ мужи отець нашихъ, и предъ людми градьскыми, да быхомъ оборонили Руськую землю отъ поганыхъ“. (Нач., стр. 98).

Подобное совѣщаніе нельзя называть боярской думой и вѣчемъ Кіевской земли; это обыкновенный съѣздъ князей и бояръ; „люди градскіе“—элементъ случайный, ихъ участіе объясняется любовью нашихъ предковъ къ публичности и гласности при обсужденіи общественныхъ дѣлъ.

Ни боярская дума, ни вѣче Кіевской земли не имѣли права постановлять рѣшеній по вопросамъ общерусскимъ *).

Въ 1097 году Волынскій князь Давыдъ наговорилъ Кіевскому князю Святополку, что князь Василько и князь Владиміръ Мономахъ задумали убить его. Василько, пріѣхавшій навѣстить Святополка, былъ схваченъ и заключенъ въ оковы. Затѣмъ, Святополкъ передалъ это дѣло на разсмотрѣніе вѣча и боярской думы Кіевской земли:

> Святополкъ созва бояръ и Кыянъ, и повѣда имъ, еже бѣ ему повѣда Давыдъ: яко „брата ти убилъ, а на тя свѣчался съ Володимеромъ, и хотять тя убити и грады твоя заяти“. И рѣша боляре и людье: „тобѣ, княже, достоить блюсти головы своее; да аще есть право молвилъ Давыдъ, да пріиметь Василко казнь; аще ли неправо глагола Давыдъ, да пріиметь месть отъ Бога и отвѣчаеть предъ Богомъ“. (Нач., стр. 110).

Василько былъ ослѣпленъ. Князья Владиміръ, Давыдъ и Олегъ, узнавши объ этомъ, послали мужей своихъ къ Святополку съ такими словами:

> „что се зло створилъ еси въ Русьстѣй земли, и вверглъ еси ножъ въ ны? чему еси слѣпилъ братъ свой? аще ти бы вина кая была на нь, обличилъ бы и предъ нами, и упрѣвъ бы и створилъ ему“.. (Нач., стр. 111).

Изъ этихъ словъ видно, что, согласно юридическимъ воззрѣніямъ нашихъ предковъ, рѣшеніе общерусскаго вопроса (судъ надъ княземъ, нарушившимъ общественный миръ) принадлежитъ съѣзду князей (и бояръ), а не вѣчу и боярской думѣ Кіевской земли.

---

*) Противнаго мнѣнія придерживается проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ. „Нѣсколько разъ, говоритъ онъ, рѣшеніе общерусскихъ дѣлъ было передаваемо на разсмотрѣніе кіевскаго вѣча и кіевской боярской думы...“ („Обзоръ“, стр. 75; см. также стр. 56 и 65). Въ случаяхъ, на которые ссылается для подтвержденія этого мнѣнія авторъ „Обзора“, мы усматриваемъ съѣздъ князей и бояръ въ Кіевѣ.

Совѣщанія князей и бояръ по общерусскимъ вопросамъ являются соединенными засѣданіями князей и боярскихъ думъ отдѣльныхъ земель. Съ установленіемъ единодержавія вопросы общерусскіе становятся вопросами московскими или литовскими, боярская дума Московскаго государства и рада Литовско-Русскаго государства заступаютъ мѣсто совѣщаній князей и бояръ отдѣльныхъ древнерусскихъ земель.

Выше приведено было свидѣтельство Русской Правды о томъ, что изданіе нѣкоторыхъ законовъ было результатомъ совѣщаній князей и бояръ отдѣльныхъ земель. Во второй половинѣ XV вѣка Судебникъ Казимира изданъ былъ великимъ княземъ и радой великаго княжества Литовскаго*), а Судебникъ Іоанна III великимъ княземъ и боярской думой великаго княжества Московскаго.

---

*) Порядокъ изданія Судебника указывается въ слѣдующихъ словахъ: „мы съ князьми и съ паны-радою нашею великаго князьства Литовьскаго и съ всимъ поспольствомъ согадавши, урядили есмо"... Подъ именемъ поспольства, по справедливому замѣчанію проф. М. Ф. Владимирскаго-Буданова, здѣсь разумѣются всѣ классы общества, составлявшіе вѣче". (Христоматія по ист. рус. пр., II, стр. 36). Въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ о вѣчѣ города Вильны. Но вѣче города Вильны не было органомъ верховной власти въ Литовско-русскомъ государствѣ второй половины XV в. Верховная властя принадлежала великому князю и радѣ. „Все поспольство" города Вильны въ данномъ случаѣ имѣетъ такое же значеніе, какое раньше имѣли „люди градскіе" на совѣщаніяхъ князей и бояръ, происходившихъ въ Кіевѣ.

VIII.

Боярская дума въ отдѣльныхъ земляхъ.

Приблизительно до конца XII вѣка во всѣхъ русскихъ земляхъ элементы—монархическій, аристократическій и демократическій—находятся до извѣстной степени въ состояніи равновѣсія. Но разнообразныя условія исторической жизни отдѣльныхъ древнерусскихъ земель должны были нарушить это равновѣсіе и сообщить особенныя черты государственному строю отдѣльныхъ земель. Эти особенности обнаруживаются приблизительно съ конца XII в.: въ отдѣльныхъ земляхъ одно изъ указанныхъ началъ—монархическое, демократическое или аристократическое—беретъ перевѣсъ надъ двумя другими.

1. Суздальская земля и великое княжество Московское.

На сѣверо-востокѣ преобладаетъ монархическое начало; княжеская власть усиливается и беретъ перевѣсъ надъ боярской думой и вѣчемъ.

Усиленіе княжеской власти на сѣверо-востокѣ, закончившееся торжествомъ самодержавія, идетъ параллельно съ образованіемъ единодержавія.

Первая попытка образованія единодержавія принадлежитъ Суздальскому князю Андрею Боголюбскому и его брату Всеволоду III. Андрей Боголюбскій поддерживаетъ единство Суздальской земли, существовавшее при его отцѣ Юріѣ Долгорукомъ: онъ выгналъ своихъ братьевъ и племянниковъ, „хотя самовластецъ быти всѣй Суздальской земли“, по выраженію лѣтописца *).

---

*) Ипат., 1162, стр. 356.

Не довольствуясь объединеніемъ Суздальской земли, Андрей Боголюбскій и Всеволодъ III стремятся поставить въ зависимость отъ себя другія земли. Рязанскіе князья дѣлаются подручниками" Суздальскаго князя; ему повинуются Смоленскіе князья; Новгородцы признаютъ, что Новгородъ его „отчина и дѣдина"; наконецъ онъ распоряжается Кіевскимъ столомъ, а также столами въ другихъ земляхъ. „Великый княже Вьсеволоде!.. ты можеши веслы Волгу раскропити, а Донъ шеломы выльяти". Эти слова пѣвца „Слова о полку Игоревѣ" указываютъ на могущество Суздальскаго князя.

Послѣ смерти Всеволода начались усобицы между его сыновьями. Суздальская земля дѣлится на отдѣльныя княжества. Одно изъ этихъ княжествъ—Тверское—достигаетъ полной самостоятельности и совершенно выдѣляется изъ состава Суздальской земли. Другія княжества объединяются вокругъ Москвы.

Возстановивъ единство Суздальской земли, великіе князья Московскіе продолжаютъ начатое Суздальскими князьями Андреемъ Боголюбскимъ и Всеволодомъ III дѣло образованія единодержавія. Въ первой половинѣ XVI вѣка образованіе единодержавія закончилось. Къ тому же времени власть великаго князя Московскаго сдѣлалась самодержавной. Герберштейнъ слѣдующими словами характеризуетъ власть Василія III: „онъ имѣетъ власть какъ надъ свѣтскими, такъ и надъ духовными людьми и свободно распоряжается жизнью и имуществомъ всѣхъ".

Вопросъ о причинахъ усиленія княжеской власти въ землѣ Суздальской и затѣмъ въ великомъ княжествѣ Московскомъ неоднократно обсуждался въ нашей исторической литературѣ.

По мнѣнію проф. Владимирскаго-Буданова, „обстоятельства, вызвавшія на сѣверо-востокѣ усиленіе княжеской власти, заключались въ мѣстныхъ особенностяхъ этой страны, именно уединенности ея отъ центра междукняжескихъ усобицъ и въ такихъ экономическихъ условіяхъ, которыя препятствовали образованію здѣсь сильнаго боярства и большихъ городскихъ общинъ" *).

Дальнѣйшее усиленіе власти Московскихъ государей проф. Сергѣевичъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ: „Это явленіе многопричинное. Ростъ царской власти обусловливается: 1) ученіемъ

*) Обзоръ ист. рус. пр. стр. 14.

духовенства о божественномъ происхожденіи власти; 2) проповѣдью духовенства о повиновеніи и покореніи властямъ. Это двѣ самыхъ древнихъ причины. Дѣйстіе ихъ началось съ принятія христіанства. Съ возникновенія Московскаго удѣла къ этимъ причинамъ присоединяется 3-я, переносъ метрополіи въ Москву, сдѣлавшій этотъ городъ религіознымъ центромъ Россіи. Пребываніе митрополита въ Москвѣ выгодно отличило Московскаго князя отъ всѣхъ другихъ; а естественная съ этого времени близость его съ митрополитомъ и масса общихъ интересовъ должны были способствовать усиленію его власти. Въ своихъ собственныхъ интересахъ митрополитъ долженъ былъ поддерживать вел. кн. Московскаго. Въ 4-хъ, имѣетъ значеніе и причина, отмѣченная Карамзинымъ въ извѣстномъ изреченіи: Москва обязана своимъ величіемъ ханамъ. Въ 5-хъ, политика такихъ Московскихъ государей, какъ Дмитрій Донской, Иванъ Васильевичъ, его сынъ и внукъ. Благодаря ихъ генію и дальнозоркости, возникаетъ идея недѣлимости великаго княженія, княжеская казна наполняется деньгами, границы Московскаго государства расширяются и получается возможность установить обязательную службу помѣщиковъ и вотчинниковъ. Въ 6-хъ, надо признать и мысль Соловьева: для возвышенія Московскихъ князей надъ другими „нужна была помощь преданій имперіи: эти то преданія и были принесены въ Москву Софіею Палеологъ“... пріѣздъ греческой царевны могъ произвести перемѣну во внѣшней обстановкѣ жизни Московскихъ Государей, а это могло способствовать возвеличенію ихъ власти въ глазахъ народа. Въ 7-хъ, прекращеніе династіи Рюриковичей и всенародное избраніе новой, положило конецъ удѣламъ и навсегда закрѣпило мысль объ единомъ государствѣ и единомъ царѣ“ *).

Вмѣстѣ съ усиленіемъ княжеской власти падаетъ на сѣверовостокѣ значеніе вѣча и боярской думы. Вѣчевыя собранія постепенно прекращаются. Упадокъ вѣчевого строя вызывается съ одной стороны татарскимъ игомъ, съ другой стороны успѣхами единодержавія. „Татарское завоеваніе, перенеся центръ тяжести политической жизни въ Орду и обезсиливъ населеніе поборами

---

*) Рус. Юрид. Др., II, стр. 615—616. См. также Н. Загоскина, Исторія права Москов. госуд., I, стр. 11-27, и курсы русской исторіи Соловьева (кн. I, стр. 489 и слѣд., 1113 и слѣд.), Бестужева-Рюмина (I, стр. 387—392), Иловайскаго (т. I, ч. 2, глава XVII и т. II, гл. I). Въ сочиненіяхъ Загоскина, Бестужева-Рюмина и Иловайскаго указана литература вопроса.

и грабежемъ, подорвало въ корнѣ участіе народа въ общественныхъ дѣлахъ" *). Съ успѣхами единодержавія образовалась обширная государственная территорія, несоотвѣтствующая вѣчевому строю **).

Вѣчевыя собранія сохраняются, какъ органы мѣстнаго управленія, и послѣ татарскаго нашествія (подобно пригороднымъ вѣчамъ болѣе ранней эпохи). Органами верховной власти вѣча перестаютъ быть уже съ половины XIII в. Но съ паденіемъ вѣчевыхъ собраній, какъ органовъ верховной власти, не исчезаетъ изъ народнаго сознанія принципъ народоправства. Этотъ принципъ выражается въ правѣ петицій („челобитій"), принадлежавшемъ какъ отдѣльнымъ лицамъ, такъ и цѣлымъ классамъ населенія Московскаго государства. Отвѣтомъ на „челобитія" населенія было изданіе великимъ княземъ Московскимъ уставныхъ грамотъ, ограничивающихъ произволъ намѣстниковъ и волостелей, уставныхъ грамотъ, опредѣляющихъ порядокъ мѣстнаго самоуправленія губного и земскаго и др. мѣры. Эти отдѣльныя мѣры, предпринятыя относительно отдѣльныхъ мѣстностей, санкціонируются затѣмъ общимъ закономъ, изданнымъ царемъ и боярской думой.

Такимъ образомъ въ Московскомъ государствѣ, при весьма значительномъ преобладаніи княжеской власти, въ созданіи важнѣйшихъ реформъ государственной жизни принимаетъ участіе и боярская дума и народъ, подающій челобитія *).

Право челобитій открываетъ демократическому элементу возможность лишь случайнаго участія въ верховномъ управленіи. Въ XVI вѣкѣ, когда процессъ установленія единодержавія закончился и когда власть великаго князя сдѣлалась самодержавной, сознается необходимость правильнаго и организованнаго участія демократическаго начала въ верховномъ управленіи рядомъ съ началомъ монархическимъ и аристократическимъ. Князь Курбскій указываетъ на необходимость для монарха „искать добраго и полезнаго совѣта не токмо у совѣтниковъ, но и у всенародныхъ человѣкъ". Какой то книжникъ XVI вѣка влагаетъ въ уста Новгородскихъ чудотворцевъ, основателей Валаамской обители, мысль

---

*) Рус. Юрид. Др. II, стр. 38.
**) Тамъ же, стр. 40. Обзоръ ист. рус. пр., стр. 66.
***) И. Дитятинъ, Статьи по исторіи русскаго права, стр. 272—286. См. также Н. Загоскина, Уставныя грамоты XIV—XVI вв...

о необходимости для царя обращаться не только къ боярской думѣ, но и къ „вселенскому совѣту“, состоящему изъ „всякихъ людей отъ всѣхъ градовъ своихъ и отъ уѣздовъ градовъ тѣхъ“ *).

Выраженныя въ этихъ пожеланіяхъ потребности государственной жизни не остались не удовлетворенными; демократическое начало допускается къ участію въ верховномъ управленіи въ новой формѣ, въ формѣ народнаго представительства: въ половинѣ XVI вѣка появляются земскіе соборы. Начиная съ этого времени въ продолженіе болѣе ста лѣтъ въ наиболѣе критическіе моменты государственной жизни созываются земскіе соборы, заключающіе въ себѣ всѣ три элемента—монархическій (царь), аристократическій (боярская дума) и демократическій (представители „всякихъ чиновъ всей земли“).

Между княжеской властью и боярской думой въ Суздальской землѣ на первыхъ порахъ происходитъ борьба. По словамъ лѣтописца, Андрей Боголюбскій

> выгна епископа Леона исъ Суждаля, и братью свою погна Мстислава и Василка, и два Ростиславича сыновца своя, мужи отца своего передни. Се же створи хотя самовластець быти всѣй Суждальской земли“. (Ипат., 1162, стр. 356).

Стремленіе къ „самовластію“, обнаруженное Андреемъ Боголюбскимъ, обозначаетъ стремленіе къ единодержавію и къ самодержавію.

Для достиженія первой цѣли необходимо было прежде всего поддержать единство Суздальской земли: только единая, нераздробленная Суздальская земля могла подчинить и дѣйствительно подчинила (см. выше) своему вліянію другія земли; но наличность другихъ князей грозила именно раздѣленіемъ Суздальской земли на части; необходимо было устранить препятствіе—избавиться отъ этихъ князей.

Препятствіе для достиженія второй цѣли встрѣчено было со стороны боярской думы; необходимо устранить и это препятствіе: члены боярской думы (если не всѣ, то, по крайней мѣрѣ, наиболѣе вліятельные—епископъ и „передніе мужи“) изгоняются изъ Суздальской земли**). Однако не легко было сразу одержать по-

---

*) Сказанія князя Курбскаго, стр. 45. „Православный Собесѣдникъ“, 1863, № 1, стр. 292 и слѣд.

**) Иначе объясняетъ приведенное мѣсто лѣтописи проф. Сергѣевичъ. См. Лекціи и изслѣдованія..., стр. 59.

бѣду надъ боярами: Андрей Боголюбскій палъ жертвой заговора бояръ. Современники прекрасно понимали причины борьбы князя съ боярами. Лѣтописецъ является сторонникомъ князя. По поводу убійства Андрея Боголюбскаго онъ излагаетъ, основанную на словахъ Священнаго Писанія, теорію монархической власти:

> Павелъ апостолъ глаголеть: всяка душа властелемъ повинуется, власти бо отъ Бога учинени суть. Естьствомь бо земнымъ подобенъ есть всякому человѣку царь, властью же сана яко Богъ, вѣща бо великый Златоустець; тѣмже противяся волости противятся закону Божью, князь бо не туне мечь носить, Божій бо слуга есть. (Лавр., 1175, стр. 157).

Послѣ смерти Андрея Боголюбскаго при князьяхъ Ростиславичахъ вліяніе бояръ усиливается. Молодые князья, по словамъ лѣтописца, „слушали бояръ".

Всеволодъ III является продолжателемъ намѣченной Андреемъ Боголюбскимъ политики. Дѣлая характеристику этого князя, лѣтописецъ указываетъ на то, что онъ судилъ „судъ истиненъ и нелицемѣренъ, не обинуяся лица сильныхъ своихъ бояръ, обидящихъ меншихъ и работающихъ сироты и насилье творящимъ" *). Эти слова свидѣтельствуютъ о томъ, что борьба между княземъ и боярами продолжалась при Всеволодѣ и окончилась побѣдой князя.

Борьба князя съ боярами не обозначаетъ стремленія совершенно устранить бояръ отъ участія въ верховномъ управленіи. Это борьба за преобладаніе, а не борьба за существованіе. И во время борьбы боярская дума выступаетъ, какъ органъ верховнаго управленія.

Андрей Боголюбскій, послѣ совѣщанія съ боярской думой, отправилъ посла къ Константинопольскому патріарху съ ходатайствомъ объ учрежденіи самостоятельной митрополіи Владимирской **).

Всеволодъ III въ 1200 году, „сдумавъ съ дружиною своею", посылаетъ на Новгородскій столъ своего сына Святослава ***).

Тотъ же Всеволодъ III передаетъ на обсужденіе боярской думы вопросъ о наслѣдованіи великокняжескаго Владимирскаго престола.

---

*) Лавр., 1212, стр. 185.
**) Лавр., 1200, стр. 175.
***) См. выше, стр. 107—108.

> Князь великиі Всеволодъ Юрьевичъ созва вся бояре своя, и нача смышляти о сыне своемъ Костянтине, и много о семъ словесъ быша, и не може, како уставити о немъ. Такожъ посла по отца своего Иванна епископа, и много совѣтоваша о семъ; но убо князь великиі Всеволодъ восхотѣ дати Володимеръ другому сыну своему князю Юрью. (Ник., II, 1212, стр. 311).

Епископъ и бояре (за исключеніемъ нѣкоторыхъ „думцевъ") были, очевидно, на сторонѣ Константина; тѣмъ не менѣе преемникомъ великокняжескаго стола назначенъ былъ Юрій, помимо старшаго своего брата. Для того, чтобы обезпечить ненарушимость своей воли, Всеволодъ

> созва всѣхъ бояръ своихъ съ городовъ и съ волостей, и епископа Іоана, и игумены, и попы, и купцы, и дворяны и вси люди, и да сыну своему Юрью Володимерь по себѣ и води всѣхъ ко кресту, и цѣловаша вси людіе на Юріи. (Воскр., 1212, стр. 117).

Описанное собраніе—вѣче города Владимира съ участіемъ боярской думы Суздальской земли На вѣчѣ „вси людіе" цѣлуютъ крестъ Юрію. Это цѣлованіе креста новость, указывающая на усиленіе княжеской власти: одностороннее цѣлованіе креста замѣнило старинный обычай избранія князя народомъ и ряда съ княземъ. Для цѣлованія креста созвана была боярская дума весьма полнаго состава: созваны были „всѣ бояре съ городовъ и съ волостей", а также высшіе представители духовенства—епископъ и игумены.

Первое же дѣйствіе новаго Владимирскаго князя Юрія предпринимается по совѣту съ боярской думы. Послѣ смерти Всеволода, разсказываетъ лѣтописецъ,

> Георгій, сынъ его, сѣде по немъ въ Володимери, и сдумавъ съ братьею своею и съ бояры и отпусти князи Рязаньскіе во свою отчину. (Воскр., 1212, стр. 118).

Черезъ нѣсколько лѣтъ Юрій вынужденъ былъ уступить Владимирскій столъ старшему брату Константину. При Константинѣ между княжеской властью и боярами существуетъ полное согласіе: когда Константинъ умеръ, бояре оплакивали его, „яко заступника земли" *)

Младшій сынъ Александра Невскаго Даніилъ начинаетъ собою рядъ Московскихъ князей, обладающихъ тѣми качествами, кото-

---

*) Лавр., 1218, стр. 188.

рые способствовали быстрому возвышенію Москвы,—ловкостью, осторожностью, практическою мудростью.

Однимъ изъ замѣчательныхъ событій княженія Даніила Александровича является его столкновеніе съ княземъ Рязанскимъ. Разсказъ лѣтописи весьма кратокъ; изъ него не видно, какое участіе принимали бояре въ этой борьбѣ Москвы съ Рязанью. Въ Лаврентьевской лѣтописи подъ 1301 годомъ записано:

Того же лѣта, въ осенинѣ, Данило, князь Московьскый приходилъ на Рязань ратью, и билися у Переяславля, и Данило одолѣлъ, много и татаръ избито бысть, и князя Рязаньского Костянтина нѣкакою хитростью ялъ, и приведъ на Москву. (Стр. 209).

Въ Никоновской лѣтописи сообщается одна подробность, отчасти выясняющая эту „хитрость" Московскаго князя:

Князя ихъ Костянтина Романовича рязанскаго некоею хитростию ялъ, кромолою ихъ же бояръ рязанскихъ. (III, стр. 98).

Обстоятельство достопримѣчательное! Въ процессѣ установленія Московскаго единодержавія и усиленія власти Московскихъ государей бояре играютъ весьма значительную роль: возвышеніе Москвы объясняется, кромѣ прочихъ причинъ (указанныхъ въ приведенныхъ выше мнѣніяхъ проф. М. Ф. Владимирскаго-Буданова и В. И. Сергѣевича), также и содѣйствіемъ бояръ; наоборотъ, паденіе другихъ княжествъ объясняется между прочимъ и измѣною бояръ и переходомъ ихъ на службу къ болѣе сильному Московскому князю.

Важнѣйшее событіе княженія Даніила Александровича—это присоединеніе къ Московскому удѣлу Переяславля-Залѣсскаго. Разсказъ лѣтописи объ этомъ событіи весьма кратокъ:

Въ лѣто 6810. Преставися князь Иванъ Дмитріевичь въ Переяславли, маіа 15; бѣ же чадъ не имѣя, и дасть отчину свою Переяславль князю Данилу Александровичю Московскому, того бо паче всѣхъ любяше. (Воскр., 1302, стр. 183).

Преемникъ Даніила Александровича Юрій Даніиловичъ уже вступаетъ въ борьбу съ Тверскимъ княземъ Михаиломъ Александровичемъ за обладаніе великокняжескимъ Владимирскимъ столомъ. Разсказы лѣтописца объ этой борьбѣ отличаются краткостью. Но въ лѣтописный разсказъ вставлено болѣе подробное жизнеописаніе Михаила Александровича, князя Тверского. Тверь того времени не отличалась отъ Москвы: сообщаемые въ жизнеописаніи Михаила Александровича подробности политическаго

быта Тверского княжества характеризуютъ и политическій бытъ Московскаго княжества. Насъ въ данномъ случаѣ интересуетъ одна сторона политическаго быта, а именно—значеніе боярской думы. Оказывается, что важнѣйшіе вопросы рѣшаются княземъ и боярской думой. Въ засѣданіи боярской думы обсуждается вопросъ о войнѣ съ Московскимъ княземъ; въ засѣданіи боярской думы обсуждается и вопросъ о поѣздкѣ князя въ Орду*).

При Иванѣ Калитѣ борьба между Москвой и Тверью оканчивается; перевѣсъ оказался на сторонѣ Москвы. Такому исходу борьбы способствовалъ переходъ бояръ Тверскихъ въ Москву.

Тогожъ лѣта съѣхаша боярѣ мнози от князя Александра Михаиловича Тверскаго на Москву к великому князи Івану Даниловичу. (Ник., 1337, III, стр. 134).

Кромѣ Тверскихъ бояръ, начинаютъ переходить на службу къ Московскому великому князю и бояре изъ другихъ земель. Изъ Кіева пришелъ бояринъ Родіонъ Нестеровичъ, который привелъ съ собой многочисленную дружину.

Того же лѣта (1332) по званію Великаго князя Іоанна пріиде къ нему нѣкто отъ Кіевскихъ благоплеменныхъ Вельможъ служити, Родіонъ Несторовичъ, а съ нимъ сынъ его Иванъ, и съ нимъ же Княжата и Дѣти Боярскія и двора его до тысящи и до семи сотъ. (Карамзинъ, Исторія гос. рос., 324 примѣчаніе къ IV тому).

Бояре являются ближайшими сотрудниками и помощниками великаго князя Московскаго. По свидѣтельству „повѣсти о преподобномъ Сергіѣ", при Иванѣ Калитѣ присоединено было къ Москвѣ путемъ захвата Ростовское княжество. Этотъ захватъ совершенъ былъ бояриномъ Василіемъ Кочевой и Миняемъ**).

Однимъ изъ первыхъ событій въ княженіе Семеона Гордаго было заключеніе договора съ братьями. На договорной грамотѣ находимъ подписи 2 представителей церкви (архимандритовъ) и 6 бояръ***).

При томъ же князѣ преемникомъ митрополита Өеогноста избранъ былъ святой Алексѣй; въ избраніи, кромѣ собора духовенства, принимала участіе боярская дума†).

Въ своей духовной грамотѣ великій князь Семеонъ Гордый убѣждаетъ своихъ братьевъ слушать святителя Алексѣя и старыхъ бояръ†*).

*) Воскр., 1319, стр. 190—191; Соф. I, 1319, стр. 208—210. См. выше, стр. 102, 129.
**) Никон., IV, стр. 204.
***) Собр. Гос. Гр. и Дог., I, № 23. См. выше, стр. 98.
†) См. выше, стр. 108—109.
†*) См. выше, стр. 91.

Преемникомъ Семеона Гордаго былъ братъ его Иванъ Ивановичъ. При этомъ малоспособномъ правителѣ митрополитъ Алексѣй и бояре должны были играть значительную роль. Митрополитъ Алексѣй два раза побывалъ въ Ордѣ и улаживалъ отношенія Татаръ къ Москвѣ.

Договоръ, заключенный въ 1341 году между Семеономъ Гордымъ и его братьями, свидѣтельствуютъ, что бояринъ Алексѣй Петровичъ завелъ какую то крамолу противъ великаго князя. Самъ Алексѣй Петровичъ былъ изгнанъ, его имѣнія были конфискованы. Семеонъ Гордый и его братья поклялись не принимать на службу ни Алексѣя Петровича, ни его дѣтей и не возвращать ему его имѣній. Затѣмъ, лѣтописецъ подъ 1356 годомъ сообщаетъ слѣдующее:

> тое же зимы ѳевраля 3, егда заутреню благовѣстятъ, убіенъ бысть Алексѣй Петровичь тысяцкій; убіеніе же его дивно нѣкако и незнаемо, аки ни отъ кого же, никѣмъ же, токмо обрѣтеся на площади лежа; нѣціи же глаголютъ, яко втаю съвѣтъ сътвориша и ковъ коваша на нь, и тако всѣхъ боаръ общею думою убіенъ бысть, да якоже Андрей Боголюбивый отъ своихъ рабъ Кучковичь, тако и сій отъ своеа дружины пострада. (Воскр., 1356, стр. 10).

При Иванѣ Ивановичѣ такимъ образомъ договоръ былъ нарушенъ: бояринъ Алексѣй Петровичъ получилъ важную должность тысяцкаго. Занимая эту должность мятежный бояринъ могъ пріобрѣсти расположеніе народа и быть опаснымъ противникомъ власти великаго князя. Бояре выступаютъ въ роли охранителей власти великаго князя. Алексѣй Петровичъ убитъ былъ „общею думою всѣхъ бояръ". По свидѣтельству Никоновской лѣтописи, это убійство тысяцкаго вызвало нородное волненіе, и бояре вынуждены были на время скрыться изъ Москвы.

> И бысть мятежъ велии на Москвѣ того ради убииства. И тако тое же зимы по послѣднемъ пути большии бояре московстии отъѣхаша на Рязань з женами и з дѣтьми. (Ник., III, стр. 208).

Иванъ Ивановичъ умеръ сравнительно молодымъ человѣкомъ, 33 лѣтъ. Послѣ его смерти Московскій княжескій домъ состоялъ изъ двухъ малолѣтнихъ сыновей покойнаго великаго князя (Дмитрія—8 лѣтъ и Ивана—6 лѣтъ) и малолѣтняго же племянника его (Владимира—6 лѣтъ). Не смотря на малолѣтство представителей княжескаго дома, начавшійся уже процессъ установленія Московскаго единодержавія и усиленія княжеской власти не

прекращается благодаря правительственной дѣятельности бояръ. Справедливую оцѣнку дѣятельности бояръ послѣ смерти великаго князя Ивана Ивановича сдѣлалъ уже Погодинъ въ статьѣ „Древняя русская аристократія": „Тогда то выступили на сцену Московскіе бояре. Они съумѣли воспользоваться междоусобіями, возникшими въ Ордѣ, и исходатайствовали первенство своему молодому князю у новаго хана Мурута, который, послѣ многихъ кровопролитій, овладѣлъ тогда Ордою. Получивъ его соизволеніе, они силою выгнали князя Суздальскаго изъ Владимира, и даже послѣ, когда черезъ два года Мурутъ, оскорбленный ихъ сношеніями съ его соперникомъ, Авдуломъ, повелѣлъ возвратить Дмитрію Константиновичу отнятый у него престолъ, они осмѣлились презрѣть ханское повелѣніе, предприняли новый походъ на Владимиръ, выгнали опять прибывшаго туда Димитрія Константиновича, и утвердили Великое Княженіе за своимъ княземъ. Этого мало: они начали стѣснять удѣльныхъ князей гораздо сильнѣе прежняго, присоединять къ Москвѣ ихъ города, принимать участіе въ ихъ распряхъ, звать на судъ въ Москву и тѣмъ пріучать къ подчиненности; одннмъ словомъ они утвердили Московскую политику, поставили ей цѣль, дали примѣры, коимъ Димитрій имѣлъ заслугу слѣдовать" *).

Въ памятникахъ находимъ указанія на слѣдующіе факты дѣятельности боярской думы въ княженіе Дмитрія Ивановича:

Въ 1366 году, послѣ большого пожара, вмѣсто обгорѣвшихъ стѣнъ дубоваго города, приступлено было къ сооруженію каменнаго кремля въ Москвѣ.

> Тое же зимы князь великій Дмитрей съ братомъ княземъ Володимеромъ Андрѣевичемъ замыслиша ставити городъ Москву каменъ. (Воскр., 1366, стр. 14).

По свидѣтельству Никоновской лѣтописи, это рѣшеніе явилось результатомъ обсужденія вопроса въ боярской думѣ.

> Князь великии Дмитрей Ивановичь посовѣтова со княземъ Володимеромъ Андрѣевичемъ, иже бѣ братъ ему изъ двоюродныхъ, и со всѣми своими старѣйшими бояры ставити градъ Москву камену, да еже умыслиша то и сотвориша, тое же убо зимы повезоша камень ко граду. (Ник., IV, 1365, стр. 13).

---

*) Московитянинъ, 1847, часть первая, стр. 85—86.

Борьба съ княземъ Тверскимъ вовлекла Дмитрія Ивановича въ войну съ Ольгердомъ. Въ 1371 году былъ заключенъ договоръ между Дмитріемъ Ивановичемъ и Ольгердомъ при участіи боярской думы. Объ этомъ участіи боярской думы свидѣтельствуетъ конецъ договора:

> Отъ великого князя отъ Дмитрея Ивановича и отó князя Володимера Андрѣевича, целовали крестъ Дмитрей Михайловичь, Иванъ Михайловичь, Дмитрий Олександровичь, Иванъ Федоровичь. (Собр. Гос. Гр. и Дог., I, № 31).

Важнѣйшимъ событіемъ княженія Дмитрія Ивановича, безспорно, является его борьба съ Татарами. Выше приведены свидѣтельства памятниковъ объ участіи боярской думы въ разрѣшеніи вопросовъ, вызванныхъ этой борьбой *).

Выше приведено также свидѣтельство лѣтописи объ участіи боярской думы въ избраніи митрополита **).

Послѣднее событіе княженія Дмитрія Ивановича—предсмертныя распоряженія дѣтямъ. Эти распоряженія сдѣланы великимъ княземъ въ присутствіи членовъ боярской думы и, вѣроятно, послѣ совѣщанія съ ними. Въ концѣ духовной грамоты читаемъ:

> А писалъ есмъ сю грамоту передъ своими отци, передъ Игуменомъ передъ Сергиемъ, передъ Игуменомъ передъ Савастьяномъ; а туто были Бояре наши Дмитрий Михайловичь, Тимофѣй Васильевичь, Иванъ Родивоновичь, Семенъ Васильевичь, Иванъ Федоровичь, Олександръ Аньдрѣевичь, Федоръ Аньдрѣевичь, Федоръ Аньдрѣевичь, Иванъ Федоровичь, Иванъ Аньдрѣевичь. (Собр. Гос. Гр. и Дог., I, № 34).

Общая оцѣнка значенія и дѣятельности боярской думы въ княженіе Дмитрія Ивановича сдѣлана въ „Словѣ о житіи и преставленіи великаго князя Дмитрія Ивановича, царя Русскаго“. По свидѣтельству „Слова“, Дмитрій Ивановичъ завѣщалъ своимъ дѣтямъ ничего не предпринимать безъ совѣта съ боярами ***). Обращаясь, затѣмъ, къ боярамъ, великій князь указываетъ, что бояре были его неразлучными, постоянными помощниками въ дѣлахъ правленія †).

Василій Дмитріевичъ занялъ великокняжескій столъ молодымъ человѣкомъ: ему еще не было 18 лѣтъ. Можно полагать, что

*) См. выше, стр. 141, 142.
**) См. выше, стр. 109.
***) См. выше, стр. 91.
†) См. выше, стр. 75.

молодой государь слѣдовалъ завѣту покойнаго отца—слушать бояръ и ничего не предпринимать безъ ихъ согласія; можно думать поэтому, что въ отмѣченныхъ памятниками событіяхъ начала княженія Василія Дмитріевича боярская дума принимала дѣятельное участіе*). Къ такимъ событіямъ относятся: пріобрѣтеніе ханскаго ярлыка на великое княженіе, женитьба на дочери Литовскаго великаго князя Витовта, столкновеніе и, затѣмъ, заключеніе договора съ дядей Владиміромъ Андреевичемъ, присоединеніе Нижегородскаго княжества.

Въ разсказѣ лѣтописи о присоединеніи Нижегородскаго княжества указывается на значеніе бояръ. Нижегородскій князь Борисъ Константиновичъ потерялъ княжескій столъ благодаря переходу Нижегородскихъ бояръ на сторону великаго князя Московскаго**). Великій князь Московскій утвердилъ свою власть въ Нижнемъ при содѣйствіи своихъ бояръ.

> Князь великій Василій Дмитреевичь иде съ Москвы въ Новъгородъ Нижній, и съ нимъ боаре его старѣйшіи, и пребысть тамо до Рожества Христова, и паки възвратися на Москву, намѣстничьство приказа Дмитрію Александровичю Всеволожю. (Воскр., 1392, стр. 62).

Послѣдующія событія княженія Василія Дмитріевича вращаются главнымъ образомъ вокругъ отношеній Москвы къ Литвѣ и къ Ордѣ. Боярская дума принимаетъ участіе въ разрѣшеніи вопросовъ, вытекающихъ изъ этихъ отношеній.

Такъ, во время нашествія Татарскаго войска подъ предводительствомъ Темиръ-Аксака состоялось постановленіе боярской думы о перенесеніи въ Москву иконы Божьей Матери***).

Въ 1409 году Татарскій князь Едигей началъ побуждать великаго князя Василія Дмитріевича воевать съ Витовтомъ, при чемъ предлагалъ свою помощь. Этотъ вопросъ о войнѣ съ Витовтомъ и о союзѣ съ Татарами обсуждался въ засѣданіи боярской думы.

> Князь великиіжъ Василеи Дмитреевичъ собравъ свои князи и бояре і думцы поведа имъ таковая словеса: князиже и бояре и думцы воз-

---

*) Таково и мнѣніе Карамзина: „Великій князь, едва вступивъ въ лѣта юношества, могъ править Государствомъ только съ помощію Совѣта; окруженный усердными боярами и сподвижниками Донского, онъ заимствовалъ отъ нихъ сію осторожность въ дѣлахъ государственныхъ, которая ознаменовала его тридцатишестилѣтнее княженіе, и которая бываетъ свойствомъ аристократія, движимой болѣе заботливыми предвидѣніями ума, нежели смѣлыми внушеніями великодушія“. (Ист. гос рос., кн. V, т. II, стр. 71—72).

**) Твер., 1392, стр. 446. Ник., 1391, стр. 240—241. См. выше, стр. 73.

***) См. выше, стр. 110—111.

радовашася и вся Москва веселяшесь едигѣевеи любви къ великому князю Василью Дмитриевичу, и глаголаша, Орда вся въ воли великого князя Василья Дмитреевича да кого хощетъ воюетъ... И начаша воевати Литву. (Ник., V, стр. 21).

Во время борьбы съ Литвой князья и бояре переходятъ изъ Литвы въ Москву. Подъ 1408 годомъ лѣтописецъ разсказываетъ:

Мѣсяца іюля 26 пріѣде къ великому князю изъ Дьбрянска князь Литовьскій Швитригайло Олгердовичь служити, а съ нимъ владыка Дьбрянскій Исакій, да съ нимъ же князь Патрекѣй Звенигородскій, и князь Александръ Звенигородскій, исъ Путивля князь Феодоръ Александровичь, князь Семенъ Перемылшьскій, князь Михайло Хотѣтовьскы, князь Урустай Менскій, и бояре Черниговскіе и Дьбрянскіи и Стародубьскіи, и Любутскіе и Рославскіе; князь же великій Василей Дмитреевичь пріатъ его съ честью, и дасть ему градъ Володимерь... (Воскр., 1408, стр. 82).

Въ Никоновской лѣтописи разсказъ о переходѣ Свидригелла въ Москву оканчивается характернымъ замѣчаніемъ лѣтописца: „и радъ бысть ему князь великиі со всѣми бояры своими“ *). Переходъ князей и бояръ на службу въ Москву усиливаетъ великаго князя Московскаго; такому усиленію власти великаго князя „радуются“ бояре.

Въ 1425 году умеръ великій князь Московскій Василій Дмитріевичъ; на великомъ княженіи сѣлъ его сынъ Василій Васильевичъ, которому въ то время было, по словамъ лѣтописи, 10 лѣтъ безъ 13 дней **). Дѣйствительное управленіе государствомъ находилось, конечно, въ рукахъ боярской думы.

Однимъ изъ первыхъ мѣропріятій боярской думы было заключеніе договора съ претендентомъ на великокняжескій престолъ дядей великаго князя княземъ Галицкимъ Юріемъ Дмитріевичемъ. По постановленію боярской думы, для заключенія договора отправился митрополитъ Фотій ***). Былъ заключенъ договоръ слѣдующаго содержанія:

Князю Юрію не искати княженія великаго собою, но царемь: которого царь пожалуетъ, той будеть князь велики.

Черезъ нѣсколько лѣтъ Юрій Дмитріевичъ и Василій Васильевичъ отправились въ Орду. Василія Васильевича сопровождалъ одинъ изъ вліятельныхъ членовъ боярской думы—бояринъ Иванъ

*) Ник., V, стр. 221.
**) Воскр., 1425, стр. 92.
***) См. выше, стр. 137.

Дмитріевичъ Всеволожскій. Онъ съумѣлъ расположить Татарскихъ князей и самого хана въ пользу Василія Васильевича, и послѣдній получилъ ярлыкъ на великое княженіе*).

Получивъ ярлыкъ на великое княженіе благодаря боярину Всеволожскому, Василій Васильевичъ очень скоро временно лишился великокняжескаго стола благодаря тому же боярину Всеволожскому. Оскорбленный Василіемъ Васильевичемъ, Всеволожскій „отъѣхалъ“ къ Галицкому князю Юрію Дмитріевичу и началъ „подговаривати его на великое княженіе“. Юрій Дмитріевичъ напалъ на Московскаго великаго князя, разбилъ его и самъ сѣлъ на великомъ княженіи**).

Въ послѣдовавшей, затѣмъ, борьбѣ изъ за великокняжескаго стола между Василіемъ Васильевичемъ и Дмитріемъ Шемякой боярская дума играетъ весьма активную роль.

Борьба началась Дмитріемъ Шемякой послѣ обсужденія этого вопроса въ засѣданіи боярской думы Галицкаго княжества. Главную роль въ думѣ играли бояре Константиновичи. Они вошли въ сношеніе съ членами Московской боярской думы и съ другими недовольными Василіемъ Васильевичемъ Москвичами.

> А князю Дмитрею Шемякѣ вложи дьяволъ въ мысль хотѣти великаго княженіа, и начатъ посылати ко князю Ивану Можайскому... И тако по дьяволю наученію обсылающися и сдумавши съ своими злыми совѣтники, иже тогда быша у нихъ Костянтиновичи и прочіи бояре ихъ... и посылають со предиреченными рѣчми къ великому князю Борису Тферьскому; онъ же слышавъ то и убояся, и бысть единомысленникъ съ ними. Мнози же съ ними отъ Москвичь въ думѣ, Иванъ Старковъ и бояре и гости; бѣша же и отъ черньцовъ въ той думѣ съ ними. И тако начаша князи съ своими совѣтники безвѣстно вооружатися и искати подобна времени, какъ бы изгонити великого князя. (Соф. II, 1446, стр. 172—173).

Когда Дмитрій Шемяка сдѣлался великимъ княземъ, въ личномъ составѣ Московской боярской думы произошли перемѣны: изъ прежняго состава остались лишь тѣ бояре, которые измѣнили Василію Васильевичу (таковъ. напримѣръ, упоминаемый въ лѣтописи Иванъ Старковъ); затѣмъ, въ составъ Московской думы вошли Галицкіе бояре, бывшіе раньше членами боярской думы Галицкаго княжества (таковы бояре Константиновичи).

---

*) Воскр., стр. 96; Ник., V, стр. 108—110.
**) Воскр., стр. 97.

Но нѣкоторые изъ Московскихъ князей и бояръ остались вѣрными Василію Васильевичу; они продолжали играть ту роль совѣтниковъ при дѣтяхъ великаго князя, какую играли раньше, какъ члены боярской думы. Таковы, напримѣръ, князья Ряполовскіе.

Лѣтописецъ разсказываетъ, что, когда Василій Васильевичъ былъ схваченъ, его дѣти скрылись въ Муромѣ. Дмитрій Шемяка убѣдилъ Рязанскаго епископа Іону отправиться въ Муромъ и привезти оттуда въ Москву сыновей Василія Васильевича. Изъ дальнѣйшаго разсказа лѣтописи видно, что вопросъ о выдачѣ епископу Іонѣ сыновей Василія Васильевича обсуждался боярами; эти бояре, оставшіеся вѣрными великому князю, составляли думу при его дѣтяхъ.

> Владыка же Іона поиде къ Мурому въ судѣхъ, и съ тѣми рѣчми княжими Дмитріевыми пріиде въ Муромъ, и начатъ говорити рѣчи его бояромъ великаго князя дѣтей, тремъ князямъ Ряполовьскимъ и прочимъ съ ними. Бояре же о томъ много думавше смыслиша себѣ сице: „аще мы святителя не послушаемъ, не поидемъ ко князю Дмитрею съ сими великаго князя дѣтми, и онъ пришедъ ратью городъ возметъ и сихъ поимавъ что хощетъ то створитъ имъ, такоже отцю ихъ великому князю и всѣмъ намъ; и во что будетъ крѣпость наша, непослушаніе глаголъ святителевыхъ". И рекоша Іонѣ владыцѣ... (Соф. II, 1446, стр. 175).

Нѣкоторые князья и бояре, оставшіеся вѣрными Василію Васильевичу, убѣжали въ Литву. Здѣсь происходитъ совѣщаніе этихъ князей и бояръ по вопросу объ освобожденіи великаго князя. Это совѣщаніе напоминаетъ засѣданіе боярской думы, причемъ великаго князя замѣняетъ его свояк князь Василій Ярославичъ Серпуховскій.

> Князь Василей Ярославичь въ Литвѣ будя... сдумалъ съ бояры великаго князя, что оставивъ жены и дѣти въ Литовьской землѣ поити искати великаго князя, какъ бы его выняти изъ Углеча. (Соф. II, 1447, стр. 177).

Когда Шемяка замѣтилъ, что „многіе люди отступаютъ отъ него", онъ рѣшилъ освободить Василія Васильевича изъ заключенія и дать ему „вотчину". Такое рѣшеніе явилось результатомъ обсужденія этого вопроса въ засѣданіи боярской думы.

> Князь Дмитрей Шемяка видя то, что про великаго князя мнози люди отступаютъ отъ него, и разосла по владыкы и начатъ думати со княземъ Иваномъ и со владыками и съ бояры, выпустити ли, или

ни?... Князь же Дмитрей много думавъ о семъ положи, что выпустити великаго князя, а дати ему вотчина, на чемъ бы мочно ему быти. (Соф. II, 1446, стр. 176).

Овладѣвъ великокняжескимъ столомъ, Василій Васильевичъ послалъ къ Дмитрію Шемякѣ своего боярина Василія Кутузова съ просьбой отпустить изъ заключенія великую княгиню Софью. Эта просьба обсуждалась въ засѣданіи боярской думы и была удовлетворена.

Князь же Дмитрей обдумавъ съ бояры своими, рече: „что, брате, томити мнѣ не тетку, госпожю свою великую княгиню? а самъ бѣгаю, а люди себѣ надобни, уже истомлены, а еще бы сее стеречи: лучше отпустимъ ея"; и тако сдумавше отпусти ея.. (Соф. II, 1447, стр. 178).

Замѣтную роль въ борьбѣ Василія Васильевича съ Шемякой игралъ Рязанскій епископъ Іона. Когда борьба прекратилась, Іона избранъ былъ митрополитомъ. Въ этомъ избраніи митрополита принимала участіе боярская дума *).

Боярская дума принимала участіе вмѣстѣ съ соборомъ духовенства и въ разрѣшеніи нѣкоторыхъ другихъ вопросовъ церковнаго управленія въ княженіе Василія Васильевича **).

Въ 1462 году вступилъ на великокняжескій Московскій столъ сынъ Василія Темнаго Иванъ. Наиболѣе важное событіе княженія Ивана III—это, конечно, паденіе политической независимости Новгорода Великаго. По свидѣтельству лѣтописи, войны съ Новгородцами, закончившіяся паденіемъ Новгородской свободы, предприняты были по постановленію боярской думы ***).

Бракъ великаго князя съ Софьей Палеологъ тоже состоялся послѣ обсужденія вопроса въ засѣданіи боярской думы.

Въ лѣто 6980... Тое же зимы князь велики, обмысливъ съ отцемь своимъ митрополитомъ, и съ матерію своею великою княгинею Маріею, и съ братіею и зъ бояры своими, и послаша Фрязина въ Римъ по царевну Софію, генваря 16, съ грамотами и посолствомъ къ папѣ да и къ гардиналу Висаріону. (Воскр., 1472, стр. 169).

Когда невѣста великаго князя Софья Палеологъ подъѣзжала къ Москвѣ, въ засѣданіи боярской думы обсуждался вопросъ о томъ, допустить ли, чтобы несли латинскій крестъ передъ папскимъ легатомъ при въѣздѣ его въ Москву †).

*) См. выше, стр. 109—110.
**) См. выше, стр. 111.
***) См. выше, стр 129.
†) См. выше, стр. 111.

Въ 1480 году, во время нашествія Ахмата, великій князь отправилъ войско къ р. Угрѣ вмѣстѣ съ своимъ сыномъ, братомъ и воеводами, а самъ прибылъ въ Москву. Здѣсь въ засѣданіи боярской думы обсуждался вопросъ о предстоящей войнѣ съ Татарами.

Князь велики ѣха съ Коломны на Москву... на совѣтъ и думу къ отцу своему и митрополиту Геронтію, и къ своей матери великой княгинѣ Марѳѣ, и къ своему дядѣ князю Михаилу Андрѣевичю, и къ духовному своему отцу архіепископу Васіану Ростовскому и къ всѣмъ своимъ бояромъ .. И молиша его великимъ моленіемъ, чтобы стоялъ крѣпко за православное христіанство противу бесерменству, князь же велики послушавъ моленіа ихъ и вземъ благословеніе и поиде на Угру. (Воскр., стр. 206).

Послы отъ иностранныхъ державъ принимаются великимъ княземъ Московскимъ въ присутствіи бояръ. Въ 1488 году прибылъ въ Москву посолъ отъ Цесаря,

а велѣно ему говорити наодинѣ безъ бояръ. И князь Великій у него рѣчей наодинѣ безъ бояръ не слушалъ. И онъ былъ у Великого князя послѣ того, а говорилъ рѣчь Великому князю передъ бояры. А бояры были у Великого князя: князь Иванъ Юрьевичь, князь Данило Васильевичь, Яковъ Захарьичь. (Памятники дипл. снош., I, стр. 1).

Первый опытъ кодификаціи въ Московскомъ государствѣ — Судебникъ Ивана Васильевича—есть актъ законодательной дѣятельности великаго князя и боярской думы.

Лѣта 7006, мѣсяца сентемвріа, уложилъ князь великій Иванъ Васильевичъ всея Руси, съ дѣтми своими и съ бояры, о судѣ, какъ судити бояромъ и околничимъ. (Христоматія по ист. рус. пр., II, стр. 82).

Приведенные факты указываютъ, что Московская боярская дума принимала участіе въ разрѣшеніи всѣхъ важнѣйшихъ вопросовъ верховнаго управленія и что успѣхи единодержавія и самодержавія въ Москвѣ объясняются, кромѣ другихъ причинъ, и содѣйствіемъ бояръ.

Составъ Московской боярской думы обозначается словами „бояре", „князья и бояре", „князья и вельможи", „князья, бояре и воеводы" *). Послѣдній терминъ „воеводы", не обозначая отдѣльнаго разряда членовъ думы (воеводами были князья и бояре), указываетъ на характеристическую особенность Московской думы.

---

*) Воскр., 1380, стр. 35, 37, 40; 1389, стр. 54; 1425, стр. 92; 1456, стр. 144; 1471, стр, 161; 1472, стр. 169; 1473, стр. 175; 1477, стр. 184 и др. См. выше, стр. 108, 109, 111, 120. 129, 141.

Въ Московскомъ великомъ княжествѣ постепенно усиливается власть княжеская. Главнымъ основаніемъ приглашенія въ думу служилыхъ князей и бояръ является служба великому князю.

Какую именно службу несли служилые князья и старѣйшіе бояре Московскіе?

Князь къ древнѣйшей Россіи былъ военачальникъ прежде всего. Война—главное занятіе князя. Личное присутствіе князя въ военномъ походѣ необходимо. Даже князь-малютка принимаетъ участіе въ походѣ *). Отсутствіе князя во время похода отмѣчается лѣтописцемъ, какъ явленіе рѣдкое и нежелательное.

Вторая главная обязанность князя древнѣйшей Россіи—судъ. По свидѣтельству лѣтописи, населеніе требуетъ личнаго участія князя въ отправленіи правосудія.

Такъ было въ древнѣйшей Россіи, т. е. въ до Монгольскомъ періодѣ. Съ теченіемъ времени функціи государственнаго управленія расширяются. Личное участіе князя всякій разъ въ военныхъ походахъ и въ отправленіи правосудія становится невозможнымъ и дѣлается исключеніемъ. Великаго князя Московскаго замѣняютъ старѣйшіе бояре. Такіе „старѣйшіе", или „большіе", бояре носятъ въ памятникахъ названіе „введенныхъ" бояръ.

Старѣйшіе, или „введенные" бояре замѣняютъ князя на судѣ.

Въ жалованной грамотѣ великаго князя Московскаго Василія Васильевича Ивану Петелину сказано:

> а кому будеть чего искать на Иванѣ или на его приказщикѣ, ино ихъ сужу язъ самъ Князь Великій или мой бояринъ введеной. (А. А. Э., I, № 46).

Выраженіе „сужу язъ самъ великій князь или мой бояринъ введеной" встрѣчается почти во всѣхъ жалованныхъ грамотахъ **).

„Старѣйшіе", или „большіе", бояре и служилые князья замѣняютъ также великаго князя въ военныхъ походахъ.

Въ XIV в. Московскіе князья обыкновенно принимаютъ личное участіе въ военныхъ походахъ. Но уже съ конца XV в. личное участіе великаго князя Московскаго становится рѣдкимъ исключеніемъ. Военачальниками въ походахъ выступаютъ князья и старѣйшіе бояре; какъ военачальники, они именуются въ памятникахъ воеводами.

---

*) Нач., 946, стр. 24.

**) См. напр., А. А. Э., I, № 43, 51, 60 и др.

> Князь великій Василей, събравъ ратей много и съ ними отпусти брата своего Юрья, а съ нимъ воеводъ и бояръ старѣйшихъ и силу многу; они же шедше ратью плѣниша землю Татарьскую. (Новг. IV, 1395, стр. 102).
>
> На весну посла князь великый рать судовую на Казань, а князь Юрьи да князь Ондрѣй болшой пошли берегомъ, да съ ними воеводы князя великого, и вси князи служебные, и дворъ князя великого весь. (Новг. IV, 1469, стр. 149).
>
> Въ лѣто 6995. Князь великій Иванъ Васильевичь всеа Руси Московскій послалъ ратію на Казань, на царя Абреима, болшего боярина своего и воеводу князя Данила Дмитріевича Холмьскаго, да съ нимъ многыхъ воеводъ. (Твер., 1487, стр. 500).

Судъ надъ лицами привилегированными и командованіе войсками составляютъ двѣ основныя служебныя обязанности старѣйшихъ бояръ Московскихъ, членовъ думы. Особенное значеніе имѣетъ командованіе войсками, ибо въ процессѣ установленія единодержавія военные походы стоятъ на первомъ планѣ. „Истинный бояринъ"—тотъ, кто всю свою жизнь проводитъ въ военныхъ походахъ. Такую характеристику Московскаго боярина дѣлаетъ лѣтописецъ, описывая кончину боярина Плещеева, племянника митрополита Алексѣя.

> Тое же зимы преставися, февраля 13, Данило Феофановичь, нареченный въ мнишескомъ чину Давыдъ, иже бѣ истинный бояринъ великого князя и правый доброхотъ, служаше бо государю безо льсти въ ордѣ и на Руси паче всѣхъ, и голову свою складаше по чюжимъ странамъ, по незнаемымъ и по невѣдомымъ мѣстомъ, многы труды понесъ и истомы претерпѣ. (Воскр., 1392, стр. 62—63).

Имена нѣкоторыхъ бояръ, (не всѣхъ, конечно,) членовъ Московской боярской думы, извѣстны изъ грамотъ Московскихъ великихъ князей *). По свидѣтельству лѣтописи, почти всѣ эти бояре выступали воеводами въ военныхъ походахъ **).

Вотъ почему члены боярской думы иногда обозначаются общимъ терминомъ „воеводы".

Великій князь Московскій всегда окруженъ князьями и боярами. Можно полагать, что засѣданія боярской думы для разрѣшенія текущихъ вопросовъ происходили ежедневно, какъ и въ

*) Списокъ бояръ, имена которыхъ упоминаются въ договорныхъ и духовныхъ грамотахъ великихъ князей Московскихъ XIV и XV в. составленъ Погодинымъ въ цитированной уже статьѣ „Древняя Русская Аристократія".

**) Сводъ лѣтописныхъ свѣдѣній о боярахъ Московскихъ дѣлаетъ Соловьевъ. См. Исторію Россіи, кн. I, стр. 957, 1103, 1048, 1111.

до-Монгольскомъ періодѣ*). Въ такихъ засѣданіяхъ боярской думы могли присутствовать только тѣ князья и бояре, которые въ данное время находились при великимъ князѣ.

Рядомъ съ такими будничными засѣданіями боярской думы памятники отмѣчаютъ засѣданія боярской думы въ болѣе полномъ составѣ для разрѣшенія наиболѣе важныхъ вопросовъ. Въ такія засѣданія думы приглашались, кромѣ князей и бояръ, находящихся въ Москвѣ, князья, живущіе въ своихъ вотчинахъ внѣ Москвы, и бояре, назначенные намѣстниками по городамъ.

Въ 1425 году, по смерти великаго князя Василія Дмитріевича, состоялось засѣданіе боярской думы, на которомъ постановлено было заключить договоръ съ претендентомъ на великокняжескій столъ Юріемъ Галицкимъ. Въ засѣданіе, по словамъ лѣтописца, приглашены были „всѣ князи и бояры“ **).

Кромѣ свѣтскихъ членовъ—князей и бояръ, въ важныхъ случаяхъ приглашались высшіе представители духовенства—митрополитъ, епископы. Такимъ образомъ устраивались соединенныя засѣданія собора духовенства и боярской думы.

Мы видѣли выше, что въ такихъ соединенныхъ засѣданіяхъ собора духовенства и боярской думы обсуждались нѣкоторые вопросы церковнаго управленія. Иногда въ такихъ же соединенныхъ засѣданіяхъ обсуждались и дѣла свѣтскія.

Въ 1471 году въ засѣданіи боярской думы обсуждался вопросъ о войнѣ съ Новгородомъ. Въ этомъ засѣданіи присутствовали: митрополитъ Филиппъ, великая княгиня Марія и „сущіе“ (т. е. находившіеся въ то время въ Москвѣ) бояре ***). Вопросъ былъ весьма важный. Не довольствуясь обсужденіемъ его въ обыкновенномъ засѣданіи думы, великій князь подвергаетъ его вторичному обсужденію уже въ соединенномъ засѣданіи собора духовенства и боярской думы возможно полнаго состава.

И въ той часъ князь велики разосла по всю братію свою, и по всѣ епископы земли своеа, и по князи, и по боаре свои, и по воеводы и по вся воа своа; и якоже вси снидошася къ нему, тогда

*) Въ „Повѣсти о житіи великаго князя Михаила Александровича Тверскаго“ разсказывается, что раннимъ утромъ собрались князья и бояре „обычнаго градцкаго ради управленія“. (Ник., IV, 1309, стр. 289). Значитъ, обычный порядокъ заключался въ томъ, что засѣданія боярской думы Тверского княжества происходили ежедневно. Такой порядокъ, вѣроятно, соблюдался, и въ Москвѣ.

**) См. выше, стр. 137.

***) См. выше, стр. 129.

всѣмъ възвѣщаетъ мысль свою что итти на Новгородъ ратію.... И мысливше о томъ не мало, и конечное упованіе положиша на Господа Бога... начятъ вооружатися ити на нихъ. (Воскр., 1471, стр. 161) *).

2. Новгородъ Великій и Псковъ.

На сѣверо-западѣ перевѣсъ переходитъ на сторону демократическаго начала; здѣсь усиливается власть вѣча. Краткое, ясное и вѣрное объясненіе этого явленія даетъ проф. Владимирскій-Будановъ: „Мѣстныя причины, направившія здѣсь обще-русское государственное устройство въ сторону преобладанія вѣча, заключались въ географическомъ положеніи страны и въ сношеніяхъ съ сѣверно-германскими городскими общинами. Страна, занятая Новгородцами и Кривичами, неблагопріятная по скудости почвы для земледѣлія, весьма благопріятна (по богатству торговыхъ путей) для торговли. Торговля вызываетъ сосредоточенность населенія въ большихъ городскихъ общинахъ, что и содѣйствуетъ преимущественному развитію вѣчевого начала (т. е. преобладанію средняго класса). Торговля же приводила Новгородцевъ, Псковичей и Полочанъ въ столкновеніе съ свободными ганзейскими общинами. Не заимствуя отъ нихъ ничего прямо и непосредственно, граждане упомянутыхъ земель не могли не испытывать косвеннаго вліянія отъ этихъ послѣднихъ“ **).

Преобладаніе вѣча замѣчается въ земляхъ Новгородской, Псковской и Полоцкой, отчасти Смоленской. Рядомъ съ вѣчемъ въ этихъ земляхъ существуютъ—князь и боярская дума.

Отношеніе между княземъ и вѣчемъ въ Новгородѣ Великомъ опредѣляется договорами. На основаніи этихъ договоровъ власть князя ограничивается вѣчемъ и представителемъ вѣча—посадникомъ ***).

Договоры ограничиваютъ власть княжескую юридически. Фактически княжеская власть въ Новгородѣ, начиная съ половины XIII в., имѣетъ весьма малое значеніе. Новгородскимъ княземъ

---

*) См. также Вокр., 1477, стр. 134.

**) Обзоръ ист. рус. пр., стр. 68.

***) Основные пункты договоровъ Великаго Новгорода съ князьями изложены въ „Обзорѣ ист. рус. пр.“ М. Ф. Владимирскаго-Буданова, стр. 72—73. См. также Костомарова, Сѣверно-русскія народоправства, Монографіи, т. VII, стр. 143—150, и Сергѣевича, Рус. Юр. Др., II, стр. 89—93

является тотъ, кто сидитъ на великомъ княженіи, т. е. съ начала XIV в.—великій князь Московскій. Въ Новгородѣ великаго князя Московскаго, какъ Новгородскаго князя, представляетъ его намѣстникъ. Главное значеніе намѣстника великаго князя заключается не въ его правительственныхъ функціяхъ, а въ томъ, что онъ является связующимъ звеномъ между Новгородомъ и Москвой.

Верховное управленіе всецѣло принадлежитъ вѣчевому собранію—„всему господину Великому Новгороду“.

Въ жалованной грамотѣ Соловецкому монастырю (отъ начала 2 половины XV в.) составъ вѣча обозначается слѣдующими словами:

> По благословенію господина пресвященнаго Архіепископа Великого Новагорода и Пьскова владыки Іоны, господинъ посадникъ Великого Новагорода степенный Иванъ Лукиничь и старыи посадникы, и господинъ тысяцкѣй Великого Новагорода степенный Труфанъ Юрьевичь и старыи тысяцкѣи и бояре, и житьии люди, и купцѣ и черные люди и весь господинъ государь Великій Новгородъ вся пять концевъ. (А. А. Э., I, № 62).

Обозначенные здѣсь лица и классы общества далеко не пользуются равнымъ значеніемъ въ государственной жизни.

Если органъ верховной власти—вѣче, весь господинъ великій Новгородъ, то служба великому Новгороду должна быть главнымъ основаніемъ, опредѣляющимъ роль и значеніе въ государственной жизни Новгорода отдѣльныхъ лицъ и классовъ населенія. Особенное значеніе должны имѣть лица, облеченныя народнымъ довѣріемъ, и руководящая роль должна принадлежать тому классу населенія, изъ котораго выходятъ эти лица, облеченныя народнымъ довѣріемъ.

Глава духовенства—владыка Новгородскій—есть первое лицо, облеченное народнымъ довѣріемъ: Новгородскіе владыки, какъ указано уже было выше, избирались на вѣчѣ.

Намѣстникъ великаго князя есть представитель лица, избраннаго великимъ Новгородомъ и цѣловавшаго крестъ великому Новгороду.

Самъ великій Новгородъ состоитъ изъ бояръ, купцовъ, житыхъ людей и черныхъ людей.

Руководящая роль принадлежитъ классу бояръ. Изъ ихъ среды избираются высшіе сановники Новгородскіе—посадникъ и тысяцкій.

Народное довѣріе, выразившееся въ избраніи на должность посадника или тысяцкаго, сообщаетъ особый авторитетъ данному лицу: дѣти посадника и тысяцкаго именуются „лучшими" боярами, самъ онъ сохраняетъ почетное званіе стараго посадника или стараго тысяцкаго и по окончаніи срока службы.

Кромѣ посадника и тысяцкаго, изъ бояръ избираются кончанскіе старосты.

Изъ среды бояръ избираются также лица, исполняющія временныя порученія господина великаго Новгорода. Напримѣръ, командованіе Новгородскимъ войскомъ поручается боярамъ.

Новгородци... поидоша на Свѣю... а воеводы были у Новогородскыхъ полковъ: посадникъ Юрьи Онцифоровичь, посадникъ Ѳома Есиповичь и посадникъ Александръ Ѳоминичь, Иванъ Даниловичь, Григореи Богдановичь, Аѳанасъ Есиповичь сынъ посадничь, Михаилъ Ивановичь сынъ посадничь, Иванъ Ѳедоровичь сынъ посадничь, Ѳома Трощикинъ, Дмитріи Ивановичь, Андреи Ивановичь, Есипъ Филиповичь, Аврамъ Стефановичь. (Новг. I, 1411 стр. 104).

Владыка, намѣстникъ великаго князя, степенные — посадникъ и тысяцкій, старые посадники и тысяцкіе, кончанскіе старосты, а также бояре, избранные спеціально для выполненія того или иного временнаго порученія вѣча, являются представителями великаго Новгорода. Они приглашаютъ князей на Новгородскій столъ отъ имени великаго Новгорода.

Въ лѣто 6662. Новгородьци... послаша владыку Нифонта съ передьними мужи къ Гюргеви по сынъ. (Новг. I, 1154, стр. 11).

Прислаша Новгородци мужѣ свои ко Мьстиславу к Ростиславичю зовуче и Новугороду Великому... он же послушавъ братьи своей и мужѣй своихъ, пойде съ бояры Новгородъчкими. (Ипат., 1178, стр. 411).

Выгнаша Новгородци князя Дмитрія Александровича, сдумавше съ посадникомъ Михаиломъ, зане князь еще малъ бяше; а по Ярослава послаша, по брата Александрова, во Тферь, сынъ посадничь и лучшіи бояры. (Новг. I, 1264, стр. 58).

Новгородци же послаша за княземъ владыку съ болшими бояры съ челобитіемъ, и воротиша князя Ярослава съ Броннича. (Соф. I, 1269, стр. 195).

Во время пріѣздовъ въ Новгородъ, великій князь Московскій „ѣстъ и пьетъ" у владыки, посадниковъ и тысяцкихъ и другихъ бояръ *); съ своей стороны великій князь приглашаетъ къ себѣ въ Москву „на честь" представителей Новгорода.

*) Новг. II, 1478, стр. 142—143.

Того же лѣта князь великыи позва владыку къ себѣ на Москву, на честь, и посадника и тысяцскаго и нарочитыхъ бояръ. (Новг. I, 1335, стр 77).

Договоры съ Нѣмцами, съ Литвой, съ Московскими и другими Русскими князьями заключаются отъ имени всего Великаго Новгорода. Договоръ, заключенный въ началѣ XIV в. съ княземъ Тверскимъ начинается такими словами:

Благословение отъ Владыки, поклонъ отъ Посадника Георгия, и отъ Тысяцкого Андрѣяна, и отъ всѣхъ старѣйшихъ, и отъ всѣхъ мьншихъ, и отъ всего Новгорода, Господину Князю Михаилу Ярославицю. На семь ти, княже, хрестъ цѣловати къ всему Новугороду. (Собр. Гос. Гр. и Дог., I, № 10).

Почти наканунѣ паденія Новгородской свободы, въ 1471 году, договоръ съ Литовскимъ великимъ княземъ тоже заключается отъ имени всего Великаго Новгорода.

Се язъ честны король полскій и князь велики литовьскій докончалъ есми миръ съ нареченнымъ на владычьство съ Өеофиломъ, и съ посадники новгородцкими, и съ тысяцкими, и съ бояры, и съ житьими, и съ купци, и со всѣмъ Великимъ Новымгородомъ. (Христоматія по ист. рус. пр., I, стр. 218).

Но для заключенія договора отправляются обыкновѐнно бояре; они „цѣлуютъ крестъ“ и „кончаютъ миръ“ отъ имени всего Великаго Новгорода.

Въ лѣто 6792. Пріиде князь Андреи въ Торжекъ, и позва къ себѣ Семена посадника съ всѣми старѣйшими, и докончаша миръ, и крестъ цѣлова князь, а Новогородци къ нему, како Андрею не съступитися Новагорода, а Новогородцемъ не искати иного князя. (Новг. I, 1284, стр. 64).

Новгородци.... къ князю послаша владыку Василіа и Аврама тысяцскаго, съ иными бояры, и докончаша миръ по старымъ грамотамъ. (Новг. I, 1340, стр. 80).

Того же лѣта ѣздиша на съѣздъ Юрьи Ивановичь посадникъ Новгородскіи, Селеверстъ Лентіевичь, Олисѣи тысяцскои, Олександръ Колывановъ; и докончаша миръ съ Нѣмци. (Новг. I, 1371, стр. 89).

Тои же весны поидоша въ Литву послове Новгородскіи, посадникъ Юрьи Онцифоровичь, Өопасъ Өеодоровичь сынъ посадничь, Өеодоръ Трябло, и взяша съ княземъ Витовтомъ миръ, по старинѣ. (Новг. I, 1414, стр. 105).

Пріидоша изъ Нѣметскои земли послове .. и докончаша съ княземъ Костянтиномъ и съ всѣмъ великымъ Новымъгородомъ, что быти на съѣздъ местеру, а князю Костянтину и Новгородцемъ послати своихъ боярѣ; и послаша намѣстника князя великого князя Өеодора Патрѣ-

кѣевича, и посадника Новогородскаго Василіа Есиповича, посадника Оѳоноса Ѳеодоровича, Якова Дмитреевича, Михаила Юрьевича Наума Ивановича, они же наѣхаша местера на Наровѣ, и взяша вѣчныи миръ, по старинѣ. (Новг. I, 1420, стр. 109).

Договоры съ Псковомъ тоже заключаются отъ имени великаго Новгорода боярами.

Послаша Псковичи послы въ Великій Новгородъ миру имать, Селивестра посадника Леонтьевича и дружину его, и ѣхавше въ Новгородъ биша челомъ отцу владыкѣ Великого Новаграда Еуфимью, и посадникомъ и тысяцкимъ, и всему Великому Новуграду: и помиловалъ Богъ, и Святая Софѣя, и владычне благословеніе, Псковское челобитье приняли и взяша миръ по старинѣ; и цѣловалъ крестъ Селивестръ посадникъ, и Стефанъ сынъ посадничь Родіоновъ, и ихъ дружина за весь Псковъ и за вси пригороды и за вси волости къ Новугороду по старинѣ, а отъ Новагорода цѣловалъ крестъ Самсонъ посадникъ Йвановичь и тысяцкой Ѳедоръ Елисѣевичь за весь Великій Новгородъ и за вси пригороды и за вси свои волости ко Пскову по старинѣ. (Псков. I, 1434, стр. 208—209).

Послаша Псковичи своихъ пословъ на съѣздъ, на Норову рѣку, подлѣ Новгородцкихъ пословъ, и докончаша миръ, по благословенію архіепископа Великого Новагорода и Пскова владыпѣ Еуѳимія: князь Великого Новагорода Александръ Васильевичь Черторизскый, и посадники Великого Новаграда, Самсонъ Ивановичь, Дмитрей Васильевичь Глуховъ, Иванъ Лукиничь Щока, Есифъ Ондрѣевичь Горошковъ, Богданъ Есифовичь, такоже и иныхъ много бояръ Новогородскихъ добрыхъ людей, и отъ Пскова Ѳедоръ посадникъ Патрикѣевичь, Стефанъ Юрьевичь, Аѳонасей Юрьевичь сынъ посадничь, Левонтей Макарьипичь, Тимоѳей Власьевичь, Парѳенъ Володиничь, Алексѣй Мархидѣй, Игнатѣй Пятковѣ; и взяша миръ... (Пск. I, 1449, стр. 213—214).

Бояре отъ имени великаго Новгорода ходатайствуютъ у митрополита о поставленіи епископомъ избраннаго вѣчемъ кандидата; они же сопровождаютъ его въ Москву.

Новгородци... много гадаша, послаша къ митрополиту Саву архимандрита и Максима Онцифоровича, съ бояры, чтобы благословилъ сына своего владыку Алексѣа въ домъ святыа Софіа, на свои святительскіи степень. (Новг. I, 1375, стр. 90).

Поиде Іоаннъ на поставленіе владычьства на Москву, позванъ послы отъ митрополита, а съ нимъ бояръ Новгородскыхъ: посадникъ Василеи Ѳедоровичь, и тысяцскои Есипъ Фалелеевичь, Іевъ Обакуновичь, Тимоѳеи Ивановичь, и иныхъ много бояръ. (Новг. I, 1388, стр. 91).

Пріѣха Самсонъ къ митрополиту ставитися владыкою; а съ нимъ послы Новогородскіи, Василіи Обакуновичь, тысяцскои Василіи Есипо-

вичь, тысяцской Александръ Игнатьевичь, пріѣхаша на Москву. (Новг. I, 1415, стр. 106).

Къ договорнымъ грамотамъ, заключеннымъ отъ имени великаго Новгорода, привѣшивались печати: печать владыки Новгородскаго, владыки и посадника, посадника и тысяцкаго*). На нѣкоторыхъ грамотахъ сохранилось много печатей.

Въ лѣтописи подъ 1478 годомъ читаемъ:

Пріиде къ великому князю владыка а съ нимъ бояре Новугородстіи многи и житьи и купци, и запись владыка цѣловалную съ собою принесе; а писалъ ее діакъ владычень, а подписалъ владыка своею рукою и печать свою приложилъ, да и съ пяти концевъ по печати приложили. (Соф. II, 1478, стр. 218).

Къ договорной грамотѣ, заключенной въ 1317 году съ Тверскимъ великимъ княземъ Михаиломъ Александровичемъ, привѣшено 11 печатей; при этомъ въ текстѣ сказано: „повелѣша печати приложити изъ всѣхъ пяти кончевъ къ сей грамотѣ“ **). Такъ какъ на всѣхъ печатяхъ обозначены личныя имена, то, очевидно, печати отъ 5 концевъ принадлежатъ представителямъ этихъ концевъ, т. е. кончанскимъ старостамъ.

Въ приведенныхъ и многихъ другихъ случаяхъ бояре выступаютъ въ качествѣ представителей великаго Новгорода. Однако бояре—не единственные представители Новгорода. Господство демократическаго начала въ Новгородскомъ государственномъ строѣ выражается въ томъ, что представителями Новгорода могутъ быть и купцы и житые люди и даже черные люди. Но достойно замѣчанія то обстоятельство, что представителями Новгорода бояре выступаютъ всегда, купцы же, житые люди и черные люди—лишь иногда.

Князя на Новгородскій столъ приглашаютъ иногда бояре и купцы.

Новъгородьци много гадавъше послаша по Ярослава по Всеволодиця, по Гюргевъ вънукъ, Гюргя Иванъковиця посадника, и Якуна тысяцьскаго, и купьць старѣйшихъ 10 мужь. (Новг. I, 1215, стр. 32—33).

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ для заключенія договора отправляются вмѣстѣ съ боярами житые люди, купцы и черные люди.

---

*) Собр. Гос. Гр. и Дог., I, № 6, 8, 9, 11, 17.

**) Тамъ же, № 13.

Договоръ 1372 года начинается такъ:

Се пріѣхали ко мнѣ къ Великому Князю Дмитрею Ивановичю всеа Руси, отъ отца моего владыки Олексѣя, и отъ посадника Юрья, отъ отъ тысятцкого Олисѣя, и ото всего Новагорода Иванъ посадникъ, Василей Федоровъ, Иванъ Борисовъ, а отъ черныхъ людей Воиславъ Поповичь, Василей Огафоновъ. (А. А. Э., I, № 8).

Той же осени послаша Новгородци послы на съѣздъ съ Нѣмци, въ Изборско: посадника Василія Ѳеодоровича, посадника Богдана Обакуновича, посадника Ѳеодора Тимоѳеевича, тысяцскаго Есипа Фалелѣевича, Василіа Борисовича, и купцевъ. (Новг. I, 1391, стр. 95).

Въ 1471 году для заключенія договора съ великимъ княземъ Московскимъ отправлены были

Посадники Новгородские: Посадникъ Иванъ Лукиничь, Посадникъ Яковъ Александровичь, Посадникъ Феофилатъ Захарьиничь, Посадникъ Лука Феодоровичь, Посадникъ Иванъ Васильевичь; а отъ житьихъ Лука Остафьевичь, Александръ Клементьевичь, Феодоръ Іевличь, Окинфъ Висильевичь, Дмитрей Михайловичь. (Соб. Гос. Гр. и Дог., I, № 20).

До сихъ поръ мы пользовались свидѣтельствами русскихъ памятниковъ. Русскіе памятники—лѣтописи и грамоты—указываютъ на вѣче, какъ на органъ верховной власти. Вмѣстѣ съ тѣмъ русскіе памятники удостовѣряютъ, что руководящая роль въ государственной жизни Новгорода Великаго принадлежала боярамъ и что бояре часто выступали не по одиночкѣ, какъ отдѣльные исполнители вѣчевыхъ постановленій, а коллегіально, при чемъ членами такихъ коллегій оказываются одни и тѣ же опредѣленныя лица. Если такъ, то не составляютъ ли тѣ коллегіи изъ бояръ, которыя, по свидѣтельству русскихъ памятниковъ, являются исполнителями вѣчевыхъ постановленій, отдѣльнаго учрежденія—боярской думы?

Памятники иностранные не оставляютъ въ этомъ никакого сомнѣнія. Въ иностранныхъ памятникахъ боярская дума Новгорода Великаго называется Совѣтомъ господъ (Herren Rath).

Свидѣтельства русскихъ памятниковъ о томъ значеніи, какое бояре имѣли въ государственной жизни Новгорода Великаго, могутъ дополнить тѣ данныя, какія находятся въ иностранныхъ памятникахъ по вопросу о составѣ и предметахъ вѣдомства Новгородской боярской думы.

Составъ думы въ иностранныхъ актахъ обыкновенно обозначается нѣмецкимъ терминомъ Herren, иногда латинскими терми-

нами—meliores, potentiores, principes *). Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ иностранные акты называютъ отдѣльныхъ членовъ думы, а именно: владыку Новгородскаго, княжескаго намѣстника, посадника, тысяцкаго, 5 кончанскихъ старостъ **). Всѣ другіе члены думы скрываются подъ общимъ названіемъ—господа.

Руководясь указаніями русскихъ памятниковъ, къ этимъ другимъ членамъ думы, необходимо отнести старыхъ посадниковъ и старыхъ тысяцкихъ, ибо послѣдніе обыкновенно выступаютъ наряду со степеннымъ посадникомъ и степеннымъ тысяцкимъ, какъ представители Новгорода Великаго.

Входили ли въ составъ Новгородской думы бояре, не занимающіе и не занимавшіе никакихъ должностей? Полагаемъ, что главнымъ условіемъ, дающимъ право засѣдать въ думѣ при демократическомъ строѣ служитъ народное довѣріе, выразившееся въ избраніи на должность. Всѣ указанныя выше лица, какъ удовлетворяющія этому условію, были постоянными членами думы. Рядомъ съ ними временныя порученія великаго Новгорода исполняли „сыны посадничьи“ и другіе старѣйшіе бояре. Вѣроятно, эти лица принимали участіе въ засѣданіяхъ думы лишь при обсужденіи нѣкоторыхъ вопросовъ.

По справедливому замѣчанію автора спеціальнаго изслѣдованія о Новгородской боярской думѣ А. Никитскаго, „безполезно искать особенной, строгой опредѣленности въ кругѣ дѣятельности правительственнаго совѣта“ ***).

Законодательная власть, какъ и въ другихъ земляхъ, въ Новгородѣ Великомъ принадлежала князю †).

Есть въ лѣтописи намекъ и на принадлежность боярской думѣ законодательной власти. Подъ 1209 годомъ лѣтописецъ разсказываетъ:

> Новгородьци... створиша вѣче на посадника Дмитра и на братью его: яко ти повелѣша на Новгородьцихъ сребро имати, а по волости куны брати, по купцемъ виру дикую и повозы возити, и все зло. (Новг. I, стр. 30).

Посадникъ Дмитръ и „братья его“ здѣсь, повидимому, выступаютъ, какъ наиболѣе влiятельные члены боярской думы; недовольство народное вызвано ихъ законодательною дѣятельностью.

---

*) Р.-Л. А., стр. 61. Bunge, U.-B., I, стр. 682, 683; III, стр. 298.
**) Bunge, U.-B., IV, стр. 531.
***) Ж. М. Н. П., окт., стр. 308.
†) См. Новг. I, 1229, стр. 44—45

Власть законодательная принадлежитъ и вѣчу: сохранившаяся до нашего времени жалованная грамота Соловецкому монастырю дана на вѣчѣ *); сборникъ юридическихъ нормъ, извѣстный въ наукѣ подъ названіемъ Новгородской судебной грамоты, тоже есть результатъ законодательной дѣятельности вѣча **). Но само собою разумѣется, что въ процессѣ изданія законовъ лишь послѣдніе моменты—обсужденіе и утвержденіе —могутъ быть предметомъ дѣятельности многочисленнаго вѣчевого собранія. Составленіе законопроектовъ должно составлять предметъ вѣдомства другого меньшаго собранія; такимъ собраніемъ и могла быть боярская дума, составляющая необходимую часть вѣча.

То, что только что сказано о законодательствѣ, можетъ быть отнесено и къ заключенію международныхъ договоровъ. Договоры заключались отъ имени вѣча, но изготовленіе проекта договора могло быть дѣломъ боярской думы или ея отдѣльныхъ членовъ.

Въ подтвержденіе этого предположенія можно привести указанія иностранныхъ актовъ на то, что боярская дума самостоятельно вела международныя сношенія ***). Подобныя же указанія можно найти и въ русскихъ памятникахъ.

> Того же лѣта архіепископъ Новгородскій Ѳеофилъ, и вси посадники и бояре Великого Новагорода, прислали къ великимъ княземъ Ивану Васильевичю и сыну его Ивану Ивановичюословъ своихъ, Назара подвойского да Захара діяка вѣчного, бити челомъ и называти ихъ себѣ государи; а напередъ того никоторого князя государемъ себѣ не зывали, но господиномъ звали; а посылалъ о томъ владыка съ бояры и съ посадники, а безъ Великого Новагорода вѣдома. (Соф. I, 1477, стр. 18).

Разсказанный здѣсь случай—исключительный. Боярская дума, вступивъ въ сношенія съ великимъ княземъ Московскимъ безъ вѣдома всего Великаго Новгорода, вмѣстѣ съ тѣмъ нарушила установившійся искони обычай: ея послы назвали великаго князя Московскаго государемъ. Этотъ случай послужилъ, какъ извѣстно, поводомъ для объявленія войны Москвой Новгороду. Но можно полагать, что въ массѣ случаевъ, когда нельзя было предполагать конфликта между боярской думой и всѣмъ Великимъ Новгородомъ, дума самостоятельно вступала въ международныя сношенія.

*) А. А. Э., I, № 42.
**) Христоматія по ист. рус. пр., I, стр. 200.
***) Bunge, U.—B., IV, стр. 525, 531.

Избраніе владыки Новгородскаго относится къ предметамъ вѣдомства вѣча. Боярская дума не только принимала участіе въ этомъ избраніи, какъ составная часть вѣча, но и самостоятельно предпринимала нѣкоторыя предварительныя дѣйствія.

Того же лѣта биша челомъ отцю своему владыцѣ Далмату посадникъ Павша съ мужи Новгородци съ старѣйшими людьми: „господине отче! кого благословиши на свое мѣсто намъ пастуха и учителя". (Новг. IV, 1273, стр. 42).

Въ лѣто 6896... Съиде Алексѣй владыка съ владычьства... Посадникъ же Есифъ Захарьиничь съ мужи старѣйшими, биша ему челомъ и много молиша ему всѣмъ Новымгородомъ о томъ, чтобы еще побылъ въ дому Святѣй Софьи. (Новг. IV, 1388, стр. 95).

Текущія дѣла управленія, вѣроятно, чаще всего обсуждались въ боярской думѣ. Но лѣтописецъ лишь случайно касается этой будничной стороны въ дѣятельности государственныхъ учрежденій. Такъ, подъ 1280 годомъ лѣтописецъ отмѣчаетъ:

Князь великій Дмитрій, съ посадникомъ Михаиломъ и съ большими мужи, ѣхавши обложи городъ каменъ Копорію. (Новг. I, стр. 63).

Очевидно, это предпріятіе обсуждалось предварительно княземъ, посадникомъ и „большими мужами", т. е. въ засѣданіи боярской думы.

Наконецъ, въ иностранныхъ источникахъ указывается на то, что боярской думѣ принадлежитъ судъ*). Намекъ на судебныя функціи боярской думы можно видѣть и въ разсказѣ лѣтописи подъ 1478 годамъ:

Наутріи же въ недѣлю, ноября 26, обидящіи и обидѣныи всѣ сташа передъ великимъ княземъ на Городищѣ... а у великого князя былъ тогды богомолецъ его владыка Ѳеофилъ да и посадники Новугородстіи. И начатъ судити... (Соф. II, стр. 203).

Для какой цѣли великій князь Московскій пригласилъ владыку и посадниковъ Новгородскихъ присутствовать на его судѣ? Для того, очевидно, чтобы соблюсти Новгородскую пошлину: судъ князя въ присутствіи владыки и посадниковъ Новгородскихъ есть судъ въ засѣданіи боярской думы. Очевидно, согласно съ Новгородской пошлиной, боярской думѣ принадлежали судебныя функціи.

О судебныхъ функціяхъ боярской думы свидѣтельствуетъ и Польскій лѣтописецъ Матвѣй изъ Мѣхова, или Мѣховскій, въ

*) Р. Л. А., стр. 58, 136.

своемъ трактатѣ „о двухъ Сармаціяхъ“: въ Новгородѣ, по словамъ Мѣховскаго,

захваченный на дѣлѣ, или обвиняемый въ воровствѣ, либо разбоѣ, представлялся въ преторію („вѣче“), въ которой засѣдало сто сенаторовъ, въ званіи судей, съ длинными, по обычаю страны, бородами. Потомъ ударяли въ вѣчевой колоколъ: по первому его звуку всѣ граждане, а также и сыновья ихъ, стекались въ преторію, имѣя въ каждой рукѣ по камню. Когда вина приведеннаго передъ судомъ была признана сенаторами и приговоръ произнесенъ, тогда присутствующіе граждане бросали принесенные ими камни въ преступника и такимъ образомъ умерщвляли его тутъ же въ судилищѣ. (Отеч. Зап., 1854, декабрь, Библіографическіе отрывки, стр. 145) *).

Государственный строй Пскова, бывшаго пригорода Великаго Новгорода, напоминаетъ государственный строй послѣдняго.

Органъ верховной власти—вѣче, весь господинъ Псковъ. Въ составъ вѣча входятъ: бояре, купцы, житые люди и молодшіе люди.

Руководящая роль принадлежитъ боярамъ, а между боярами особеннымъ значеніемъ пользуются лица, облеченные народнымъ довѣріемъ, таковы: посадникъ степенный, старые посадники, сотскіе и судьи.

Подобно боярамъ Новгородскимъ, бояре Псковскіе являются представителями господина Пскова.

Бояре Псковскіе приглашаютъ князей отъ имени Пскова.

Псковичи послаша къ князю великому Василію Дмитріевичю Микулу посадника и иныхъ бояръ, и испросиша собѣ князя Александра Ѳеодоровича. (Пск. II, 1421, стр. 23).

Послаша Псковичи Стефана посадника Аристовича, а съ нимъ бояръ добрыхъ людей много, бити челомъ князю Александру Черторизскому, въ Русу, о княженіи. (Пск. I, 1455, стр. 216).

Въ лѣто 6971. Послаша Псковичи послы своя, Тимоѳея посадника, и Стефана Юрьева внука, и Якова Кротова, и Матуту и иныхъ бояръ, ко князю великому Ивану Васильевичю просити князя во Псковъ. (Пск. I, 1463, стр. 222).

Бояре, какъ представители Пскова, провожаютъ отъѣзжающихъ князей.

А былъ князь великой Юрьи Васильевичь во Псковѣ 3 недѣли и 2 дни, а посадники Псковскіи и весь Псковъ чтиша и дариша его, и даша ему 100 рублевъ; и поѣха изо Пскова мѣсяца марта въ 18, и

---

*) О Новгородской боярской думѣ см. назв. выше (на стр. 19) статью А. Никитскаго и VIII главу изслѣдованія проф. Ключевскаго.

посадники Псковскія и бояре проводиша его съ честію и за Псковскій рубежь 20 верстъ. (Пск. I, 1460, стр. 220).

Бояре являются предводителями Псковского войска.

Послаша Псковичи воеводъ своихъ, посадника Леонтія Макарьинича и посадника Максима Ларіоновича, съ силою Псковскою въ помощь Великому Новгороду. (Пск. I, 1456, стр. 216).

И весь Псковъ, въ тыя часы, пригороды и волости, собравъ князя Псковского Өедора Юрьевича сынъ князь Василей и Тимоөей Васильевичь посадники Псковскія, а съ ними 13 посадниковъ Псковскихъ и вся сила Псковская, поидоша на Новогородскую землю. (Пск. I, 1471, стр. 240).

Международные договоры заключаются отъ имени всего Пскова.

Въ грамотѣ Псковской писано: „господину государю великому князю Ивану Василіевичю царю всея Русіи посадникъ Пьсковскій степенны, и старые посадники, и сынове посадничя, и бояре, и купци, и житіи люди и весь Псковъ... челомъ бьемъ“. (Воскр., 1478, стр. 186).

Но для заключенія договара обыкновенно отправляются бояре: они „берутъ миръ“ и „цѣлуютъ крестъ“ отъ имени Пскова.

Приходиша послове Псковъскіи въ Великіи Новъгородъ: князь Григоріи Остафьевичь, посадникъ Сисои, посадникъ Романъ, Филиппъ Козачковичь, съ своими другы... и посадникъ Тимоөеи Юрьевичь, и тысяцскои Микыта Өедоровичь, и вси посадникы и тысяцскіи и бояре, и весь Великіи Новъградъ... взяша миръ по старинѣ. (Новг. I, 1397 стр. 97).

Посадникъ Псковскый Ларіонъ, и посадникъ Иванъ и Микула, и иныхъ бояръ много ѣздиша подъ Кирьяпигу, и взяша миръ съ княземъ местеромъ и со всѣми Нѣмцами, а опроче Новагорода. А въ Литву къ князю Витовту послаша Псковичи Якима посадника, и Терентіа Өоминича, и Сидора Дѣдькова, и взяша миръ съ княземъ Витовтомъ, а опроче Новагорода. (Пск. II, 1410, стр. 21).

Пріѣхавше изъ Новагорода во Псковъ послы Нѣмецкія, и такоже цѣловаше крестъ во Псковѣ по князя великого докончанію; и еще отъ Пскова предъ ними такоже крестъ цѣловаша судьи Псковскіи и соцкіи. (Пск. I, 1461, стр. 220).

Цѣловалъ крестъ посадникъ Максимъ Ларіоновичь и посадникъ Игнатей Логиновичь и соцкіе. (Пск. I, 1464, стр. 226).

Въ лѣто 6979. Тоя же осени отрядивъ Псковъ Тимоөея Власьевича, и Ивана Гахоновича, и Стефана Аөонасьевича, и Якова Ивановича, 4 посадники, а къ нимъ изо всѣхъ концовъ бояръ, на съѣздъ по королеву сроку послали, да съ ними ѣздилъ и самъ князь Өедоръ Юрьевичь и съ сыномъ съ княземъ Васильемъ. (Псков. I, 1471, стр. 235).

Рядомъ съ указанными случаями, гдѣ бояре выступаютъ, какъ представители вѣча, въ памятникахъ указывается рядъ случаевъ,

гдѣ бояре выступаютъ самостоятельно, какъ отдѣльное учрежденіе—боярская дума.

Боярской думѣ приписывается законодательная власть. Боярская дума, повидимому, самостоятельно отмѣняетъ законы.

Во Псковѣ посадникъ Псковскій Өөонасей Юрьевичь, и бояре Псковскіи, и соцкіе и судьи... лняную грамоту подраша, вынемше изъ ларя. (Пск. I, 1472, стр. 243).

Подъ 1484 годомъ лѣтописецъ разсказываетъ о случаѣ изданія новаго закона боярской думой безъ вѣдома вѣча.

Посадниковъ изъ заповѣди закликаша, что грамоту новую списали и въ ларь вложили на сѣняхъ со княземъ Ярославомъ, а Псковъ того не вѣдаетъ. (Пск. I, стр. 266).

Очевидно, по мнѣнію лѣтописца, указанный случай—явленіе неправомѣрное: боярская дума должна была составленную ею „грамоту" довести до вѣдома вѣча для обсужденія и утвержденія. Но, очевидно также, что составленіе проектовъ принадлежало боярской думѣ. Такое предположеніе подтверждается и Псковской Судной грамотой. 108 статья грамоты гласитъ:

А который строкѣ пошлинной грамоты нѣтъ, и посадникомъ доложити господина Пскова на вѣчѣ, да тая строка написать (Христоматія по ист. рус. пр., I, стр. 171).

Законодательная инціатива принадлежитъ посадникамъ, т. е. первенствующимъ членамъ боярской думы, и, вѣроятно, является результатомъ предварительнаго обсужденія законодательнаго вопроса въ думѣ.

Боярская дума является высшимъ центральнымъ судомъ. Какъ высшее судебное учрежденіе боярская дума называется „господой". „Господа" засѣдаетъ у князя „на сѣняхъ" *). Сохранилось до нашего времени судебное рѣшеніе боярской думы, постановленное въ 1483 году. Это судебное рѣшеніе начинается словами:

Передъ господиномъ Псковскимъ Ярославомъ Васильевичемъ, и передъ посадники степенными передъ Левонтіемъ Тимоөеевичемъ и передъ Степаномъ Максимовичемъ, и передъ соцкими, на сѣнѣхъ, стоя на судѣ... (А. Ю., № 2).

Боярская дума самостоятельно ведетъ международныя сношенія.

Князь Александръ Васильевичъ и посадники Псковскіе послаша своего посла, Прокофья судью, въ Выборгъ, къ князю Свейскому Карлу. (Пск. I, 1445, стр. 212).

---

*) Псковская Судная грамота, ст. 4.

Въ засѣданіи боярской думы обсуждаются важнѣйшіе вопросы церковнаго управленія.

Биша челомъ попове невкупніи князю Псковскому Василью Васильевичю, и посаднику степенному Георгію Тимоѳеевичю, и всѣмъ посадникомъ Псковскимъ, что быти четвертому собору во Псковѣ; и шедъ князь и вси посадники Псковскія, отцу господину владыцѣ Еуѳимію биша челомъ: „благослови, господине, 4-му сбору быти во Псковѣ“. (Пск. I, 1453, стр. 215).

Наконецъ, къ предметамъ вѣдомства боярской думы относилась постройка новыхъ городовъ.

Вь лѣто 6939, индикта въ 10, князь Александръ Ѳедоровичь, и Юрьи посадникъ Тимоѳеевичь, и вси посадники Псковскіе заложили городъ новый Выборъ... Того же лѣта, на весну, наяша Псковичи 300 мужей, а заложиша городъ новъ на Гдовѣ, на берегѣ, камену стѣну, князь Дмитрей Александровичь, Якимъ посадникъ и вси посадники Псковскіе. (Пск. I, 1431, стр. 206).

Приведенные факты дѣятельности боярской думы указываютъ и на ея составъ.

Какъ въ Новгородѣ, и въ Псковѣ членами думы являются лица, находящіяся на службѣ господину Пскову. Къ такимъ лицамъ относятся: князь или его намѣстникъ, посадники—степенные и старые, сотскіе и судьи. Кромѣ этихъ постоянныхъ членовъ думы, вѣроятно, въ отдѣльныя засѣданія приглашались и другіе „бояре отъ концевъ“, ибо и они выполняли отдѣльныя порученія господина Пскова.

Высшимъ представителемъ церкви въ Псковѣ былъ намѣстникъ Новгородскаго владыки. Намѣстникъ владыки, наравнѣ съ боярами, выступаетъ представителемъ господина Пскова во внѣшнихъ сношеніяхъ.

Послаша Псковичи своего посла, посадника Селивестра Леонтьевича да намѣстника владычня Парфея, въ Литву, ко князю Витовту; и пріѣхаша ко князю Витовту и кончаша миръ. (Пск. I, 1427, стр. 205).

Можно предполагать, что намѣстникъ владыки приглашался и въ засѣданія боярской думы.

3. *Галиція и Волынь.*

На юго-западѣ (въ Галицкой и Волынской, отчасти Кіевской, земляхъ) съ конца XII вѣка получаетъ преобладаніе начало аристократическое.

Проф. Владимирскій-Будановъ со свойственной ему краткостью и ясностью даетъ отвѣтъ на вопросъ о причинахъ усиленія на юго-западѣ аристократіи, на сколько этотъ вопросъ выяснился въ нашей исторической литературѣ *). Особенности Галицко-Волынскаго государственнаго устройства, говоритъ проф. Владимирскій-Будановъ, заключаются въ преобладаніи боярской власти надъ княземъ и вѣчемъ. „Предположительно зародыши такой особенности могли существовать въ Галицкой землѣ съ древнѣйшихъ временъ, ибо обстоятельствами, содѣйствовавшими образованію ихъ, были природныя и мѣстныя условія этой земли. Природное богатство почвы по Днѣстру, Сану и Бугу дало могущество классу землевладѣльцевъ, т. е. бояръ по преимуществу. Но слѣдуетъ признать, что и сосѣдство съ Польшею и Венгріею (странами, въ которыхъ рано развился аристократическій элементъ) имѣло свою долю вліянія на особенный складъ государственнаго устройства Галиціи (хотя бы и безъ прямыхъ заимствованій)“ **).

Послѣднія указанія памятниковъ на вѣчевыя собранія относятся къ XIII в. Усиленіе боярской власти, съ одной стороны, Татарское нашествіе, съ другой, способствуютъ паденію вѣчевыхъ собраній.

Какъ на сѣверо-востокѣ, такъ и здѣсь на юго-западѣ, происходитъ борьба между княземъ и боярами. На сѣверо-востокѣ борьба окончилась торжествомъ княжеской власти, на юго-западѣ она окончилась торжествомъ бояръ.

Значеніе Галицкихъ бояръ начинаетъ ясно обнаруживаться во время княженія Ярослава Владимировича.

Въ началѣ княженія Ярослава Владимировича между княземъ и боярами была полная гармонія. Объ этомъ свидѣтельствуетъ

---

*) На преобладающее значеніе Галицкихъ бояръ и на причины этого явленія указалъ еще Соловьевъ въ своей диссертаціи „Исторія отношеній между кн. Рюр. д.“ (стр. 243 и слѣд.). Особенную важность въ разрѣшеніи этого вопроса имѣетъ сочиненіе проф. Н. П. Дашкевича „Княженіе Даніила Галицкаго“. Разъясненія того же вопроса находимъ также въ сочиненіяхъ — Молчановскаго (Очеркъ извѣстій о Подольской землѣ до 1424 года), Линниченка, (Черты изъ исторіи сословій въ юго-западной Галицкой Руси XIV—XV в.), Иванова, (Историческія судьбы Волынской земли съ древнѣйшихъ временъ до конца XIV вѣка), Мирона Кордубы (Суспільни верстви та политичні партіи в Галицьким князівстві до половини XIII століття, въ Запискахъ наук. товар. им. Шевченка, т. XXXI—XXXII).

**) Обзоръ по ист. рус. пр., стр. 66.

лѣтописный разсказъ о Теребовльской битвѣ. Бояре не допустили князя принять личное участіе въ битвѣ, при чемъ обратились къ нему съ такою рѣчью:

„ты еси молодъ, а поѣди прочь и насъ позоруй, како ны будеть отець твой кормилъ и любилъ, а хочемъ за отца твоего честь и за твою головы своя сложити"; и рѣша князю своему: „ты еси у насъ одинъ, оже ся тобѣ што учинить, то што намъ дѣяти? а поѣди, княже, къ городу, ать мы ся бьемъ сами съ Изяславомъ, а кто насъ будеть живъ, а прибѣгнеть къ тобѣ, а тогда ся затворимъ в городѣ с тобою". (Ипат., 1153, стр. 321).

Кромѣ этого разсказа, есть въ лѣтописи и другія указанія на согласіе между княземъ и боярами.

Подъ 1165 годомъ лѣтописецъ разсказываетъ, что князь отправилъ въ Византію сопровождать греческаго царевича епископа Кузьму и бояръ („переднихъ мужей")*).

Дѣлая общую оцѣнку правительственной дѣятельности Ярослава Владимировича, лѣтописецъ дѣлаетъ такое замѣчаніе:

гдѣ бо бяшеть ему обида, самъ не ходяшеть полкы своими, но посылашеть я съ воеводами. (Ипат., 1187, стр. 442).

Дѣятельностью воеводъ, т. е. бояръ, можно объяснить то могущество Галицкаго князя Ярослава Владимировича, о которомъ свидѣтельствуетъ пѣвецъ „Слова о полку Игоревѣ".

Изъ числа этихъ воеводъ лѣтописецъ называетъ одного—Константина Сѣрославича **).

Рядомъ съ этимъ въ лѣтописи есть указанія на борьбу бояръ съ княземъ. Подъ 1159 годомъ лѣтописецъ разсказываетъ:

Том же лѣтѣ поча рать Изяславъ Давыдовичь на Ярослава на Галичьскаго, ища волости Иванови Ростиславичю, рекшему Берладнику: слахуть бо ся къ нему Галичане, веляче ему всѣсти на конѣ, и тѣмь словомъ поущиваюгь его к собѣ рекуче: „толико явишь стягы, и мы отступимъ отъ Ярослава". (Ипат., стр. 342).

Подъ „Галичанами", вступившими въ переговоры съ княземъ, слѣдуетъ разумѣть, конечно, не простыхъ людей, а бояръ.

Совершенно ясно виденъ конфликтъ между княземъ и боярами изъ слѣдующаго разсказа лѣтописи подъ 1173 годомъ:

Въ томъ же лѣтѣ выбѣже княгини Ярославляя изъ Галича въ Ляхи съ сыномъ с Володимиромъ, и Кстятинъ Сѣрославичь и мнози бояре с нею. (Ипат., стр. 384).

---

*) Ипат., 1165, стр. 359.
**) Тамъ-же, 1158, стр. 335.

Бояре вступились за права законной супруги и законнаго сына князя. Князь вынужденъ былъ уступить. Его наложница Настаська была сожжена, сынъ ея отправленъ въ заточеніе, а самъ князь цѣловалъ крестъ въ томъ, что „ему имѣти княгиню въ правду“ *).

Впослѣдствіи князь съумѣлъ сломить это сопротивленіе бояръ. Въ слѣдующемъ (1174) году Владимиръ убѣжалъ изъ Галича въ Луцкъ, а оттуда въ Торческъ. Въ 1183 году Ярославъ изгналъ Владимира изъ Галича и лишилъ его наслѣдства **). Князь Сѣверскій Игорь Святославичъ примирилъ отца съ сыномъ. Незадолго до смерти Ярославъ Владимировичъ завѣщалъ Галицкій столъ своему младшему сыну отъ наложницы Настаськи Олегу, а старшему законному Владимиру завѣщалъ столъ Перемышльскій. Владимиръ и бояре должны были цѣловать крестъ, что эта послѣдняя воля князя будетъ исполнена.

Послѣ смерти Ярослава Владимировича, его завѣщаніе, скрѣпленное крестнымъ цѣлованіемъ сына и бояръ, было нарушено. На Галицкій столъ сѣлъ Владимиръ.

Владимира лѣтописецъ изображаетъ человѣкомъ распутнымъ: онъ „бѣ любезнивъ питію многому... гдѣ улюбивъ жену, или чью дочерь, поимашеть насильемъ“. Онъ завелъ себѣ любовницу, какую то попадью, отъ которой прижилъ двухъ сыновей.

Кромѣ того, Владимиръ вступилъ въ борьбу съ боярами, онъ „думы не любяшеть с мужми своими“.

Волынскій князь Романъ, узнавши о томъ, что Галицкіе бояре („мужи“) „не добро живуть съ княземъ своимъ“, вступаетъ съ ними въ переговоры, подговариваетъ ихъ изгнать Владимира и пригласить его, Романа, на Галицкій столъ. Если Волынскій князь завелъ переговоры съ боярами Галицкими по вопросу о приглашеніи князя, то, очевидно, разрѣшеніе этого вопроса зависѣло отъ нихъ.

Политика Волынскаго князя имѣла успѣхъ. Значительная часть Галицкихъ бояръ подняла вооруженное возстаніе противъ своего князя. Владимиръ убѣжалъ къ Венгерскому королю, а Галицкіе бояре посадили Романа на Галицкомъ столѣ.

---

*) Ипат., стр. 385.
**) Тамъ-же, стр. 388, 389, 428.

Вскорѣ Венгерскій король выгналъ Романа и посадилъ на Галицкомъ столѣ своего сына Андрея. Нѣкоторые бояре примирились съ княземъ—иностранцемъ. Но большинство было недовольно имъ. Эти недовольные Галицкіе мужи послали „к Ростиславу Берладничичю, зовуще его к собѣ в Галичь на княженіе“. Произошла битва между Венгерскимъ войскомъ и сторонниками Венгерскаго королевича, съ одной стороны, и дружиной князя Ростислава, съ другой. Самъ Ростиславъ былъ смертельно раненъ въ этой стычкѣ.

Этотъ случай показалъ Венграмъ, что Галицкіе бояре стремятся имѣть русскаго князя. Венгры начали производить всевозможныя насилія и еще болѣе вооружили противъ себя Галичанъ.

Когда послѣ этого наслѣдственный Галицкій князь Владиміръ Ярославичъ подступилъ къ Галичу, то

> Галичькии мужи срѣтоша его с радостью великою князя своего и дѣдича, а королевича прогнаша изъ земли своея. (Ипат., 1190, стр. 448).

Въ 1198 году, по смерти Владиміра Ярославича, на Галицкомъ столѣ снова сѣлъ Волынскій князь Романъ Мстиславичъ, соединившій подъ своею властью Волынь и Галицію. Пріобрѣтя Галицкій столъ при помощи Поляковъ и стремясь, подобно своему современнику на сѣверо-востокѣ Всеволоду Юрьевичу, къ объединенію отдѣльныхъ земель и къ усиленію княжеской власти Романъ Мстиславичъ ведетъ сознательную борьбу съ той политической силой, которая стояла на пути усиленія княжеской власти, т. е. съ боярами. По свидѣтельству польскихъ источниковъ, Романъ Мстиславичъ прибѣгалъ къ самымъ жестокимъ мѣрамъ въ борьбѣ съ боярами *).

Побѣда, очевидно, была на сторонѣ княжеской власти. Не даромъ русскій лѣтописецъ именуетъ Романа Мстиславича „самодержцемъ всей Русской земли“ **).

Но это была временная побѣда. Подъ 1202 годомъ лѣтописецъ снова сообщаетъ, что бояре Галицкіе по прежнему распоряжаются княжескимъ столомъ. Въ этомъ году бояре пригласили князей Игоревичей: одного—Владиміра посадили въ Галичѣ, другого—Романа въ Звенигородѣ ***).

---

*) Dlugossi, Hist. pol., I, стр. 580.
**) Ипат., стр. 479.
***) Тамъ же, стр. 481.

Въ то же время, подобно Галицкимъ боярамъ, и Волынскіе бояре распоряжаются княжескимъ столомъ. Ингваръ Ярославичъ лишился Владимирскаго стола по той причинѣ, что „бояре не любили“ его*).

Игоревичи скоро поссорились. Одинъ изъ нихъ—Романъ съ помощью Венгровъ овладѣлъ Галичемъ. а другой Владимиръ ушелъ изъ Галича въ Путивль **). Романъ вскорѣ лишился Галицкаго стола, но, затѣмъ, снова сѣлъ на немъ. По разсказу Воскресенской (и Никоновской) лѣтописи, черезъ два года

> Ростиславъ Рюриковичь сѣде въ Галичи, а Романа Игоревича выгнаша; осени тоя же выгнаша изъ Галича Ростислава Рюриковича, а Романа Игоревича посадиша. (Воскр., 1210, стр. 116—117).

Кто выгналъ одного князя и посадилъ на столѣ другого? Очевидно, тѣ же бояре, „мужи Галицкіе“, о которыхъ говоритъ постоянно Ипатская лѣтопись.

Венгерскій король Андрей рѣшилъ воспользоваться смутами въ Галиціи („увидѣвъ беззаконье Галицкое и мятежь“) и присоединить ее къ своимъ владѣніямъ. Венгерское войско, подъ предводительствомъ Бенедикта, вошло въ Галицію, и князь Романъ былъ схваченъ.

Бенедиктъ, сдѣлавшись правителемъ Галиціи, совершалъ такія насилія надъ населеніемъ, что получилъ названіе антихриста. Выведенные изъ терпѣнія этими насиліями, Галичане призвали на помощь князя Пересопницкаго Мстислава Ярославича. Но Мстиславъ, очевидно, оказался слишкомъ слабымъ для борьбы съ Венграми. Лѣтописецъ разсказываетъ слѣдующее объ этомъ приглашеніи Пересопницкаго князя:

> И приидe к Галичю; и не успѣвшю ему ничтоже, Щепановичь Илия возведъ и на Галичину могилу, осклабився рече ему: „княже! уже еси на Галичинѣ могылѣ посѣдѣлъ, тако и въ Галичѣ княжилъ еси“; смѣяхубося ему, воротися въ Пересопницю. (Ипат., стр. 483—484).

Илья Щепановичъ, какъ видно изъ послѣдующаго разсказа, —„великій бояринъ“. Насмѣшка боярина надъ княземъ характеризуетъ вообще отношенія бояръ Галицкихъ къ князьямъ.

Между тѣмъ Романъ освободился изъ плѣна. Галичане (вѣроятно, тѣ же „мужи Галицкіе“, бояре) обратились снова къ Игоревичамъ со словами:

> „сгрѣшихомъ вамъ, избави ны томителя сего Бенедикта“.

---

*) Ипат., стр. 487.
**) Тамъ же. стр 482.

Игоревичи явились съ сильнымъ войскомъ, изгнали Венгровъ и заняли столы княжескіе въ Галиціи: Владиміръ въ Галичѣ, Романъ въ Звенигородѣ и Святославъ въ Перемышлѣ.

Игоревичи не долго были въ мирѣ съ Галицкими боярами.

Съвѣтъ же створиша Игоревичи на бояре Галичкыи, да избьють и, по прилучаю избьени быша; и убьенъ же бысть Юрьи Витановичь, Илия Щепановичь, инии велиции бояре; убьено же бысть ихъ числомъ 500, а инии разбѣгошася. (Ипат., стр. 484).

Нѣкоторые бояре (и между ними одинъ изъ наиболѣе вліятельныхъ Володиславъ) убѣжали въ Венгрію, гдѣ въ то время находился законный наслѣдникъ Галицкаго стола старшій сынъ покойнаго Романа Мстиславича—Даніилъ. Эти бояре обратились къ Венгерскому королю съ просьбой:

„дай намъ отцича Галичю Данила, атъ съ нимъ приимемъ и отъ Игоревичевъ". (Ипат., стр. 484).

Венгерскій король исполнилъ ихъ просьбу. Даніилъ съ Венгерскимъ войскомъ двинулся въ Галицію. Игоревичи были схвачены и, затѣмъ, повѣшены Галицкими боярами. Даніилъ сѣлъ на Галицкомъ столѣ. Разсказывая объ этомъ, лѣтописецъ считаетъ необходимымъ указать на участіе бояръ Галицкихъ и Волынскихъ въ этомъ событіи:

Тогда же бояре Володимьрьстии и Галичкыи, и Вячеславъ Володимерьскый, и Володиславъ Галицкий, и бояре Володимерьстии и Галичкыи, и воеводы Угорьскыя, и вси посадиша князя Данила на столѣ отца своего великаго князя Романа. (Ипат., стр 486).

Узнавши объ этомъ, княгиня Романовая (т. е. вдова Романа, мать Даніила) прибыла въ Галичъ. Даніилъ былъ слишкомъ молодъ. Управленіе государствомъ должно было въ дѣйствительности находиться въ рукахъ его матери. Это не могло нравиться боярамъ, и они потребовали удаленія матери князя изъ Галича, ибо сами хотѣли княжить, по словамъ лѣтописца.

По удаленіи матери малолѣтняго князя, управленіе перешло къ боярской думѣ. Тогда король Венгерскій, а также Владимірскіе бояре, Луцкій князь Ингваръ и нѣкоторые другіе князья выступили защитниками правъ княгини Романовой. Наиболѣе вліятельные члены Галицкой боярской думы—Володиславъ, Судиславъ и Филиппъ были схачены. Володиславъ былъ заключенъ въ оковы и отправленъ въ Венгрію.

Тогда нѣкоторые бояре призвали Пересопницкаго князя Мстислава. Даніилъ съ своею матерью убѣжали въ Венгрію.

Между тѣмъ въ Венгріи Володиславъ, очевидно, успѣлъ войти въ довѣріе къ королю и расположить его въ свою пользу. Во главѣ большого Венгерскаго войска Володиславъ отправляется въ 1210 году въ Галицію. Мстиславъ убѣжалъ изъ Галича, а Володиславъ, по словамъ лѣтописи, „воѣха в Галичь, и вокняжися и сѣде на столѣ“ *).

Это была совершенно незаконная узурпація княжеской власти: „не есть лѣпо боярину княжити“, говорили современники **).

Противъ узурпатора и въ защиту Даніила выступили король Польскій и многіе бояре Галицкіе („великіе бояре“). Они привлекли на свою сторону и Венгерскаго короля. Володиславъ былъ схваченъ, подвергнутъ заточенію

> и въ томъ заточеньи умре, нашедъ зло племени своему и дѣтемь своимъ, княжения дѣля: вси бо князи не призряху дѣтий его того ради. (Ипат., стр. 489).

Между королями Польскимъ и Венгерскимъ состоялось соглашеніе: королевичъ Венгерскій женился на дочери Польскаго короля и сѣлъ на Галицкомъ столѣ. Даніилъ Романовичъ получилъ столъ Владимирскій.

Вскорѣ послѣ этого соглашенія король Польскій и король Венгерскій поссорились. Польскій король началъ побуждать князя Мстислава Мстиславича искать Галицкаго стола.

Мстиславъ Мстиславичъ сѣлъ на Галицкомъ столѣ и дочь свою выдалъ замужъ за Даніила. Мстиславъ Мстиславичъ оставался княземъ Галицкимъ въ теченіе довольно продолжительнаго времени. Значеніе бояръ во время его княженія видно изъ слѣдующихъ фактовъ:

Въ 1226 бояре, подозрѣвая замыслы по отношенію къ нимъ со стороны князя, корпоративно удалились изъ Галича.

> Въ лѣто 6734. Льстивому Жирославу рекшю къ бояромъ Галичькимъ: „яко идеть Мьстиславъ в поле, и хоцеть вы предати тестеви своему Котяню на избитье“, Мьстиславу же праву сущю о семъ и не свѣдущю ничтоже о нихъ, они же емше вѣры отъидоша в землю Перемышльскую, в горы Кавокасьския, рекше во Угорьскыя, на рѣку Днѣстръ.

---

*) Ипат., стр. 448.
**) Ипат., стр. 489.

Между княземъ и удалившимися боярами завязалися сношенія черезъ пословъ. Князю удалось убѣдить бояръ, что Жирославъ его оклеветалъ, и бояре вернулись обратно въ Галичъ. Бояре

> послаша послы своя, рекуще: „яко Жирославъ повѣдалъ ны есть“... Мьстиславу же пославшу отца своего Тимофѣя: „яко всуе оклеветалъ мя есть к вамъ Жирославъ“; Тимофею же кленшюся имъ о семъ, яко не свѣдущу Мьстиславу ничто же о семь: и приведе бояре вси к нему. (Ипат, стр. 498, 499).

Эти факты—удаленіе бояръ, необходимость для князя приводить доказательства своей невинности по отношенію къ боярамъ и убѣждать бояръ вернуться обратно—краснорѣчивое свидѣтельство о корпоративномъ значеніи бояръ.

Въ томъ же 1226 году Мстиславъ, по совѣту бояръ, выдалъ младшую дочь свою за Венгерскаго королевича Андрея.

> Мьстиславъ же, по совѣтѣ льстивыхъ бояръ Галичькихъ, вда дщерь свою меншую за королевича Андрѣя, и дасть ему Перемышль. (Ипат, стр. 499).

Затѣмъ, бояре обратились съ требованіемъ къ Мстиславу Мстиславичу передать Галицкій столъ своему зятю королевичу Андрею.

> Судиславу льстящю подо Мьстиславомъ, рече ему: „княже! дай дщерь обрученую за королевича, и дай ему Галичь: не можешь бо держати самъ, а бояре не хотять тебе“. (Ипат., стр. 500).

Судиславъ обращается къ князю отъ имени бояръ. Очевидно, дѣло происходило въ засѣданіи боярской думы. Судиславъ выразитель общаго мнѣнія или мнѣнія большинства въ думѣ. Кромѣ Судислава, лѣтописецъ называетъ по имени другого члена думы, игравшаго активную роль въ этомъ засѣданіи,—Глѣба Зеремѣевича.

Князь не соглашался съ мнѣніями Судислава и Глѣба Зеремѣевича, онъ предполагалъ передать Галицкій столъ другому своему зятю—Даніилу Романовичу, на сторонѣ котораго было и вѣче („Галичане“). Но князь, не смотря даже на сочувствіе вѣча, вынужденъ былъ уступить боярской думѣ. Княземъ Галицкимъ сдѣлался угодный боярамъ Венгерскій королевичъ Андрей *).

Послѣ смерти Мстислава Мстиславича среди членовъ боярской думы, очевидно, образовался расколъ: часть бояръ съ Судиславомъ во главѣ была на сторонѣ Венгерскаго королевича, другая часть (Мирославъ, Володиславъ и другіе) были на сторонѣ Даніила.

---

*) Ипат., стр. 500—501.

Опираясь на вѣче и этихъ бояръ, своихъ приверженцевъ, Даніилъ овладѣлъ Галицкимъ столомъ въ 1229 году. Королевичъ Андрей ушелъ въ Венгрію вмѣстѣ съ бояриномъ Судиславомъ *).

Въ слѣдующемъ году бояре Галицкіе вмѣстѣ съ княземъ Белзскимъ Александромъ Всеволодичемъ составили заговоръ на жизнь Даніила. Заговоръ былъ открытъ. Главные руководители заговора бояре Молибоговичи были пощажены и прощены княземъ („ти смерти не прияша, но милость получиша").

Очевидно, по мнѣнію лѣтописца, князь оказалъ заговорщикамъ совершенно незаслуженную милость. При этомъ лѣтописецъ какъ бы для подтвержденія этого своего мнѣнія разсказываетъ объ одномъ случаѣ, имѣвшемъ мѣсто въ отношеніяхъ между княземъ и боярами, случаѣ, который свидѣтельствуетъ о силѣ и могуществѣ бояръ Галицкихъ.

Некогда ему в пиру веселящуся, одинъ отъ тѣхъ безбожныхъ бояръ лице зали ему чашею, и то ему стерпѣвшу. (Ипат., стр. 509).

Для борьбы съ боярами и Белзскимъ княземъ Александромъ Всеволодичемъ, который занялъ Перемышль, Даніилъ обращается за помощью къ вѣчу.

Даніилу созвавшу вѣче, оставьшуся въ 18 отрокъ вѣрныхъ, и съ Дѣмьяномъ тысяцкымъ своимъ, и рече имъ: „хочете ли быти вѣрни мнѣ, да изыду на враги мое"? онѣмъ же кликнувшимъ: „вѣрни есмы Богу и тобѣ господину нашему, изыди с Божиею помощью", соцкый же Микула рече: „Господине! не погнетши пчелъ меду не ѣдать". (Ипат., стр. 509).

Послѣдующія событія показали, что вѣче было слабымъ помощникомъ, въ борьбѣ съ боярами.

Даніилъ подступилъ къ Перемышлю. Александръ Всеволодичъ убѣжалъ въ Венгрію; здѣсь онъ и бояринъ Судиславъ уговорили Венгерскаго короля отправиться съ сильнымъ войскомъ въ Галицію. Бояре Галицкіе перешли на сторону Венгровъ, и снова Венгерскій королевичъ занялъ Галицкій столъ. Даніилъ вступаетъ въ борьбу съ Венграми и одерживаетъ верхъ надъ Венграми тогда, когда на его сторону переходятъ Галицкіе бояре. Даніилъ занялъ Галицкій столъ и щедро наградилъ бояръ.

Въ лѣто 6742. Иступи Глѣбъ Земерѣевичь отъ королевича к Даниловi. Данилъ же и Василко и одна поидоста к Галичю, срѣтоша

*) Тамъ же, стр. 506—507.

и большаа половина Галича: Доброславъ и Глѣбъ, инии бояре мнози; и прішедъ ста на березѣ Днѣстра, и прия землю Галичьскую и розда городы бояромъ и воеводамъ, и бѣаше корма у нихъ много (Ипат., стр. 514)

Вскорѣ послѣ этого Даніилъ снова потерялъ Галицкій столъ и опять по винѣ бояръ („бояре Галичьстии воздвигоша крамолу"). Галицкимъ столомъ овладѣлъ Черниговскій князь Михаилъ Всеволодичъ. Занявши, затѣмъ, столъ Кіевскій, Михаилъ Всеволодичъ передалъ Галичъ своему сыну Ростиславу. Ростиславъ отправился съ дружиной на Литву. Узнавши объ этомъ, Даніилъ явился подъ стѣнами Галича и обратился къ Галичанамъ съ такими словами:

„о мужи градьстии! доколѣ хощете терпѣти иноплеменьныхъ князий державу?" Они же воскликнувше рѣша: „яко се есть держатель нашь Богомъ даный" и пустишася яко дѣти ко отчю, яко пчелы к матцѣ, яко жажющи воды ко источнику.

Бояре вынуждены были признать Даніила Галицкимъ княземъ. По словамъ лѣтописца,

бояре пришедше падше на ногу его, просяще милости: „яко согрѣшихомъ ти, иного князя держахомъ". (Ипат., стр. 518).

Эти слова бояръ свидѣтельствуютъ, что и Михаилъ Всеволодичъ занялъ Галицкій столъ благодаря помощи бояръ.

Отношенія, какія послѣ этого установились между княземъ и боярами характеризуются слѣдующими словами лѣтописца:

Бояре же Галичьстии Данила княземъ собѣ называху, а самѣ всю землю держаху; Доброславъ же вокняжилъся бѣ и Судьичь, поповъ внукъ, и грабяше всю землю, и въшедъ во Бакоту все Понизье прия, безъ княжа повелѣния; Григорья же Васильевичь собѣ горную страну Перемышльскую мышляше одержати; и бысть мятежь великъ в землѣ и грабежь отъ нихъ. Данилъ же, увѣдавъ, посла Якова столника своего с великою жалостью ко Доброслову, глаголя к нимь: „князь вашь азъ есмь, повелениия моего не творите, землю грабите; Черниговьскихъ бояръ не велѣхъ ти, Доброславе, приимати, нъ дати волости Галичкимъ, а Коломыйскюю соль отлучити на мя"; оному же рекшу: „да будеть тако". (Ипат., стр. 525).

Въ этихъ словахъ ясно видны особенности государственнаго строя Галиціи. Органами верховной власти являются—князь и боярская дума, но боярская дума имѣетъ преобладающее значеніе: бояре называли Даніила своимъ княземъ, а сами землю держали. Лѣтописецъ называетъ по именамъ нѣсколькихъ членовъ боярской думы (вѣроятно, наиболѣе вліятельныхъ)—Доброслава, Судь-

ича и Григорія Васильевича. Отдѣльные члены боярской думы („великіе бояре“) управляютъ провинціями на правахъ князей: „Доброславъ вокняжился“, говоритъ лѣтописецъ объ одномъ изъ нихъ. Члены боярской думы, какъ правители провинцій, съ своей стороны раздаютъ меньшія административныя единицы—волости—въ управленіе другимъ боярамъ (меньшимъ, не членамъ думы). Самъ князь Галицкій признаетъ за Галицкими боярами исключичительное право управлять волостями; онъ лишь упрекаетъ Доброслава въ томъ, что тотъ раздаетъ волости пришлымъ Черниговскимъ боярамъ. Мало того, великіе бояре, какъ, напримѣръ, Доброславъ, самовольно распоряжаются княжескими регаліями.

Князь черезъ своего стольника Якова упрекаетъ Доброслава въ томъ, что онъ не выполнилъ повелѣнія княжескаго—не касаться Коломыи, какъ княжеской регаліи. Но когда Яковъ сидѣлъ у Доброслава пришли два боярина Лазарь Домажиричъ и Иворъ Молибожичъ и поклонились Доброславу до земли. Яковъ спросилъ, что обозначаютъ эти поклоны? „Вдахъ има Коломыю“, отвѣтилъ Доброславъ. На это такъ сказалъ княжескій стольникъ:

„Како можеши бес повеленія княжа отдати ю сима, яко велиции князи держать сию Коломыю на роздавание оружьникамъ“.

Доброславъ не находитъ нужнымъ оправдываться въ своемъ поступкѣ:

онъ же усмѣявься рече: „то что могу же глаголити“. (Ипат., стр. 525).

Когда стольникъ Яковъ разсказалъ объ этомъ князю, то послѣдній, по словамъ лѣтописца,

скорбяше и моляшеся Богу о отчинѣ своей, яко нечестивымъ симъ держати ю и обладати ю.

Эти слова лѣтописца свидѣтельствуютъ о безсиліи княжеской власти въ борьбѣ съ боярами. Только раздоры въ средѣ самихъ бояръ могли доставить побѣду князю. Вскорѣ послѣ описаннаго случая произошли раздоры между упомянутыми выше боярами—Доброславомъ и Григоріемъ Васильевичемъ. Доброславъ „самъ хотяше всю землю одержати“; для этого необходимо было устранить соперника. Доброславъ обвиняетъ Григорія Васильевича передъ княземъ въ измѣнѣ. Въ разсказѣ объ этомъ раздорѣ между боярами лѣтописецъ указываетъ на одну подробность, рисующую силу бояръ и ихъ отношенія къ князю.

Прiѣхаша с великою гордынею, едучю Доброславу во одиной сорочьцѣ, гордящу, ни на землю смотрящю, Галичаномъ же текущимъ у стремени его. (Ипат., стр. 525).

Князь воспользовался этими раздорами двухъ могущественныхъ соперниковъ; оба были схвачены.

Лишь только окончена была борьба Данiила съ боярами, началась борьба съ Ростиславомъ Михайловичемъ за обладанiе Галицкимъ столомъ. Нѣкоторые бояре были на сторонѣ Ростислава Мстиславича; таковъ былъ Володиславъ. Но большинство бояръ, повидимому, было на сторонѣ Данiила. Данiилъ вышелъ побѣдителемъ изъ этой борьбы и послѣ этого до своей смерти прочно утвердился на Галицкомъ столѣ.

Въ дальнѣйшихъ разсказахъ лѣтописи уже не встрѣчается указанiй на борьбу князя съ боярами; наоборотъ, есть указанiя на совмѣстную дѣятельность князя и бояръ *). Очевидно, между княжеской властью и боярской думой установилось согласiе.

Согласiе продолжается и при преемникахъ Романовичей. Объ этомъ согласiи свидѣтельствуетъ прежде всего то обстоятельство, что въ разсказахъ лѣтописца князья—преемники Романовичей обыкновенно окружены боярами: въ 1277 году въ походѣ на Литву принимали участiе князья Владимиръ Васильковичъ, Мстиславъ Данiиловичъ и Юрiй Львовичъ вмѣстѣ съ боярами, причемъ многiе бояре были убиты, а нѣкоторые взяты въ плѣнъ **); въ 1287 году прiѣзжалъ на Волынь Польскiй князь Конрадъ Семовитовичъ, его встрѣтилъ князь Луцкiй Мстиславъ Данiиловичъ со своими боярами ***); въ 1289 году тотъ же Луцкiй князь прiѣхалъ со своими боярами на погребенiе князя Владимира Васильковича †) и т. д.

О согласiи между боярами и князьями, преемниками Романовичей, свидѣтельствуютъ также слѣдующiе сообщаемые лѣтописцемъ факты:

Дѣлая характеристику Волынскаго князя Владимира Васильковича, лѣтописецъ говоритъ, что онъ „правдолюбьемь светяся ко всей своей братьи и к бояромъ и ко простымъ людемь“ †*).

*) Ипат., стр. 545, 550, 563 и др.
**) Тамъ же, стр. 579.
***) Тамъ же, стр. 597.
†) Тамъ же, стр. 610.
†*) Ипат., 1272, стр. 574.

Когда Владимиръ Васильковичъ умеръ, на его погребеніе собрался весь городъ; покойнаго князя оплакивали не только всѣ Владимирцы (въ томъ числѣ „и бояре вси стари и молоди"), но и Нѣмцы, Сурожцы, Новгородцы и Евреи; въ особенности сильна была, по словамъ лѣтописца, скорбь бояръ („наипаче же плакахуся по немь лепшии мужи Володимерьстии") *).

Въ 1276 году построенъ былъ городъ Каменецъ; мѣсто для города выбрано было княземъ и боярами.

Князь же самъ ѣха, с бояры и слугами, и улюби мѣсто то надъ берегомъ рѣки Лысны, и отереби е; и потомъ сруби на немь городъ и нарче имя ему Каменѣць зане бысть земля камена. (Ипат., стр. 578).

Подъ 1287 годомъ лѣтописецъ разсказываетъ, что Волынскій князь Владимиръ Васильковичъ,

пребывъ мало дней у Володимери, и нача молвити княгини своей и бояромъ: „хотѣлъ быхъ доѣхати до Любомля, зане досадила мь погань си; а человѣкъ есмь боленъ, ни я с ними могу повѣстити, а прояли мь уже и на печенехъ; а се мене мѣсто пископъ же Маркъ". (Ипат., стр. 592).

Рѣчь идетъ, очевидно, о засѣданіи боярской думы Волынской земли; въ засѣданіи обсуждался вопросъ объ отъѣздѣ больного князя и о временномъ замѣщеніи его епископомъ.

Подъ тѣмъ же годомъ лѣтописецъ сообщаетъ о томъ, что Луцкій князь Мстиславъ Даніиловичъ раздаетъ боярамъ села и города **).

Въ томъ же году князь Волынскій Владимиръ Васильковичъ заключилъ договоръ со своимъ двоюроднымъ братомъ Луцкимъ княземъ Мстиславомъ Даниловичемъ. При заключеніи договора присутствовали: епископъ Владимирскій и бояре Луцкаго князя, а также слуги дворные одного и другого князя ***).

Въ 1289 году умеръ Владимиръ Васильковичъ. Согласно указанному договору, всѣ его владѣнія должны были перейти Мстиславу Даніиловичу.

Но оказалось, что однимъ изъ Волынскихъ городовъ—Берестьемъ—овладѣлъ князь Юрій Львовичъ.

Мьстиславу же рекоша боярѣ его и братни бояре: „Господине! сыновѣць твой велику соромоту возложи на тя; тобѣ далъ Богъ, и братъ

*) Тамъ же, стр 604—605; см. выше, стр. 74.
**) Ипат., стр. 592.
***) Тамъ же, стр. 593—594.

твой, и молитва дѣда твоего и отца твоего, можемь, господине, головы своя положити за тя, и дѣти наши; пойди. первое займи городъ его Белзъ и Червенъ, но тоже пойдешь к Берестью". Князь же Мьстиславъ бяшеть легосердъ, и рече бояромъ своимъ: „не дай ми Богъ того учинити, оже бы мнѣ пролити кровь неповиньную"... И посла послы ко сыновцю своему. (Ипат., стр. 611).

Вопросъ, очевидно, обсуждался въ боярской думѣ Волынской земли; составъ думы, послѣ смерти Владимира Васильковича, пополнился новыми боярами—Луцкими.

Вскорѣ послѣ этого на жителей Берестья наложена была новая подать (ловчее) княземъ Мстиславомъ Даніиловичемъ въ присутствіи бояръ *).

Въ 1291 году князь Левъ Даніиловичъ, послѣ предварительнаго совѣщанія съ боярами, началъ опустошать землю Генриха, князя Силезскаго.

Левъ... дума много с бояры своими, посла рать свою к Воротьславу воевати Индрихьвы земли. (Ипат., стр. 615).

Мнѣніе о преобладающемъ значеніи бояръ въ государственной жизни земель Волынской и Галицкой въ концѣ XII и въ XIII в.в. можно считать установившимся въ русской исторической литературѣ. Изложенные нами разсказы лѣтописи краснорѣчиво подтверждаютъ правильность этого мнѣнія и опровергаютъ противоположное мнѣніе К. Д. Кавелина и И. П. Филевича, не признающихъ особеннаго значенія Галицкаго боярства **).

Авторъ „Боярской думы древней Руси" проф. В. О. Ключевскій признаетъ силу и могущество Галицкихъ бояръ. Галицкій бояринъ XIII в., по характеристикѣ проф. Ключевскаго, держитъ въ рукахъ и князя и простого обывателя. Но это—крамольникъ: „господство галицкаго боярства, какъ его изображаетъ лѣтопись XII и XIII в., производитъ впечатлѣніе боярской анархіи, которой не удалось превратиться въ прочный аристократическій порядокъ" ***). Крамольниками называетъ иногда Галицкихъ бояръ и лѣтописецъ. Но въ какихъ именно случаяхъ?

---

*) См. выше, стр. 125—126.

**) „То, что было въ Галичѣ, было вездѣ", писалъ К. Д. Кавелинъ, опровергая мнѣніе С. М. Соловьева. (Собр. соч., т. I, стр. 372). И. П. Филевичъ говоритъ: „мнѣніе о роли и значеніи галицкаго боярства мы считаемъ такимъ же научнымъ недоразумѣніемъ, какихъ не мало можно отмѣтить во взглядахъ на исторію Галича". (Борьба Польши и Литвы—Руси за Галицко-Владимирское наслѣдіе, стр. 183).

***) Стр. 6 и 70.

Въ лѣтописномъ разсказѣ о господствѣ Галицкихъ бояръ въ XII—XIII в. необходимо различать двѣ стороны: призваніе князя боярами и нарушеніе тѣми же боярами ряда съ княземъ. Послѣднее—крамола. Первое—право бояръ.

Призваніе князя, составлявшее одно изъ основныхъ правъ вѣча во всѣхъ древнерусскихъ земляхъ, въ Галиціи и на Волыни въ концѣ XII в. дѣлается правомъ боярской думы.

Въ XIII в. лѣтопись констатируетъ много случаевъ осуществленія этого права боярской думой.

Рядомъ съ этими случаями констатируется случай призванія князя вѣчемъ въ XIII вѣкѣ. Подъ 1236 годомъ лѣтописецъ разсказываетъ, что Даніилъ приглашенъ былъ на Галицкій столъ вѣчемъ („мужами градскими"). Бояре вынуждены были уступить и своимъ согласіемъ санкціонировать рѣшеніе вѣча. Обращаясь къ призванному вѣчемъ князю, они сказали: „прииде княже Данило! приими градъ". Разсказанный случай—позднее свидѣтельство о принадлежавшемъ раньше вѣчу правѣ приглашать князя. Въ то же время слова, вложенныя лѣтописцемъ въ уста бояръ, указываютъ, что въ XIII в. рѣшающее значеніе въ дѣлѣ призванія князя принадлежало боярской думѣ.

Показанія памятниковъ о XIV в. отрывочны. Но въ Литовской лѣтописи сохранился разсказъ объ избраніи Гедимина князьями и боярами Волынскими*).

Въ той же лѣтописи сохранился разсказъ объ избраніи Волынскими князьями и боярами Казимира въ первой половинѣ XV вѣка:

> Pryiechali kniazi Sanguszkowiczy z Wolynia, y onyie wsi kniazi y Boyare Wolynskij pryiechali, y wdaryli czolom welikomu kniaziu Kazimiru sluzyty, y prysiahu iemu na tom swoiu dali. (Лѣт. Быховца, стр. 51).

Позднѣйшій фактъ, имѣвшій мѣсто въ концѣ XV в., служитъ отголоскомъ того же принадлежавшаго боярской думѣ на Волыни права призванія князя. По смерти великаго князя Казимира, отправлено было посольство отъ наслѣдника Литовскаго великокняжескаго стола Александра и отъ рады великаго княжества Литовскаго князьямъ и панамъ Волынской земли. Извѣщая князей и пановъ Волынской земли о смерти великаго князя и о сдѣ-

---

*) См. выше, 77.

данныхъ имъ предсмертныхъ распоряженіяхъ, рада приглашала Волынскихъ князей и пановъ пріѣхать на сеймъ для избранія великаго князя.

Положили ихъ милость соймъ у Вилни, землямъ всимъ зъѣхатися на день светого Ильи, на выбранье господаря, и казали вашой милости, братьѣ своей, мовить, ажъ бы есте на тотъ день тамъ къ ихъ милости ѣхали, для тыхъ всихъ дѣлъ и для доброго и посполитого земьского. И ваша бы милость, старшихъ васъ десять, або двадцать, або колько ся вамъ увидить, на тотъ соймъ къ намъ пріѣхали и о тыхъ дѣлѣхъ съ нами братьею своею помыслили. (А. З. Р., I, № 100).

Для участія въ избирательномъ сеймѣ приглашаются „старшіе“ князья и паны, т. е. тѣ самые лица, которыя входили въ составъ боярской думы во времена политической самостоятельности Волынской земли.

Основная тема лѣтописныхъ разсказовъ о событіяхъ въ Галиціи и на Волыни въ XII и XIII вв.—споры изъ за обладанія княжескими столами. Эти разсказы свидѣтельствуютъ о томъ, что призваніе князя входило въ кругъ предметовъ вѣдомства боярской думы уже въ концѣ XII в. Позже призваніе князя перешло въ вѣдомство боярской думы и въ другихъ земляхъ, вошедшихъ въ составъ Литовско-русскаго государства. Объ этомъ свидѣтельствуетъ слѣдующій фактъ, сообщаемый Литовской лѣтописью.

И прииде Швитригаило на Полтескъ и на Смоленескъ и князи Роустии и бояре посадиша князя Швитригаила на великое княженье Роуское. (Лѣтопись в. к. Л., стр. 50).

Изложенные нами разсказы лѣтописи свидѣтельствуютъ также о томъ, что уже въ XIII в. мѣстное управленіе въ Галиціи и на Волыни находилось въ рукахъ мѣстныхъ бояръ. Позже и въ другихъ земляхъ, вошедшихъ въ составъ Литовско-русскаго государства, занятіе должностей по мѣстному управленію сдѣлалось правомъ мѣстныхъ бояръ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ уставныя и другія грамоты Литовско-русскаго государства *).

Если боярской думѣ принадлежало право призванія князя, который осуществлялъ въ древней Россіи всѣ функціи государственной власти, и если мѣстное управленіе сосредоточивалось въ рукахъ отдѣльныхъ членовъ думы, то отсюда необходимо сдѣлать выводъ, что всѣ вопросы верховнаго управленія обсужда-

*) См. М. Н. Ясинскаго, Уставныя земскія грамоты Литовско-русскаго государства, стр. 116—117.

лись въ засѣданіяхъ думы; на это и указываетъ лѣтописецъ, говоря, что бояре „сами всю землю держали“.

Но въ памятникахъ сохранились указанія лишь на нѣкоторые предметы вѣдомства боярской думы. Въ изложенныхъ нами выше разсказахъ лѣтописи есть указанія на то, что въ засѣданіяхъ боярской думы XII и XIII вв., кромѣ важнѣйшаго вопроса о призваніи князя, обсуждались и другіе вопросы, напримѣръ, вопросы о войнѣ и мирѣ, о заключеніи междукняжескихъ договоровъ и др. *).

Отъ первой половины XIV вѣка сохранились грамоты Волынскаго князя Юрія Андреевича; эти грамоты свидѣтельствуютъ, что международные договоры заключались отъ имени князя и боярской думы **).

Отъ второй половины XIV вѣка сохранился договоръ великаго князя Волынскаго Дмитрія съ королемъ Польскимъ (Казиміромъ Великимъ). На договорѣ имѣются подписи членовъ боярской думы ***).

Наконецъ отъ XV в. сохранилось довольно значительное количество „листовъ“ великаго князя Волынскаго Свидригелла. Во всѣхъ этихъ листахъ встрѣчаемъ одно и то же выраженіе: „мы, порадившиися съ нашими князи и съ паны, съ нашею вѣрною радою, дали и записали...“ Это выраженіе ясно указываетъ на то, что листы великаго князя Свидригелла даны на основаніи постановленія боярской думы, обозначаемой въ то время особымъ терминомъ „рада“ †).

По своему составу боярская дума въ Галиціи и на Волыни отличается отъ боярской думы Новгородской и Псковской, отличается и отъ Московской боярской думы. Здѣсь не имѣетъ значенія народное довѣріе, мало значенія имѣетъ служба князю. Главнымъ основаніемъ участія въ думѣ служитъ собственное право, принадлежащее великимъ боярамъ, а позже князьямъ и панамъ.

Въ составъ боярской думы въ XIII в. входятъ „великіе бояре“; въ XIV и XV в.—князья и паны. Великіе бояре, по сви-

---

*) См. выше, стр. 194, 195.
**) См. выше, стр. 98.
***) См. выше, стр. 98.
†) „Листы“ Свидригелла напечатаны въ слѣд. изданіяхъ: А. З. Р., I; А. Ю. и З. Р., I; A, Sang., I и III; Антоновича и Козловскаго, Грамоты вел. князей Литовскихъ; Арх. Ю. З. Р., VII 1, V, 1; А. Л. М.

дѣтельству лѣтописи, управляли провинціями, на правахъ князей; позже изъ среды князей и пановъ назначались воеводы и старосты. Кромѣ того, великіе бояре, а позже князья и паны занимали высшія придворныя должности—дворскаго, дядька, канцлера, маршалка. Но не занятіе этихъ должностей давало право на участіе въ засѣданіяхъ боярской думы. Рядомъ съ должностными лицами въ составѣ думы встрѣчаемъ великихъ бояръ, князей и пановъ, не занимающихъ никакихъ должностей и засѣдающихъ въ думѣ по собственному праву (а не вслѣдствіе уполномочія со стороны князя или народа). Эти лица, не занимающія должностей, въ нѣкоторыхъ случаяхъ составляютъ большинство, и ихъ имена стоятъ впереди именъ должностныхъ лицъ. Приведемъ нѣсколько списковъ рады великаго князя Свидригелла:

А при томь были свѣдоки князи и паны рада наша: князь Олександро Ивановичь Нось, пань Ивашко Монивидовичь, пань Юрша, пань Киркидий, пан Семашко. Писан у Луцку в лѣты Исус Христова рожества 1429. (A. Sang., I, № XXXI).

А при томъ были сведоки наша вѣрная рада князи и панове: князь Александръ Ивановичь Носъ, панъ Ивашко Монивидовичь, пан Юрша, князь Борисъ Глиньский, панъ Иванъ Гулевичь, панъ Грицко Кирдѣевичь, панъ Иванъ Чорный, панъ Андрей Дчюса маршалокъ нашь, панъ Савастьянъ... А писанъ в Киеве подъ лѣты рожества Исусъ Христова 1442. (A. Sang., I, № XXXVIII).

А при томъ были: Владыка Луцкій Ефремей, а кияз Иван Васильевичъ, а княз Иванъ Четьвертенский, а панъ Козаринъ Резановичъ, а пан Немира Резановичъ староста Луцкий, а княз Александро Сонкгушкович, а пан Петрашко Мылский маршалокъ земский, а пан Пашко Дохнович староста Володимерский, а панъ Федко. (A. Sang., III, № X) *).

Какъ видно изъ послѣдняго списка, въ составъ боярской думы входили духовные члены—епископы. По свидѣтельству лѣтописи, высшіе представители церкви—епископы—играли весьма важную роль въ политической исторіи Галиціи и Волыни: епископы выполняютъ важныя дипломатическія порученія, епископы наравнѣ съ великими боярами вступаютъ въ борьбу съ княземъ, епископъ является замѣстителемъ тяжко заболѣвшаго князя **). Вслѣдствіе такого своего значенія, епископы, по свидѣтельству грамотъ XIV и XV в., занимаютъ первое мѣсто въ боярской думѣ.

---

*) См. Ипат., стр. 518, 527, 562, 592, 593, 594, 600.

**) См. также выше, стр 98, 99, 118.

Подобно сѣверно-русскимъ демократическимъ государствамъ—Новгороду и Пскову,—потерявшимъ политическую самостоятельность и присоединеннымъ къ Москвѣ, потеряли политическую независимость и юго-западныя аристократическія государства—Галиція и Волынь: Галиція присоединена была къ Польшѣ въ XIV в., Волынь присоединена была къ Литвѣ въ XV в. и, затѣмъ, къ Польшѣ въ XVI. Но паденіе самостоятельности демократическихъ государствъ на сѣверѣ и аристократическихъ на юго-западѣ совершилось при различныхъ условіяхъ.

Паденіе политической самостоятельнмсти Новгорода и Пскова сопровождалось паденіемъ особенностей вѣчевого устройства. Во время переговоровъ, предшествовавшихъ присоединенію Новгорода къ Москвѣ, великій князь Московскій велѣлъ сказать посламъ Новгородскимъ:

„а въспрашиваете: какову нашему государьству быти на нашей отчинѣ на Новѣгородѣ, ино мы великіе князи хотимъ государьства своего, какъ есмы на Москвѣ такъ хотимъ быти на отчинѣ своей Великомъ Новѣгородѣ“. (Воскр., 1478, стр. 192).

Когда Новгородскіе послы замѣтили, что имъ Московская „пошлина“ неизвѣстна, то бояре Московскіе прямо сказали, что основной пунктъ этой пошлины заключается въ слѣдующемъ: вѣчу не быть. Та же пошлина Московская введена была позже и въ Псковѣ.

Мало того: бояре и другіе лучшіе люди Новгородскіе и Псковскіе, отъ которыхъ можно было ожидать борьбы за Новгородскую и Псковскую „пошлину“ были выведены и разселены въ различныхъ мѣстностяхъ Московскаго государства. Въ Новгородѣ, по словамъ историка Костомарова „отъ старины осталась только земля; но старую душу нельзя было вложить въ чуждое ей новое тѣло“ *). Это замѣчаніе вполнѣ примѣнимо и къ Пскову.

При совершенно другихъ условіяхъ потеряли свою политическую независимость Галиція и Волынь. Галиція вошла въ составъ Польскаго государства, въ которомъ давно уже утвердился аристократическій строй. Волынь вошла въ составъ великаго княжества Литовскаго. Основное правило, котораго придерживались великіе князья Литовскіе по отношенію къ русскимъ землямъ—„старины“ не нарушать и „новины“ не вводить **). Аристокра-

*) Сѣверорусскія народоправства, Монографіи, VII, стр. 227.
**) М. Н. Ясинскій, Уставныя грамоты лит.—рус. гос., стр. 2 и слѣд.

тическія особенности Волынской земли не исчезаютъ: наоборотъ, они отражаются на строѣ всего Литовско-русскаго государства.

Памятники свидѣтельствуютъ о слѣдующихъ особенностяхъ общественнаго строя Волынской земли въ періодъ Литовскій.

Въ землѣ существуетъ многочисленный классъ крупныхъ землевладѣльцевъ—князей и пановъ.

Изъ среды этихъ князей и пановъ выходили лица, замѣщавшія важнѣйшія должности по управленію Волынской землей—старосты Луцкаго, намѣстника (позже старосты) Владимирскаго, старосты Кременецкаго, маршалка Волынской земли.

Для обсужденія важнѣйшихъ вопросовъ, касающихся Волынской земли, созываются сеймы.

На сеймахъ, кромѣ князей и пановъ, присутствуютъ и простые земяне и бояре. Но руководящая роль принадлежитъ князьямъ и панамъ*).

Эти сеймы періода Литовскаго замѣнили боярскую думу и раду періода политической самостоятельности Волынской земли.

---

*) О сеймахъ Волынской земли см. М. Любавскаго, Областное дѣленіе., стр. 869—872, Его же, Литовско-русскій сеймъ, стр. 153—155, Н. Максимейко, Сеймы Литовско русскаго государства, стр. 19, 29, 36—39.

тическія особенности Волынской земли не исчезають, наоборотъ, они отражаются на строѣ всего Литовско-русскаго государства.

Памятники свидѣтельствують о слѣдующихъ особенностяхъ общественнаго строя Волынской земли въ періодъ Литовскій.

Въ землѣ существуетъ многочисленный классъ крупныхъ землевладѣльцевъ—князей и пановъ.

Изъ среды этихъ князей и пановъ выходили лица, занимавшія важнѣйшія должности по управленію Волынской землей—старосты Луцкаго, намѣстника (позже старосты) Владимірскаго, старосты Кременецкаго, маршалка Волынской земли.

Для обсужденія важнѣйшихъ вопросовъ, касающихся Волынской земли, созываются сеймы.

На сеймахъ, кромѣ князей и пановъ, присутствують и простые земяне и бояре. Но руководящая роль принадлежить князьямъ и панамъ[1].

Эти сеймы періода Литовскаго являются преемниками вѣчу періода политической самостоятельности Волынской земли.

[1] О сеймахъ Волынской земли см. М. Любавскій, Областное дѣленіе..., стр. 370—373. Его же, Литовско-русскій сеймъ, стр. 418—420. [illegible] (стр. 19, 89—99).

ВАЖНѢЙШІЯ ИЗЪ ЗАМѢЧЕННЫХЪ ОПЕЧАТОКЪ.

Стран	Строка	Напечатано:	Должно быть:
6	12 сверху	наборныхъ	выборныхъ
13	4 снизу	Моек	Моск.
16	6 сверху	сторѣ	строѣ
21	11 снизу	восходитъ	восходятъ
30	3 сверху	обществомъ“ *).	обществомъ“.
—	6 „	управленіи.	управленіи *).
—	3 снизу	Стр. 39	Стр. 6, 39
53	18 „	протнвенъ	противенъ
79	10 „	оговора	договора
91	7 сверху	дѣтямъ:	братьямъ:
98	8 снизу	великимъ княземъ Ягелломъ,	королемъ Польскимъ,
112	3--4 сверху	совѣ-сомъ	совѣ-томъ
120	13 „	1898 2	1898, 2
148	14 снизу	всѣхъ“.	всѣхъ“ **)
—	1 „	. . . . .	**) Записки о Московіи барона Герберштейна, пер. Анонимова, Спб., 1866, стр. 28.
187	2 „	схачены.	схвачены.